

Амнон Йона НЕ ОСТАВЛЯЯ СЛЕДОВ

Амнон
Йона
Не оставляя
следов

Воспоминания ветерана
израильских спецслужб

t
e
x
t
T
T
e
K
C
T

אמנון יונה

שליחות ללא עקבות

שישים שנות פעילות
בטחונית מרתקת

АМНОН ЙОНА

НЕ ОСТАВЛЯЯ
СЛЕДОВ

Воспоминания ветерана
израильских спецслужб

Перевод с иврита Юлии Винер

УДК 355/359
ББК 68.49(5Изр)
И75

ISBN 5-7516-0530-6

© Амноп Үона

© «Текст», издание на русском языке, 2005

Предисловие к изданию 2001 года

Книга Амнона Йоны «Не оставляя следов» полна неожиданностей, ибо повествует о том полном неожиданностей периоде в истории еврейского народа, когда из хаоса и смуты послевоенного мира он шел к своей земле, к стране, еще не ставшей государством, к своей регулярной армии, к решению насущных национальных задач.

Этой будущей стране грозили враги, в ней царили разруха и неуверенность. Но основы ее закладывались людьми, наделенными отвагой и неумной энергией, которые надеялись на себя — и на чудо. И чудо сбывалось, хотя порой и медленно.

Аммон Йона пишет об этом сумеречном, переходном времени. Времени, которому не было примеров в прошлом, под которым не было твердого фундамента. Без излишнего пафоса, даже с юмором, описывает автор эту гигантскую импровизацию, когда вокруг ее создателей клубились дымки пожарищ, сквозь которые едва мерцали проблески надежды. В такой ситуации каждый человек — целая организация, каждое решение может оказаться судьбоносным, каждое действие — изменить ход событий.

То, о чем рассказывает эта книга, миновало и более не повторится. Но именно эта неповторимость открывает нам важнейшую тайну, лежащую в основе основ Израиля: тайну людей одной идеи, обладавших видением будущего.

События принадлежат прошлому. Уроки их — дар, приносимый будущему настоящим.

7 июня 2001 года

*Шимон Перес
заместитель премьер-министра, министр обороны*

Предисловие к изданию 1988 года

История государства состоит из мелких подробностей, которые складываются в огромное полотно. Историю Государства Израиль творили многие люди — пишут ее немногие. Целое поколение, воспитанное в условиях подполья, привыкло к секретности, к строжайшему соблюдению тайн прошлого, даже после возникновения государства. Это привело к серьезным потерям. Участники важнейших событий, поворотных моментов в истории Государства Израиль, ушли от нас, унеся с собой свои воспоминания. Мы многому могли бы у них научиться, познавая их боевые традиции, усваивая уроки прошлого. Мы делаем это, но не в достаточной мере. Время подгоняет. Историки по крохам собирают драгоценные материалы, стремясь составить себе верное представление о тех событиях. В последние годы мы прилагаем все усилия, чтобы восполнить пробелы в нашем понимании истории Израиля — еще и потому, что, как выяснилось, молодое поколение слишком мало знает о той борьбе, которую мы выдержали на пути к Декларации Независимости. Выяснилось, что часть молодых наших граждан воспринимает существование государства как данность, как нечто само собой разумеющееся.

Труд Амнона Йоны — это одна из увлекательных глав в большой исторической книге о нашей борьбе за свое государство. Аммон Йона и его товарищи были частью того сообщества, которое много делало и долго молчало. Лишь через двадцать лет после описываемых событий увидело свет первое издание книги, представляющей собой сочетание приключенческого романа и реальной истории подпольной работы ради зарождающегося государства.

Сегодня, когда мы отмечаем сорокалетнюю годовщину Государства Израиль, следует поблагодарить Амнона Йону

за его вклад в борьбу Хаганы* и за то, что он засвидетельствовал, пусть и не полно, события из истории зарождения нашего государства. Благодарю также издательство «Маарахот» за переиздание этой книги, ценного достояния будущих поколений.

15 мая 1988 года

*Ицхак Рабин
министр обороны*

* Хагана (*ивр.* «оборона») — еврейская подпольная военная организация, действовавшая в подмандатной Палестине с 1920 г. до провозглашения независимости, когда эта организация стала основой Цахала — Армии обороны Израиля. (*Здесь и далее, если не указано иное, примеч. переводчика.*)

*Моей жене Марте,
моим детям Яэль, Анат, Авишаю и Разу
и моим внукам Ювалю, Михаль, Мор,
Ширан, Зохар и Шани*

Два грандиозных явления современной истории определили и направили мою жизнь. Одно — это Катастрофа, постигшая наш народ во время Второй мировой войны, позорное пятно в истории человечества; второе — провозглашение Государства Израиль в мае 1948 года, после чего началась война между нами и палестинцами, поддержанными соседними арабскими государствами, — война за определение законных границ государства и за само его существование, которая, в сущности, продолжается до сего дня.

Подобно большинству людей моего поколения, я был воспитан в духе сионизма, когда это слово еще не ставили в кавычки, когда такие ценности, как любовь к своему народу и родине, чувство долга, преданность и самопожертвование, усваивались нами с молодости, когда нашими духовными учителями были такие люди, как Ицхак Саде, Игаль Алон, покойный Ицхак Рабин и (дай ему Бог здоровья) Шимон Перес.

Трудное время — трудная жизнь: моим друзьям и мне приходилось заниматься не тем, чем хотелось, а тем, что диктовалось необходимостью. Начертав на своем знамени: «Приказ отдан — приказ исполнен», мы энергично выполняли любое порученное нам дело.

Вспоминая свою жизнь и работу — в Хагане, где впервые встал в ряды защитников страны, затем в ПАЛМАХе*, армии Израиля, затем в оборонной промышленности и, на-

* ПАЛМАХ (*аббр.* ивритских слов «ударные отряды») — добровольческие регулярные подразделения Хаганы, действовавшие в подмандатной Палестине в 1941—1948 гг.

конец, участие в создании Дома ПАЛМАХа, призванного увековечить память павших воинов, чем и завершается круг моей деятельности, — я прихожу к мысли, что самую возможность жить и быть полезным в такое время я могу рассматривать как привилегию.

Этой привилегией я обязан многим, и среди них первый — покойный Шауль Авигур (Меиров), защитник Тель-Хая, один из основателей наших секретных служб и на протяжении многих лет мой руководитель, командир и друг.

Введение

Третья рота ПАЛМАХа

В 1942 году, в разгар Второй мировой войны, войска нацистской Германии и фашистской Италии готовились захватить большой кусок Ближнего Востока особым маневром: с юга — через Киренаику (сегодня — Ливия), Египет и Синайскую пустыню, а с севера — через Сирию и Ливан с помощью французских войск, подчиненных правительству Виши. Выполняя этот план, нацистский генерал Роммель продвигался по Западной пустыне через район Киренаики к Египту, с тем чтобы захватить его, а вслед за тем и Палестину.

Британский главнокомандующий на Ближнем Востоке, штаб-квартира которого находилась тогда в Каире, предложил ишуву (еврейской общине в Палестине) мобилизовать и передать в его распоряжение 1000 человек, которые будут обучены приемам партизанской войны на случай немецкого вторжения в Палестину. Командование Хаганы решило принять это предложение и мобилизовало почти целиком шесть рот ПАЛМАХа, которые и приступили к тренировкам в районе кибуца Мишмар ха-Эмек. Англичане предоставили оружие, финансовое обеспечение и инструкторов, которые провели интенсивное обучение бойцов подрывному делу, приемам разведки, самообороне без оружия и стрельбе.

Ури Яффе, командир Третьей роты, прибыл в штаб Хаганы в районе Гуш-Дан и начал набор добровольцев. Я вырос в квартале Борохов и был воспитан в духе любви к родине, ответственности и самопожертвования. Побеседовав со мной лично, Ури предложил мне стать командиром взвода подрывников и десантников Третьей роты, которой командовал Ицхак Рабин (в 1940 году я закончил курсы взводных командиров, которыми руководил Цви Герман). Согласно его рекомендации я явился в Мишмар ха-Эмек, где располагались взводы подрывников и десантников, на-

бранных из всех шести рот, а также взвод десантников-«немцев» и взвод десантников-«арабов».

В лагере Мишмар ха-Эмек собрался цвет израильской молодежи предгосударственного периода. Там и сложился стиль жизни, общения и коллективной работы, носители которого впитали дух ПАЛМАХа и стали потом называться «палмахниками».

Интенсивные учения, патрулирование и разведка местности, сбор информации о стратегически важных объектах, обсуждение стоящих перед нами задач — все это происходило на своеобразном фоне жизни под открытым небом, под песни у костра, с кружкой кофе в руках.

Завершая свое обучение, мы провели три дня у друзов, в деревне Усафие — знакомство с их нравами и обычаями, схожими с арабскими, должно было помочь нам в случае необходимости затеряться в гуще арабского населения.

Эйн-Сара

По завершении курсов в лагере Мишмар ха-Эмек все разведгруппы были распределены по оперативным базам страны. Наша группа (командир — Ицхак Рабин) попала в кибуц Эйн-Сара около Нагарии. Нам предстояло научиться ориентировке на местности в районе Западной Галилеи.

Обучение протекало следующим образом. Небольшой группой, в составе отделения, мы выходили на местность и проводили там несколько дней, не вступая в контакт со своей базой. Мы все время переходили с места на место, днем и ночью жили под открытым небом, изучили все дороги и тропинки вверенного нам района и составили план диверсионной работы на военных объектах на тот случай, если нацисты действительно вторгнутся в Палестину.

Ха-Зореа

Вторжение это, однако, не состоялось. Роммель был разбит под Эль-Аламейном и отброшен. Англичане, которые на некоторое время приняли нас как союзников, вернулись к

своей прежней политике. Финансирование прекратилось, наши операционные базы были ликвидированы, оружие пришлось сдать обратно англичанам. Наша группа попала в военно-трудовой лагерь при кибуце Ха-Зореа, Ицхак Рабин поступил на курсы командиров взводов, и его заменил Шауль Яффе.

Прекращение «сотрудничества» с англичанами привело к кризису в ПАЛМАХе. Часть людей пошла служить в британских войсках, часть осталась в резерве, остальные продолжали свою скромную, незаметную, неутомимую деятельность в предвидении лучшего будущего. Наша группа изучала топографию, собирала данные об арабских деревнях, продолжала учиться передвижению и ориентировке на местности, занималась физподготовкой и стрельбами.

Наша первая операция

Иегуда Арази, который в то время занимался приобретением и распределением оружия и боеприпасов, предложил смелый план захвата оружия у англичан. Получив согласие штаба Хаганы, мы проникли в английский военный лагерь «Ахуза» на горе Кармель, чтобы снова взять винтовки, которые они отобрали у нас после прекращения совместных действий. Выбрав подходящий момент, мы проломили забор, пробрались на склад и погрузили на машину винтовки, автоматы, ручные пулеметы и большое количество боеприпасов. Все прошло в полной тишине, мы с добычей двинулись к кибуцу Ягур, а оттуда на машинах вернулись на базу в кибуце Ха-Зореа, усталые, но довольные успехом операции.

После этого штаб роты направил меня на курсы инструкторов физподготовки в Хадар (около Раматаим). Занятия включали такие полезные виды спорта, как бокс, дзюдо, плавание и контактная самооборона с применением палок разной длины.

Боевая и физическая подготовка, которую дали нам эти курсы, весьма пригодилась каждому бойцу и каждой группе, когда ПАЛМАХ начал выходить на задания, требующие максимального напряжения сил.

Эмек ха-Ярден

Затем наша рота была переведена в Эмек ха-Ярден и расположилась в кибуцах Ашдот-Яков, Афиким, Дгания и Киннерет, продолжая работать и проводить учения. Мы совершали марш-броски по всей стране, а особенно часто в таких безлюдных местах, как побережье Мертвого моря и Сдом, где можно было упражняться в стрельбе, не привлекая к себе внимания британских властей.

Первое ротное учение с боевыми патронами

В феврале 1944 года наша рота проводила боевое учение в районе Сдома. Из лагеря в Эмек ха-Ярден мы приехали на автобусах в кибуц Рамат-Рахель, а оттуда через Иудейскую пустыню направились походным маршем в район Сдома. Там мы расположились лагерем, неделю готовились и затем провели первые в Израиле ротные учения с боевыми патронами (а также и минами — у нас были не только ручные пулеметы, но и трехдюймовые минометы). После этого мы совершили марш-бросок в кибуц Ревивим. Впереди шел разведывательный отряд, задачей которого было обеспечить правильный маршрут движения и искать источники воды. Через вади* Фукра мы попали в Махтеш Катан, из которого вышли через Маале ха-Акрабим на Фукру и к вади Яаман. По дороге к Эйн-Ирка мы наткнулись на огромные глыбы, преграждавшие нам доступ к источнику. Нашли козью тропу и ухитрились пробраться по ней всей ротой. Тамошнее арабское население, удивленное нашей смелостью и упорством, окрестило это место «Накб аль-Яхуд» («Еврейская балка»).

Через девятнадцать лет, 26 декабря 1962 года, в этой балке состоялся слет ветеранов нашей роты и их семей. В нем участвовали 190 членов организации и 400 членов их семей, собравшиеся со всех концов страны. Нашими почетными гостями были Игаль Алон, Иегуда Альмог, Цвика Замир

* Вади — высохшее русло реки или ручья.

(главнокомандующий войсками Южного района страны) и Рахель Маккаби.

Трибуной послужила каменная глыба, и с нее было произнесено краткое вступительное слово. Затем полотно, закрывающее памятную доску, упало, и открылась надпись «Долина ПАЛМАХа», заменившая теперь и Накб аль-Яхуд, и Еврейскую балку. После этого мы вернулись в лагерь, где нас ждали ужин и песни всю ночь у костра, как это было принято раньше, в дни сражений.

Полиция города Шхем

При полицейском участке города Шхем находилась центральная база воинской части под названием «Анемоны», солдаты которой носили красные береты. Нашей разведгруппе поручили выяснить возможности нападения на базу. Под началом Шауля Яффе мы доехали автобусом из Ашдот-Яакова до вадди Ара, а оттуда походным маршем отправились на Шхем.

Уточнив карту окрестностей полицейского участка, мы устроили привал около шоссе Шхем — Иерусалим. Туда из Ашдот-Яакова должен был подъехать молоковоз, доставить нам провиант.

Расположившись лагерем на кукурузном поле и готовясь к ночлегу, мы вдруг заметили оживленное движение армейских машин. Нас искали. Шауль немедленно приказал Дову Каминскому и мне незаметно скрыться, забрав всю документацию, а также фляги для воды, в которых были спрятаны пистолеты. Мы так и сделали. Вскоре мы поняли, что англичанам надоело искать наш отряд.

Под утро пришел молоковоз, и мы с Довом отправились с ним в Иерусалим. Шаулю тоже удалось отвести свой отряд в безопасное место.

Курсы командиров взводов в Джуаре

В 1944 году штаб роты направил меня на курсы командиров взводов Хаганы. Начальником курсов был Йосеф Авидар, впоследствии начальник отдела снабжения при генштабе.

Физическая подготовка

В качестве инструктора физподготовки я преподавал на трехнедельных курсах интенсивной физической подготовки в роше Гиноссар. В занятия входили: утренняя гимнастика, групповая пробежка по 8 км, дзюдо, бег с препятствиями, бокс, плавание. По вечерам мы сидели вокруг костра, ужинали и пели песни до полуночи. Игаль Алон приезжал к нам на пятницу и субботу, привозил иногда с собой Ицхака Садэ, и они тоже сидели с нами у костра.

Ночь взорванных путей

В ноябре 1945 года штаб ПАЛМАХа организовал взрыв железнодорожных путей по всей Палестине: от Рош ха-Никра на севере до Газы и от Мевуот-Иерушалаим и Хайфы до Цемаха. Все двести взрывов должны были прогреметь одновременно.

Наша группа (в состав которой входил и Меир Паиль) направилась из кибуца Маоз-Хаим к месту проведения операции восточнее железнодорожной станции Бейт-Шеан. В назначенный момент мы взорвали пути и вернулись в Маоз-Хаим. Утром я уже продолжал свои занятия в Ашдот-Яакове.

На укрепление Гадны*

Штаб Хаганы решил, что наступило время поднять уровень военного обучения в Гадне. Командование ПАЛМАХа выделило для этой цели четырех инструкторов (Асафа Симхони, Миху Пери, Двору Блюм и меня), которые должны были стать командирами полков в четырех округах.

* Гадна (*аббр.* ивритских слов «молодежные отряды») — израильская добровольческая молодежная организация, готовящая подростков 13—18 лет к военной службе. Была создана в начале сороковых годов. Ей предшествовали молодежные организации, готовившие своих членов к участию в Хагане.

Я был назначен командиром полка Гадны в округе Кинерет, в который входили Тверия и поселения в Эмек ха-Ярден и Явниэль, под началом Гиоры Шинана, в прошлом заместителя начальника генштаба ПАЛМАХа. При этом я продолжал выполнять свои обязанности инструктора физподготовки Третьего полка, в который входила наша Третья рота.

Ночь взорванных мостов

В ходе борьбы с англичанами командование Хаганы возложило на ПАЛМАХ задачу взорвать одиннадцать главных мостов Палестины, чтобы изолировать страну от соседних государств. Меня назначили командиром группы, которая должна была взорвать железнодорожный мост через реку Ярмук около поселка Хамат-Гадер, где сходились границы Израиля, Иордании и Сирии.

Каждую неделю мы проводили ночную разведку окрестностей и подходов к цели. Один раз к нам присоединился Дан Ланер (впоследствии командир Синайского полка), недавно вернувшийся из Югославии. Он помог нам рассчитать нужное количество взрывчатки и заложить ее на мосту так, чтобы достигнуть максимального эффекта.

В начале февраля 1946 года, вернувшись с ночного патрулирования к себе в Бейт-Зера, я нашел в своей комнате записку. Меня срочно вызывали домой. Приехав в Борохов, я получил приказ немедленно связаться с Ахароном Селой, адъютантом начальника штаба Хаганы в Израиле, Моше Снэ. Ахарон сообщил мне, что, по рекомендации Ицхака Садэ, я освобожден от своих обязанностей в ПАЛМАХе и Гадне и назначен персональным помощником Хаима Вейцмана, председателя Гистадрута*, на время его пребывания в Израиле (Вейцман проводил тогда полгода в Израиле и полгода в Лондоне).

* Гистадрут — Всеобщая федерация профсоюзов.

Неудачная попытка освободить заключенных в Цфате

Находясь в резиденции Вейцмана в Реховоте, я отправился однажды провести пятницу и субботу к друзьям из Третьей роты в Эмек ха-Ярден. Приехав в Ашдот-Яаков, я почувствовал, что там что-то намечается. Мне повезло — я встретил Моше Нецера, командира роты, и он ввел меня в курс дела: этой ночью планировалось напасть на полицейский участок в Цфате и освободить Цвику Замира и его людей, арестованных англичанами. Я уговорил Моше позволить мне участвовать в деле, и мы отправились на место сбора в Гиноссаре. Меня включили в штурмовой отряд под командованием Ахарона Спектора. Вместе с моим напарником Эльадом Пеледом, в будущем командующим обороной Северного района страны, мы должны были взорвать дверь тюрьмы.

Мы доехали на автобусе до Рош-Пины и далее по шоссе на Цфат. Не доезжая нескольких сот метров до тюрьмы, мы вышли из автобуса и встретились с отрядом, который принес с собой оружие. Подошли к забору, окружавшему тюрьму. Ахарон указал прикрытию его позицию, и взвод приготовился к штурму, как только мы с Эльадом взорвем дверь. Однако у входа расхаживал полицейский, которого мы не ожидали там увидеть. Ахарон бросил гранату, ранил полицейского, тот упал. Эльад и я пробрались сквозь образовавшуюся дыру в ограде, подбежали к двери и стали готовиться к взрыву. Но тут полицейские с вышки открыли убийственный огонь по нам с Эльадом и по всему отряду. Мы с Эльадом прижались к стене.

Тем временем подошли солдаты с базы на горе Кнаан. Ахарон решил отходить. Наше прикрытие обнаружило себя, и полицейские с вышки переключились на них. Воспользовавшись этим, мы с Эльадом выбежали через дыру в заборе. Наш отряд отступил через вадии Амуд к кибуцу Хукук, а оттуда — к поселку Бейт-Кешет. Здесь нас забрал грузовик, перевез ночью на Киннерет, и дальше мы двинулись походным маршем на Ашдот-Яаков. На следующий день я вернулся в Реховот и продолжал там свою работу. Это была последняя операция Третьей роты, в которой я участвовал.

Завершив выполнение своих обязанностей персонального помощника президента, я сменил Асафа Симхони на посту командира полка Гадны, расположенного в Хайфе. Позже Асаф Симхони был назначен командующим обороной Южного района страны, и в этой должности застала его Синайская война. Я же получил дополнительное назначение — командиром подразделения войск особого назначения в Северном районе страны. Это сделало меня также и координатором между генштабом Хаганы и Университетом в Хайфе, где занимались подготовкой технических средств обороны для Хаганы.

В период моей службы в Хайфе, с семнадцатого июня 1946 года, ПАЛМАХ провел операцию по взрыву 11 мостов, соединявших Израиль с соседними арабскими государствами. Мне было поручено обеспечить взрыв моста через Ярмук. Командиром нашей подрывной группы был Ахарон Спектор.

Глава 1

С ЗЕМЛИ ИЗРАИЛЯ В ЕВРОПУ 1947 ГОДА

Посыльный приносит мне записку

Дело было в начале апреля 1947 года, во вторник. Около полудня в мою комнату постучался посыльный из окружного штаба и принес мне записку, в которой было сказано: «В ближайшую субботу явишься домой к Йошуа Глоберману, в Ягур».

Мне было тогда двадцать четыре года, и я уже год состоял при хайфском окружном штабе Хаганы в должности командующего молодежными отрядами. Я был также командиром отряда специального назначения при штабе. Жил я тогда в Хайфе, снимал комнату.

Чтобы понять, как эта, весьма меня удивившая, записка привела меня к тем происшествиям, о которых я здесь расскажу, необходимо вернуться назад и описать атмосферу, царившую в те дни в Палестине под британским мандатом, в последний год перед образованием Государства Израиль.

За пять лет до этого, в 1942 году, когда войска генерала Роммеля скорым маршем продвигались по Западной пустыне, было ощущение, что они вот-вот вторгнутся в Палестину. Еврейская молодежь в Палестине выбирала один из двух путей: некоторые вступали в британскую армию и воевали на фронтах Средиземноморья, другие же, оставаясь в Палестине, проходили обучение боевым действиям, готовясь отразить вторжение нацистов. В начале 1943 года британские офицеры еще проводили с саперами ПАЛМАХа тренировки в лесах на Кармеле и в рощах Мишмар ха-Эмека. В распоряжении бойцов были вполне легальное оружие и взрывчатка, царило полное согласие с англичанами, и цель у нас была одна. В случае вторжения немцев наши парни должны были вести партизанскую войну.

В 1945 году Вторая мировая война закончилась. Для евреев радость победы была далеко не полной — треть наше-

го народа была уничтожена. Бойцы Хаганы предвидели, что с окончанием мировой войны начнется «еврейская война», именно к ней они теперь готовились. С этой целью те, кто воевал в рядах британской армии, старались всеми возможными способами раздобыть побольше оружия — как в Европе, так и в Западной пустыне.

К 1947 году картина изменилась самым радикальным образом. Соратники, лишь недавно плечом к плечу сражавшиеся против нацистов, превратились в противников. Власти британского мандата всеми силами, и порой с поразительной жестокостью, боролись против осуществления поставленной нами гуманной цели — переправить уцелевших в Катастрофе евреев из разоренной войной Европы в Эрец-Исраэль. Только так мы могли воспользоваться плодами победы, только так могли мы уплатить свой долг перед жертвами.

Взаимоотношения между еврейским населением Палестины и мандатными властями обострялись с каждым днем. Политическая полемика очень скоро зашла в тупик и сменилась бурными демонстрациями, столкновениями с полицией, а затем и с армией. В Палестине находилось значительное число британских солдат, и здешние события задерживали их возвращение на родину и демобилизацию. Наконец отдельные схватки перешли в открытую, последовательную борьбу, которая и продолжалась вплоть до ухода англичан из Палестины и до освободительной войны 1948 года.

А в 1947 году дело обстояло следующим образом: организация Хагана, военизированный отряд организованного еврейского населения, борется против антиссионистских мандатных властей, которые упорно препятствуют алие* и стремятся положить ей конец — запрещают поселенческую деятельность, вводят комендантский час, затрудняют возможности передвижения внутри страны, словом, навязывают нам множество ограничений. Одновременно, в предвидении настоящей войны в момент образования еврейского государства, Хагана укрепляет свою организацию, чтобы

* Алия (букв. «восхождение») — переселение евреев на постоянное жительство в Израиль; группы евреев, прибывшие в Эрец-Исраэль из какой-либо страны или в определенный период времени.

противостоять враждебным действиям соседей-арабов. Корабли с еврейскими беженцами из Европы один за другим пытаются прорваться к берегам Палестины сквозь жесткий заслон, поставленный англичанами. Этим занимается отдел Хаганы под названием «Моссад ле-Алия Бет» (Служба иммиграции).

Еврейские иммигранты заселяют землю, в том числе и те районы, которые закрыты для них по приговору «Белой книги»* от 1939 года.

Бойцы Хаганы, главным образом члены ПАЛМАХа, а также организаций ЭЦЕЛЬ** и ЛЕХИ***, производят диверсионные акты против английских учреждений с целью подорвать позиции мандатных властей в Палестине.

Второго числа того самого апреля 1947 года саперам ПАЛМАХа удалось заложить взрывчатку и пробить дно лайнера «Оушн войджер», стоявшего в порту Фамагуста на Кипре. Англичане, правившие тогда Кипром, устроили там лагерь для еврейских беженцев, и корабль использовался для вывоза на Кипр из Хайфы нелегальных иммигрантов, которых властям удалось поймать.

Пятого апреля произошел взрыв на судне «Эмпайер ройял», которое также использовалось для транспортировки нелегальных иммигрантов. По стране был введен запрет на проезд по главным магистралям в ночные часы, в домах и на дорогах непрерывно производились обыски.

Такова была атмосфера в стране в тот момент, когда я получил вышеупомянутую записку. Посыльного я, разумеется, расспрашивать не стал. С шестнадцати лет, с тех пор,

* «Белая книга» — отчет о политических мероприятиях британского правительства, представляемый парламенту Великобритании. Некоторые из таких документов сыграли важную роль в истории подмандатной Палестины.

** ЭЦЕЛЬ (*аббр.* ивритских слов «Национальная военная организация») — вооруженная подпольная организация, созданная частью командиров и бойцов Хаганы (1931).

*** ЛЕХИ (*аббр.* ивритских слов «Борцы за свободу Израиля») — экстремистская подпольная военная организация в подмандатной Палестине, отколовшаяся от ЭЦЕЛЬ в 1940 г. с целью более активной борьбы с британскими властями.

как я стал членом Хаганы, я привык безоговорочно выполнять приказы. И все-таки это требование заставило меня задуматься. Ныне покойный Йошуа Глоberman стоял тогда во главе ЦОИ — Центрального отдела боевого инструктажа. Приказ явиться к нему возбудил мое любопытство и вызвал множество догадок.

Я с нетерпением дожидался назначенного дня и в субботу явился к Глоbermanу в Ягур. Разговор был короткий: принято решение включить меня в группу Хаганы, отправляющуюся в Европу под началом Нахума Шадми. Задача группы — наладить самооборону евреев в тех странах, где существует опасность антисемитских выступлений. Через две-три недели я приступаю к новой работе. Необходимо быстро передать все свои текущие дела и закончить приготовления. Дата отправления уже известна.

Новое назначение стало для меня неожиданностью, и, хотя оно привлекало меня, я был полон опасений. Я ведь еще ни разу в жизни не бывал за границей, и предстоящая встреча с незнакомым миром очень меня волновала. Каково мне будет среди чужих? Как с ними разговаривать? Правда, вокруг меня будут в основном евреи, но действовать нашей подпольной группе придется на чужой территории, справлюсь ли я с новой работой? Конечно, я испытывал гордость за то, что меня сочли достойным участвовать в этой миссии, это был знак признания и одобрения. И все же я боялся разочаровать тех, кто меня рекомендовал.

Одно за другим пошли собеседования. Я познакомился со своим новым командиром, Нахумом Шадми. Он подробнее рассказал мне о задачах группы и упомянул, что меня, возможно, пошлют в Германию. Что конкретно я буду делать и где жить, определится уже в Европе.

Поле деятельности Нахума Шадми в Европе

Когда Вторая мировая война стала близиться к концу, евреи Палестины и их руководители понимали, что теперь предстоит необычная и не терпящая отлагательства работа в Европе, среди массы еврейских беженцев, освобожденных из нацистских лагерей. С другой стороны, было очевидно, что

объем работы и возможности ее проводить станут яснее лишь после того, как завершатся бои. Руководство составляло планы, но во всех планах наличествовало больше домыслов, чем конкретных знаний.

В 1945 году, вскоре после капитуляции Германии, в Европу отправился генерал Шальтиэль — изучить обстановку, завязать полезные связи. Вернувшись, он доложил об увиденном, и в конце года Давид Бен-Гурион* назначил Нахума Шадми начальником штаба Хаганы в Европе.

Несмотря на множество неясностей и расхождений во мнениях по этому вопросу среди руководства Хаганы в Палестине, Шадми сумел наметить три основные сферы деятельности в Европе, в следующей очередности:

а) Упорядочение работы добровольцев из Еврейской бригады** и других еврейских частей в рядах британской армии; учет и сбор имеющегося у них боевого снаряжения. Как только закончатся бои, перед еврейскими солдатами из Палестины, находящимися в Европе, встанет задача, требующая немедленного решения: необходимо будет как-то организовать жизнь бывших заключенных из лагерей смерти, людей, весь мир которых разрушен, обеспечить им медицинскую и другую помощь, ободрить и поддержать их и подготовить к эмиграции в Землю Израиля.

б) До нас доходили сведения о том, что уцелевшим евреям в Европе по-прежнему грозила опасность со стороны антисемитски настроенного населения, особенно в сельских местностях. Необходимо было срочно организовать еврейскую самооборону. Еврейское руководство в Палестине, так же как и европейские еврейские организации («Еврейская армия» во Франции, «Союз мстителей», уцелевшие кое-где остатки сионистских групп), сознавало, что угроза

* Бен-Гурион Давид (1886 — 1973) — лидер еврейского рабочего движения в Эрец-Исраэль; первый премьер-министр Израиля.

** Еврейская бригада — воинская часть в составе британской армии в годы Второй мировой войны. Создана в сентябре 1944 г. решением британского правительства после длительных переговоров с Еврейским агентством. Состояла из евреев-добровольцев подмандатной Палестины.

антисемитизма по-прежнему существует и не допустить нового избиения евреев можно только вооруженной силой.

в) Европейский штаб Хаганы окажет, разумеется, поддержку той деятельности, которая уже начата: закупке оружия, тайным переходам через границы, эмиграции и прежде всего обучению людей, созданию кадров с помощью системы курсов, охватывающей всю диаспору. Особенно важным представлялось сделать это как можно скорее в Восточной Европе, поскольку было ясно, что «железный занавес» вот-вот отделит ее от мира, а с приходом к власти коммунистов подпольная деятельность станет невозможной.

В феврале 1946 года снабженный скудной информацией и указаниями самого общего характера Шадми выехал в Европу и приступил к делу. Очень скоро он обнаружил, что действительность диктует совсем иные методы работы, иную очередность действий — порой прямо противоположные тому, что планировалось. Связь с родиной была очень ненадежная и спорадическая, и ему пришлось действовать и принимать решения на свой страх и риск, по ходу дела.

Англичане были в курсе, какого рода деятельностью занимаются бойцы Еврейской бригады. Стремясь воспрепятствовать этой деятельности, они ускорили демобилизацию палестинских евреев. Возникла опасность, что самые активные, самые толковые люди, близко знакомые с обстановкой в лагерях, с настроениями среди бывших заключенных, приобретшие опыт нелегальной эмиграции, знавшие, как и где раздобыть транспорт, оружие и продукты питания, — что все эти люди будут отправлены обратно в Палестину и вся эта важнейшая деятельность в Европе замрет.

Нашим людям удалось молниеносно организовать экстренную операцию: они собрали около ста шестидесяти еврейских беженцев, наскоро проинструктировали их, снабдили документами бойцов Еврейской бригады и, под видом демобилизованных солдат, отправили в Палестину. Таким образом, около ста шестидесяти бойцов бригады, опытных и активных, остались в Европе и могли продолжать работу.

Примерно в это же время Нахум Шадми вернулся на родину и потребовал срочно прислать ему еще людей, хотя и знал, с какими трудностями связан их выезд из страны. Зеэв Гродзински сумел преодолеть эти трудности, собрал

группу, подделал необходимые документы и отправил людей в Европу.

Шадми ждала еще одна удача. Французская еврейская подпольная организация, так называемая «Арме жюив» (Еврейская армия), решила объединить усилия с Хаганой, и большинство ее членов во главе с «Подем» (Авраам Полонский) перешли под начало Шадми. В результате в распоряжении Хаганы в Европе появились новые средства и связи, много способствовавшие успеху ее работы.

Шадми вступил также в переговоры с группой из «Союза мстителей», стремясь использовать их энергию и опыт для задач, стоящих перед Хаганой. Переговоры были долгие, и в конце концов эта группа также начала действовать по указаниям Хаганы в Европе и Северной Африке. Шадми со своей стороны обязался выполнять некоторые из операций, запланированных этой группой. Для связи с ней назначены были двое из его людей, Оли и Иегуда.

Вот что рассказывает Шадми о целях и убеждениях этой экстремистской организации:

«Собралась еврейская группа, примерно полтора десятка мужчин и женщин, для которых единственным смыслом жизни была месть немцам, уничтожившим шесть миллионов евреев. Мир, отмечали эти люди с горечью, постепенно возвращается в норму, жизнь входит в свои обычные рамки, и лишь кровь шести миллионов забыта, остается неотомщенной. Поэтому единственной их целью было отплатить нацистам. Действуя в основном в Германии и Австрии, они преследовали и убивали тех, кто совсем недавно занимался ликвидацией евреев. Эта группировка отказывалась подчиняться кому бы то ни было.

Переговоры с нею тянулись долго. Наконец, убедившись, что без посторонней помощи они не смогут полностью осуществить свои планы, «мстители» вынуждены были объединиться с Хаганой. Кроме того, их руководители видели, что на «мстителей» большое влияние оказывают наши люди, доказывавшие, что существует иная цель, к которой следует стремиться, за которую стоит бороться, а именно — еврейская независимость в собственном государстве. В конце концов, по разработан-

ному европейским штабом Хаганы плану, большая часть этих людей была во внеочередном порядке переправлена в Палестину, где их принял «Моссад ле-Алия Бет»».

Основная задача, с которой Нахум Шадми выехал в Европу — организация самообороны евреев в странах их пребывания, — перестала быть первой на повестке дня по ряду причин. Во-первых, опасность еврейских погромов была менее ощутима и менее распространена, чем предполагалось. Во-вторых, работникам Хаганы стало очевидно, что сами беженцы стремятся покинуть страны, где они находятся, а не укреплять свое положение там. Появление в их среде посланцев из Палестины только усиливало в них это стремление. И в-третьих, наметилось явное идейное противоречие между желанием отправить беженцев-евреев на Землю Израиля и заботой об их безопасности и благосостоянии на прежней родине, в диаспоре. Наконец, четвертая причина, побуждавшая к ускорению темпов переправки людей в Палестину, заключалась в том, что в Восточной Европе упрочился коммунистический режим.

И теперь деятельность Хаганы в Европе сосредоточилась на срочной подготовке людей, которые будут сопровождать колонны еврейских беженцев, охраняя их жизнь и их скудные пожитки. Выходя из лагерей, заключенные, во главе с проводниками, профессиональными контрабандистами, нелегально пересекали границы — легальные пути закрывались один за другим.

Итак, Нахум Шадми подготавливал кадры — инструкторов, командиров и исполнителей, а планировал акции в Европе и санкционировал их Шауль Авигур*. В его руках сосредоточились все основные полномочия в этой области.

* Авигур Шауль (1899 — 1978) — один из организаторов и первых руководителей Хаганы, с 1944 по 1948 г. руководил деятельностью подпольной организации «Моссад ле-Алия Бет», осуществлявшей нелегальную иммиграцию евреев в Палестину. После Второй мировой войны стоял во главе подпольной организации Бриха в Европе. С конца 1949 г. — один из главных помощников министра обороны Д. Бен-Гуриона. С 1953 г. возглавлял деятельность по оказанию помощи евреям Советского Союза.

Серьезной проблемой была связь и координация действий между различными организациями, возникшими в разгар событий. Активисты Еврейской бригады образовали «Центр диаспоры»; транспортировкой евреев из стран пребывания в порты занималась группа под названием «Бриха»*. «Моссад ле-Алия Бет» осуществлял «алию бет» (нелегальную) и «алию далет» (якобы легальную, с фальшивыми разрешениями на эмиграцию); рабочие сионистские организации молодежи в Палестине, а также и ревизионисты в свою очередь вели работу в Европе. Всех их необходимо было объединить для более эффективного использования средств и кадров. Это и удалось в основном Шаулю Авигуру и его сотрудникам (одни лишь ревизионисты продолжали действовать автономно).

К середине 1947 года в Палестине и в лагерях начала работать комиссия ООН, в задачи которой входило изучить положение еврейского народа после Катастрофы и дать рекомендации относительно политической судьбы Палестины. В конце того же года комиссия собралась в Женеве и постановила, как известно, рекомендовать раздел Земли Израиля на два государства — еврейское и арабское. И 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН в Нью-Йорке приняла эту рекомендацию и постановила выработать план раздела Палестины на два автономных государства.

С самого начала работы комиссии ООН было ясно, что в нашей жизни предстоят кардинальные перемены. После решения о разделе Палестины становится очевидным, что центр тяжести всей работы европейской группы Хаганы переносится обратно в Палестину. Вся наша деятельность в Европе отныне будет диктоваться борьбой, предстоящей ишуву** на Земле Израиля. Надвигалась освободительная война.

* Бриха (ивр. «побег») — название, закрепившееся за подпольной организацией, созданной в 1944—1945 гг. уцелевшими после Катастрофы членами движений сионистской молодежи в Восточной Европе. Слово *бриха* употреблялось первоначально как кодовое наименование этой операции.

** Ишув (букв. «поселение») — в переносном смысле еврейское население в Эрец-Исраэль до создания Государства Израиль.

Члены группы начали постепенно возвращаться на родину, и вместе с ними прибывало подкрепление. В общей сложности группа сумела переправить в Палестину из Европы и Северной Африки более пятидесяти тысяч еврейских бойцов — многие шли прямо с корабля на поле боя.

Итак, три задачи были выполнены целиком:

— европейские евреи, пережившие Катастрофу, вновь обрели чувство собственного достоинства и человеческой ценности — благодаря присутствию воинов Еврейской бригады, а затем и членов группы Хаганы;

— группа Хаганы послужила стабилизирующим фактором среди еврейских беженцев и сумела открыть перед ними новые перспективы;

— готовясь к испытанию огнем, группа занималась организацией мобилизационных лагерей, курсов и боевых учений — в Венгрии, в Чехии, в Германии и на юге Франции, в результате чего евреи в Палестине получили достойное боевое подкрепление.

Парни идут к гадалке

Возвращаюсь к своему участию во всей этой истории.

Май 1947 года. Я перебираюсь в Тель-Авив и готовлюсь к отъезду. Всеми делами, связанными с отъездом группы — начиная с костюмов, которые нужно было заказать, и кончая авиабилетами, — занималась организация во главе с Зеэвиком Гродзински. У его помощника Яши Янкелевича были прекрасные связи как в авиакомпании, так и в консульстве, и он с потрясающей скоростью сумел раздобыть и оформить все документы.

Для большинства моих товарищей в группе это была, как и для меня, первая поездка за границу, и все сильно волновались. Кое-кто даже пошел к гадалке. Вернулись они совершенно преобразенные. Бодрые, готовые к действию — гадалка твердо пообещала, что им предстоит успешно преодолеть все препятствия и достигнуть всего, к чему они стремятся! С тех пор я заужавал гадалок. Они, ясное дело, не пророки, но в психологии кое-что понима-

ют. Да и кто я такой, чтобы насмеяться над товарищами? Я и сам вел себя так же нелепо: по совету тетки я запасся мылом и зубной пастой на целый год, а потом жалко было выбросить, и я таскал этот багаж с собой по всей Европе.

Взрывы, взрывы...

Пока мы готовились к отъезду, положение в стране становилось все более напряженным. ЭЦЕЛЬ активно развивал свою террористическую деятельность против англичан. 18 апреля взлетели в воздух два здания в армейском доме отдыха под Натанией. В тот же день прозвучали выстрелы возле центральной почты в Тель-Авиве; утром этого же дня угнали чью-то легковую машину, начинили ее взрывчаткой и подорвали на площади перед зданием полиции. От взрыва погиб прохожий-еврей, еще четверо были ранены, в том числе двое британских полицейских. Английским солдатам запретили пребывание в Тель-Авиве.

20 апреля произошел взрыв в кинотеатре в армейском доме отдыха под Натанией. В тот же день была найдена мина на шоссе в Хайфе, еще одну нашли возле военного лагеря Алленби в Иерусалиме.

Утром 21 апреля взорвалась мина, подложенная под военный автомобиль.

22 апреля — еще мина, на этот раз неподалеку от Реховота, под пассажирским поездом, шедшим из Египта. Погибли трое.

В полдень 26 апреля произошел взрыв в Шароне, где находился британский лагерь моторизованной полиции, занимавшейся в основном войной с евреями. Четверо полицейских погибли, пятеро ранены.

27 апреля застрелен начальник сыскной полиции в Хайфе.

4 мая совершено нападение на старинную крепость в Акко, служившую англичанам тюрьмой. Шестнадцать человек погибли, 216 заключенных вырвались на волю.

Вот в такой атмосфере происходили наши последние приготовления к отъезду. Мы паковали чемоданы и ломали

головы: что брать с собой? Чего нельзя достать в Европе? Никто из нас понятия не имел, что представляет собой послевоенная Европа.

В те дни и Библия, и речи действовали на нас...

Штаб ПАЛМАХа устроил нам прощальный вечер. Мы собрались на ужин в кафе на улице Нахлат-Биньямин. Были несколько человек от штаба, в том числе Игаль Алон* и Шошана Спектор, и нас человек двенадцать. Произносились речи, и я, надо сказать, расчувствовался, в те дни у нас еще не выработался иммунитет к речам. Мне подарили от имени штаба Библию с напутственной надписью: «Доброго пути и благополучного возвращения». Эту книгу я, несмотря на всю секретность моей работы, везде носил с собой как талисман, хотя меня было легче легкого опознать по ней. Надо сказать, что душевные эмоции играли значительную роль во всей этой миссии, я тогда даже не отдавал себе отчета, насколько они были сильны.

Штаб ПАЛМАХа договорился с Нахумом Шадми, что я проработаю год в группе Хаганы, а затем смогу поехать в Копенгаген, учиться в Королевском институте физической культуры. Голда Меир**, которая была тогда директором

* Алон Игаль (наст. фамилия Пайкович; 1918—1980) — государственный и военный деятель Израиля, член киббуца Гиноссар, где и похоронен. В 1936—1939 гг. служил в полевых отрядах Хаганы. В 1943 г. помощник командира, а в 1945 г. командир ПАЛМАХа. В Войне за независимость руководил многими решающими операциями. Неоднократно занимал высокие государственные посты. В правительстве Г.Меир был зам. премьер-министра и министром просвещения и культуры. В правительстве И. Рабина — зам. премьер-министра и министр иностранных дел.

** Меир Голда (1898 — 1978) — государственный и политический деятель Израиля. Политическую деятельность начала в сионистских организациях в США. В Палестине с 1921 г. Занимала руководящие должности в Гистадруте (Всеобщей федерации профсоюзов) и в Еврейском агентстве. В 1948—1949 гг. — посол Израиля в СССР. Впоследствии занимала различные министерские посты. В 1969—1974 гг. — премьер-министр Израиля.

политотдела Еврейского агентства*, дала мне рекомендательное письмо к Слору, представителю еврейской общины в Копенгагене, чтобы он помог мне поступить в институт.

Перед отъездом было множество хлопот. Надо было примерять одежду, которую нам шили, зубрить наизусть мою профессиональную «легенду» — я ехал в Европу в качестве «коммерсанта» — и переделать кучу мелких, теперь уже забытых дел. И вот наступил день отъезда.

В шесть утра 15 мая мы, все двенадцать членов группы, собрались около бюро путешествий «Тиль», которое помещалось в здании Палатин, на углу улиц Ахад ха-Ам и Нахлат-Биньямин в Тель-Авиве. Удивительное зрелище открылось моим глазам. Хорошо еще, что это было рано утром! Как только начнет припекать солнце, мы все просто расплавимся от жары. Одеты мы были с шиком, в одинаковые шерстяные костюмы производства ателье «Мацкин», на головах фетровые шляпы. Кто из нас в те времена привык носить костюм? Мы казались себе переодетыми сыщиками сыскной полиции мандатных властей. Я, правда, был уже в некотором роде специалистом по ношению костюма — мне пришлось одеваться так несколько месяцев подряд в связи с одним из заданий Хаганы. Тем не менее все мы выглядели, как на маскараде, что вызывало любопытство — и было опасно.

Через три часа мы прибыли в аэропорт в Лоде. Становилось все жарче. Английские полицейские и сыщики так и сновали вокруг, заглядывали во все лица, обшаривали все углы. Как же это они не обращают на нас внимания? Мы ведь так смешно выглядим! И у всех одинаковые чемоданы, только чехлы на них разного цвета. Неужели они даже не замечают, что костюмы на всех одинаковые, как униформа? Нет, не замечают. Все проходит благополучно. У

* Еврейское агентство (Сохнут) — международная организация, осуществляющая связь между евреями Израиля и стран рассеяния с целью развития и заселения Эрец-Исраэль. Название и основные функции Еврейского агентства были впервые установлены в британском мандате на Палестину, утвержденном Лигой Наций в 1922 г. В годы нацизма Еврейское агентство переправило в Палестину тысячи немецких евреев, а также их имущество.

нас документы представителей солидной торговой фирмы. Пожалуй, мы немного молоды для тех серьезных постов, которые обозначены в наших бумагах, но проверка проходит гладко, и мы садимся в самолет. Жара стоит невероятная, удушающая.

В феврале 1946 года я был назначен адъютантом президента Всемирного еврейского агентства, профессора Хаима Вейцмана, впоследствии первого президента Государства Израиль. В это время я занимал пост одного из командиров Гадны, в мои обязанности входила работа по физическому воспитанию в молодежных отрядах. Когда я уходил на должность адъютанта Вейцмана, мои друзья из кибуца Афиким, в том числе Гиора Шенан, командующий войсками в районе Киннерет, написали мне трогательные прощальные стихи.

На земле Европы

Это был мой первый полет на самолете. Земля Израиля растилалась подо мной, как на карте. Вот она уже позади, летим над морем. Если самолет упадет, мы наверняка потонем. Под нами одна лишь вода, сплошная, ничем не прерываемая поверхность.

Поздно вечером мы прибыли в Амстердам. Это была первая моя встреча с чужой землей. Я не утерпел, забросил свои вещи в гостиницу, и мы с товарищем пошли бродить по безлюдному городу. Вместо улиц здесь каналы; вдоль них нет ограждений, нет перил. Как же прохожие тут не падают в воду? А дети — как родители отпускают своих детей ходить по улицам без присмотра? И что это за рельсы прямо посреди мостовой?

Амстердам был прекрасен и ночью, а потом и днем. Мы пробыли там два дня, за счет авиакомпании. Я, помнится, попросил показать мне голландские цветы. И увидел целые поля, покрытые тюльпанами, одного цвета, одинаковой формы. Какая зеленая страна, сколько воды, и покой... покой. Евреев не видно. Но может быть, они есть? Неужели я их не распознаю? Или тут уже не осталось евреев?

На третий день я вылетел в Прагу, снабженный адресом: улица Юзефовска, 7. Я знал, что мне предстоит пролетать над Германией, и хотел взглянуть собственными глазами на этот рассадник зла. Не помню уж, что я ожидал увидеть — картины преисподней или еще какую-нибудь чертовщину, но, к изумлению своему, увидел зеленые леса, поля, реки, дома... Мирную зеленую землю. Как же так? Это не умещалось у меня в голове.

Всемогущая Бриха

С момента прибытия в Прагу я столкнулся с явлением, которое поначалу меня поразило, хотя со временем я к нему привык и принимал как само собой разумеющееся, — необычайное ощущение безопасности, которое передавалось мне от людей группы Бриха. Все мы знали, что в Европе имеется великолепно организованная и необычайно эффективная ячейка, которая позаботится о каждом, поможет выполнить любое задание, обеспечит ему способы передвижения, ночевку, а в случае опасности — пути к отступлению и надежное укрытие. Короче, как мы говаривали в шутку, мы прямо-таки царили в Европе.

Во главе Брихи стоял тогда Эфраим Декель (Карснер). Группа опиралась вначале на опыт и связи членов Еврейской бригады, а затем получила поддержку Джойнта*, который предоставил в ее распоряжение свои транспортные средства, а люди Джойнта помогли группе наладить работу в условиях царившего в Европе послевоенного хаоса.

Ступив на землю Европы, я сразу двинулся вперед по четко намеченной, хотя и изобилующей минами и ловушками, тропе. Если бы не пионерская деятельность членов Еврейской бригады, эмиссаров из Палестины и работников Брихи, вряд ли нам удалось бы осуществить те задачи по организации алии, по приобретению оружия и боеприпасов и по диверсионным актам, о которых я хочу рассказать.

* Джойнт (Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов) — еврейская благотворительная организация. Основана в ноябре 1914 г.

Итак, самолет приземляется в пражском аэропорту. Автобус везет пассажиров в город, в офис авиакомпании. Я выхожу из автобуса и не успеваю даже оглядеться по сторонам, как ко мне подходит молодой человек и спрашивает на иврите: «Вы — Амнон Йона?»

Почему он подошел именно ко мне? Тогда я, помнится, нисколько не удивился, мне показалось это естественным. Всю эту замечательно четкую организацию я принимал как должное.

Молодой человек проводил нас в гостиницу «Централь», и мы сразу очутились в теплой компании. Все здесь говорили на иврите, в том числе и официанты. Мы почувствовали себя как дома. В те времена, пока коммунистический режим еще не дал о себе как следует знать в Праге, отношение властей к нам было очень дружественным. Прага была центром деятельности Хаганы, и мы гуляли по городу с ощущением полной свободы. Если бы не странный облик улиц и не чужой язык, можно было бы подумать, что мы дома. Такое отношение власти и присутствие множества своих людей придавали нам бодрости и укрепляли уверенность в себе.

Дан приказ — в Венгрию!

Очень скоро меня вызвал наш командир, Нахум Шадми. Тот самый Нахум Шадми, с которым я совсем недавно разговаривал дома, теперь казался совершенно другим человеком. Просесть в волосах, элегантный костюм — он выглядел как солидный и преуспевающий бизнесмен. Говорил он негромко и спокойно, но я вышел от него ошеломленным.

Шадми сообщил, что мое задание меняется и что я поеду не в Германию, а в столицу Венгрии Будапешт, вместе с Яаковом Саломоном, ответственным за организацию Хаганы в Венгрии и Румынии.

На меня возлагалась серьезная миссия, и я был рад этому, хотя в глубине души сомневался, выдержу ли этот экзамен. Страхи мои, порожденные незнанием заграничной жизни, основывались на всяких нелепых соображениях. Например, я полагал, что все немцы говорят на идише, ко-

торый я немного знал. Поэтому мне казалось, что именно в Германии, на вражеской земле, мне будет легче работать. Но в Венгрии? Кто вообще знает венгерский язык? Как я буду передвигаться и действовать в стране, где сплошь одни венгры? Мне поручается нелегальное задание, а ведь я наверняка сразу вызову у людей подозрение!

Первые встречи с евреями

До выезда в Будапешт у меня оставалось две недели. Мне хотелось использовать это время, чтобы осмотреть Прагу. Но я вспомнил, что приехал в Европу помогать евреям, и решил встретиться с моими соплеменниками. Меня потом часто спрашивали, как прошла моя первая встреча с евреями. Ужаснулся ли я, когда увидел людей, избежавших гибели от рук нацистов? Как они выглядели?

В качестве ответа приведу отрывок из моего письма, посланного родным 25 мая 1947 года.

«Мне представилась возможность встретиться лицом к лицу с галутным* еврейством, о котором я столько слышал. Но услышать и увидеть — это разные вещи. Только здесь человек понимает, что промедление с решением проблемы еврейского государства — это настоящая катастрофа. Евреи, которые прошли все круги нацистского ада и которым удалось выжить, уже два года ждут этого решения. Порой какая-нибудь речь, чье-то обещание подают им надежду. Но время делает свое, евреи повсюду начинают как-то устраиваться. Сегодня чаще всего видишь евреев, которые занимаются торговлей и быстро ассимилируются. По вечерам они заполняют кафе, сидят на берегу Дуная, на том самом месте, куда всего два года назад свозили на расстрел их родных. Того самого Дуная, куда сбрасывали тела убитых!

...Несколько дней назад я ходил на представление в цирк. Среди прочих номеров был певец немец, испол-

* Галут (букв. «изгнание») — вынужденное пребывание еврейского народа вне его родной страны Эрец-Исраэль; диаспора.

нивший несколько песенок. Среди публики было много евреев, и эти евреи аплодировали. Я спросил свою спутницу, зачем они это делают, и она простодушно ответила: «Нельзя все время помнить прошлое». Таков типичный ответ многих евреев, которые считают, что они достаточно страдали и теперь им следует получать как можно больше удовольствий от жизни».

Да, я ужаснулся. И хочу рассказать еще один случай, который со мной произошел.

Встреча с еврейской «девицей»

Как-то вечером мы с друзьями пошли в ночной клуб. Сидели, разговаривали на иврите, выпивали и время от времени заказывали музыкантам какую-нибудь любимую мелодию. В те дни в Праге можно было за одну английскую сигарету заказать у оркестра целый концерт. Вскоре кто-то из друзей заметил хорошенькую девушку, в одиночестве сидевшую за столиком. Мы обратили внимание на то, что, протанцевав с кем-нибудь, она тут же возвращается к своему столику и снова сидит одна. Парни стали подначивать друг друга, кто пригласит ее танцевать.

Я набрался смелости, подошел к ней и спросил на своем ломаном английском, можно ли ее пригласить.

Она тут же согласилась, и у меня камень свалился с сердца. Пошли танцевать, я с торжеством поглядывал на приятелей, они отвечали мне завистливыми взглядами. Чтобы они завидовали еще сильнее, я подсел к ее столику и пытался завязать разговор. Потом я уже не знал, как ретироваться, и мы продолжали сидеть с ней, время от времени выходя потанцевать.

Становилось поздно. Девушка спросила, не провожу ли я ее домой, сказала, что живет неподалеку от нашей гостиницы. Я, конечно, согласился, снова гордо взглянул на приятелей, и мы вышли. У своего подъезда она спросила, не хочу ли я зайти. Я заколебался, и тогда она сказала, что она еврейка и хочет посоветоваться со мной, поскольку я приехал из Палестины.

Я рад был помочь, и мы поднялись к ней в комнату. Она рассказала, что у нее есть брат, который нелегально эмигрировал в Палестину, но попал к англичанам, и те отправили его в переселенческий лагерь на Кипре. Оттуда он сбежал и вернулся в Палестину. Тут она вынула письмо от брата, на идише. Автор старался не писать ничего плохого о Земле Израиля, но ясно было, что положение его не блестяще. Он, правда, говорил о свободе и о возвращении в лоно своего народа, но постоянного заработка у него, видимо, не было. Я и сам знал, что экономическое положение в стране сильно пострадало в результате политического конфликта.

Девушка спросила — теперь мы говорили на идише, — как я думаю, найдется ли там место и для нее.

— Да почему же нет? — сказал я.

Я не сомневался, что в борьбе с англичанами мы победим. Всю свою жизнь я был убежден, что будущее всех евреев — на Земле Израиля.

— Конечно, — сказала девушка, — но лично для меня?

Я никак не мог понять, в чем тут затруднение. Наконец она попросту объяснила мне, что она проститутка. Не станут ли евреи ее за это презирать, когда она туда приедет? Нет, сказал я, на Земле Израиля все иммигранты начинают новую жизнь, и никто не станет копаться в ее прошлом.

Бриха заботится обо всем

В назначенный срок Яков Саломон, я и еще два эмиссара выехали в Будапешт с остановкой в Братиславе. Мы пробыли в Братиславе два дня, окруженные заботой Якова Рабина, командира местного отделения Брихи. Здесь мы получили в венгерском консульстве разрешение на въезд в страну. Требовалось также разрешение от русских, но его получить не удалось. Тем не менее мы выехали из Братиславы. У Якова были все необходимые бумаги, свидетельствовавшие о том, что он, венгерский гражданин, пересек границу в пункте, предназначенном исключительно для венгров и чехов, которые проживают по соседству с границей. Таким людям дозволено было свободное передвиже-

ние в пределах до 15 километров от границы. В сумерках мы прибыли в чешский пограничный городок, где нас встретил г-н Нойман, член Брихи, отвечавший за эту точку. Он обеспечил нам все необходимое, ночлег в гостинице, еду и даже развлечение.

План был такой: благодаря отличным связям Брихи с добавкой солидного денежного вознаграждения мы на рассвете пересечем границу в пункте, предназначенном только для местных жителей. Чешские пограничники поставят нам в паспорта печать «выезд», а венгерские — «въезд». С этими печатями мы сможем свободно передвигаться по Венгрии, несмотря на отсутствие разрешения от русских. У пограничного пункта нас будет ждать машина, которая отвезет нас в Будапешт.

Я еще дома много наслышался о сети Брихи, раскинутой по всем границам Европы, и вот теперь, когда мне самому предстояло перейти границу, я убедился воочию в ее эффективности. У меня было чувство полной безопасности, план выполнялся с точностью часового механизма.

На рассвете следующего дня мы, в сопровождении г-на Ноймана, направились к пограничному пункту между Чехией и Венгрией. С собой мы несли чемодан, набитый печатными инструкциями Хаганы, недавно доставленными с родины. Легенда у нас была такая: мы — группа туристов, направляющихся в Будапешт на поиски родственников, которых потеряли из виду во время войны.

Процедура на пограничном пункте была недолгой. Мы ощущали, что почва здесь отлично подготовлена людьми из Брихи. Не возникло ни единой неувязки. Два чеха, полицейский и штатский, проводили нас к точке пересечения границы. С венгерской стороны к нам подошли два солдата. Перекинувшись с ними несколькими словами, чехи передали нас венграм. На венгерском пункте нам поставили печати «въезд». Яаков Саломон служил переводчиком между нами и венграми, которые почему-то решили, что мы — группа британских дипломатов. Судя по всему, костюмы «от Мацкина» сделали свое дело, а кроме того, на паспортах наших были специально сделанные для нас кожаные обложки с прорезанными окошечками, сквозь которые бы-

ли видны слова «British Passport», а слово «Palestine», напечатанное ниже, было закрыто.

На венгерском пункте нам пришлось ждать машины дольше, чем планировалось. Венгерские пограничники начали нервничать и потребовали вдруг, чтобы мы прошли таможенный досмотр. Мы поехали на поезде на таможенную, находившуюся километрах в пяти от границы. На станции уже ждали таможенники, предупрежденные по телефону пограничниками. Но они понятия не имели, как с нами обращаться, и позвонили в окружную полицию. Там им велели немедленно отправить нас в окружной центр. Ближайший поезд ожидался не скоро, и решено было вызвать для нас такси. Тем временем люди из Брихи подъехали к пропускному пункту на границе, и там им сказали, что мы уехали на таможенный досмотр. Они направились к таможене, сообщая по дороге, как связаться с нами. Яков Саломон, который мог разгуливать везде свободно, увидел машины, понял, что это наши люди, и тут же использовал удобный случай: якобы договорился с «попутками», чтобы нас подвезли в город.

У таможенников эта хитрость не вызвала никаких подозрений. Они поблагодарили Якова за помощь, и мы все погрузились в одну машину, в сопровождении конвойного. Во вторую сел Яков, и туда же сложили пачки с нелегальными материалами. По дороге получилось так, что машина с материалами исчезла из поля зрения конвойного и направилась прямо в Будапешт. Мы же приехали в окружную полицию. Тамошний начальник проверил наши паспорта и распорядился отправить нас обратно в Чехию через официальный пограничный пункт. Мы дали знать о происходящем людям из Брихи, те связались с чешской стороной и позаботились о том, чтобы нас там встретили.

Связной Брихи сообщил нам, что, вернувшись в Чехию, нам надлежит зайти в польское кафе, расположенное неподалеку от пропускного пункта, его хозяин обеспечит нам транспорт до соседнего села, где нас примет еврейская семья. План был такой, что той же ночью туда явятся проводники-контрабандисты и проведут нас через границу обратно в Венгрию.

Под вечер мы снова очутились в Чехии. Как и было обещано, около кафе нас ожидал автомобиль. Приезжаем в еврейский дом — единственный еврейский дом во всем селе. И тут сюрприз: не успели мы даже обменяться с хозяевами несколькими словами, являются два чешских полицейских. Пришли проверять, кто мы такие. Хозяева сильно испуганы. Но у нас есть все необходимые документы, показываем их полицейским. Те интересуются, куда мы направляемся. «В Братиславу», — отвечаем мы.

Они удовлетворились этим ответом и удалились. Но их неожиданный визит не сулил добра. Предполагалось, что мы перейдем границу поздно ночью. Хозяева боялись местной полиции, по их словам, она следила за ними и наверняка устроит слежку за домом. Они не давали нам выйти из дому — если мы исчезнем, их жизни грозит опасность.

Мы заново взвесили обстановку. И решили, что, если проводники придут сегодня ночью, с ними пойду один я, а Перец и Меир останутся еще на день, чтобы удостовериться, насколько основательны страхи хозяев. И если все сойдет благополучно, не будет больше обысков и проверок, мои товарищи пойдут с проводниками в следующую ночь. Наши хозяева, хотя и с тяжелым сердцем, согласились на такой план.

В полночь раздался стук в дверь. Хозяйка в ужасе вскочила с постели. Но это были наши проводники. Я распрощался с товарищами и с хозяевами и вышел в темноту. Со стороны хлева прозвучали два тихих свистка. Два проводника, притаившиеся в темноте, подошли ко мне.

Это волнующее ночное путешествие началось по всем правилам науки. Впереди шел разведчик, второй проводник за ним, а я замыкающим. Несколько шагов по направлению к воротам — и вдруг наш разведчик отступил назад. Я тут же вернулся в дом. Хозяйка, не ожидавшая моего столь скорого возвращения, сидела на ночном горшке (без сомнения, последствия пережитого страха). От смятения она перевернула горшок, он покатился со страшным грохотом. На улице слышались шаги. Но все кончилось благополучно, и мы снова выходим к границе. Проводники идут босиком, башмаки висят у них на плечах. Я следую за ними в своем костюме и ботинках. Мы стараемся держаться как можно

ближе к стенам домов. На улицах пусто. Но все равно, надо соблюдать осторожность. Проводники тщательно проверяют каждую улицу, прежде чем пересечь ее. Доходим до последнего дома в селе, и тут начинает лаять собака. Проводники ускоряют шаг, делают мне знаки, чтобы я поторопился. Выходим в поле, шагаем в полной темноте. Брюки промокают от росы, на ботинки налипают комья грязи. Я стараюсь не отставать. Идем уже два часа. Выходим на берег речки. Проводники снимают штаны, разведчик переходит речку вброд, осматривает противоположный берег. Раздается свист, означающий, что на берегу никого нет. Второй проводник переносит меня через речку на спине. Мы шагаем еще примерно час и доходим до венгерского городка, откуда меня с товарищами выгнали каких-нибудь полсуток назад.

Останавливаемся около одного из домов, стучим в дверь. Дверь открывается, и я вижу одного из членов Брихи, который нас поджидает. Он заплатил проводникам, что следовало, и те ушли. Следующий день я провел в этом незнакомом доме, не выходя на улицу. Под утро, как и намечалось, ко мне присоединяются мои товарищи, Перец и Меир, довольные, что все так удачно прошло.

В полдень за нами приходит машина. Мы прощаемся с представителем Брихи, оставив ему свои паспорта, которые теперь не годятся. Он передаст их в центр Хаганы в Праге. А мы теперь снабжены документами перемещенных лиц.

Наконец мы прибываем в Будапешт. Нас встречает Яаков Саломон, который уже позаботился о жилье. Наши личные вещи и брошюры уже прибыли. Да, вещи переправлять через границу куда легче, чем людей.

Глава 2

ХАГАНА ПРОВОДИТ БОЕВУЮ ПОДГОТОВКУ В ВЕНГРИИ И ЧЕХИИ

В Будапеште нас снабдили новыми документами — теперь мы беженцы из Румынии. Правда, румынский язык мы знали примерно так же, как татарский, но в Венгрии тогда было множество беженцев из Румынии, что облегчало наше положение. Венгерского я тоже не знал, но какой спрос с румынского беженца? Первое время у меня был постоянный переводчик.

Меня поселили в частной квартире, хозяева которой согласились, чтобы я уклонился от обязанности регистрироваться в полиции. Мои товарищи тоже нашли себе подходящее жилье.

В первую очередь нам поручили организацию еврейской самообороны в Венгрии на случай погромов. Второй нашей задачей была агитация за алию на Землю Израиля.

Венгерское еврейство

Расскажу немного о том месте, где я очутился, и о людях, с которыми имел дело. Когда в 1945 году Красная Армия освободила Венгрию от немцев, в живых там оставалось около девяноста тысяч евреев, заключенных в Будапештском гетто. Каким образом эти люди выжили, в то время как 625 тысяч венгерских евреев были уничтожены нацистами без всякого протеста со стороны нееврейского населения, без малейших попыток этому помешать? Этому можно найти несколько объяснений. Не исключено, что местные власти хотели обеспечить себе «алиби» на случай поражения немцев, которое уже можно было предвидеть. Затем, евреям наверняка помогали те немногие люди, которых сегодня мы

называем «праведниками мира», такие, как швед Рауль Валленберг* и другие. Возможно также, что это было «показательное» гетто, свидетельство «доброй воли» немцев. И наконец, обитателей гетто могло спасти от гибели быстрое наступление Красной Армии.

Кроме того, уцелели еще около ста тысяч венгерских евреев — те, что выжили в лагерях уничтожения, или сумели спрятаться, или вернулись из военных трудовых лагерей. Еще около пятнадцати тысяч выжили в провинции.

Таким образом, из 825 тысяч венгерского еврейства оставалось около двухсот тысяч. Евреи жили на этой земле почти шестьсот лет, однако в час испытания, в 1944 году, выяснилось, что они так и остались для местного населения нежеланными чужаками. Все нацистские операции — когда евреев сгоняли в одно место, арестовывали на улицах и отправляли на уничтожение, — все это было проделано за несколько недель без видимого протеста и сопротивления со стороны венгров. Еврей, живший в сельской местности, был чаще всего глубоко религиозен, носил традиционную одежду, его легко было опознать по внешнему виду. Отличался он от местного жителя и тем, как зарабатывал на жизнь; чаще всего это был либо трактирщик, либо мелкий лавочник, либо торговец вразнос, либо управляющий в помещицьем имении. Очень редко у еврея были своя земля и хозяйство.

В будапештском еврействе накануне войны существовало три основных прослойки. Во-первых, еврейская аристократия, которую Австро-Венгерская империя щедро одаривала почетными титулами — надворные советники, тайные советники, бароны и пр. Это была очень тонкая прослойка,

* Валленберг Рауль (1912—1947?) — шведский дипломат, один из «праведников народов мира» — неевреев, принимавших участие в спасении евреев в годы Катастрофы. Его деятельность состояла в выдаче шведских документов (так называемых «паспортов Валленберга») арестованным евреям. Валленберг был задержан советскими властями при вступлении Красной Армии в Венгрию. Немецкие военнопленные видели его в одном из советских концлагерей. На запрос МИД Швеции российские власти до сих пор отвечают, что Валленберг умер 17 июля 1947 г. от сердечного приступа.

и ее представители безраздельно властвовали в еврейской общине. Затем шел слой мелкой буржуазии, к которой и принадлежало большинство евреев в Венгрии. И наконец, сионистские, в основном молодежные, организации. Предвоенная еврейская аристократия, ее предводители и авторитетные лица видели в этих организациях угрозу, считали их, в частности движение Ха-шомер ха-цаир*, коммунистическими и, не колеблясь, выдавали их властям, которые в те времена всячески преследовали коммунистов.

С приходом нацистов эта аристократическая прослойка мгновенно рассеялась кто куда, по принципу «каждый за себя», и не принимала никакого участия в подпольном движении Сопrotивления. Когда война закончилась и союзники разрешили Джойнту и другим организациям вести работу среди евреев, совершенно естественно, что сионистские молодежные организации, никогда не прерывавшие своей подпольной деятельности и немало сделавшие для спасения евреев, стали играть в уцелевшей еврейской общине руководящую роль. Прежние общинные авторитеты, которым удалось выжить и вернуться в Венгрию, моментально нашли общий язык с властями — на сей раз именно с коммунистами — и снова начали действовать против сионистского молодежного движения. Особенно отличался г-н Штеклер, один из прежних старейшин общины, всячески старавшийся восстановить свое былое положение.

Йосеф Меир

Здесь я хочу упомянуть особо одного из активных деятелей венгерского движения Ха-шомер ха-цаир Йосефа Меира. Во время войны он, раздобыв себе арийские документы, занимался подпольной работой. После войны власти новой Венгрии назначили его на пост начальника одного из трех отделений политической полиции, в чьи задачи входило

* Ха-шомер ха-цаир (*ивр.* «молодой страж») — молодежное движение сионистов-социалистов. Возникло в 1916 г. и ставило целью готовить еврейскую молодежь к кибуцной жизни в Эрец-Исраэль.

выслеживание и предание суду нацистских коллаборационистов. Наши эмиссары очень быстро вышли на этого человека. По инициативе своего движения он оставил полицейский пост и стал секретарем организации Ха-шомер ха-цаир, а затем командиром группы Хаганы в Венгрии. Но к этой истории я вернусь позже.

Ответственным за работу Хаганы в Восточной Европе был Яков (Янкеле) Саломон. Он родился в Венгрии, родители привезли его в Палестину ребенком. Вместе с ним в Венгрию из Палестины в 1946 году приехала Хана Гури-Ривлин — ее задачей была организация воспитательной работы среди детей еврейских беженцев и обитателей гетто.

Янкеле Саломон встретился с Йосефом Меиром, и эта встреча сыграла в дальнейшем очень важную роль.

Йосеф Меир рассказал мне немало интересного об этом времени. Он, оказывается, встретил первого израильтянина на венгерской земле еще в 1944 году. Это был десантник Йоэль Пальги. Зброшенный в Венгрию с парашютом, он был захвачен немцами и испытал все прелести немецкого допроса. Но ему удалось бежать и добраться до еврейского подполья. Там его и встретил Йосеф. Пальги был в очень угнетенном состоянии, миссия его провалилась, и он страдал от вынужденного бездействия. Глядя на этого палестинского еврея, который отважно пошел на опасное дело и теперь мучается от того, что не может принести никакой пользы, Йосеф Меир задавался вопросом — чем смогут помочь нам израильтяне, какие бы они ни были опытные и закаленные в подпольной работе и партизанской войне?

И лишь спустя два года, зимой 1946-го, он получил ответ на свои вопросы и сомнения. По прибытии в Будапешт Янкеле Саломон посвятил несколько недель изучению местной проблематики, чтобы понять, какие задачи предстоит решать группе Хаганы. Тогда-то, встретившись с ним, Йосеф и получил ответ на свои вопросы. Вот что он говорит по этому поводу: «Я понял, что Янкеле предлагает нам именно то, чего нам не хватает. За годы подполья мы много занимались умственной работой — а физическая подготовка у нас была слабая».

С палками в Мишкольц

Он рассказывал мне:

«В сорок шестом году до Будапешта дошли слухи об антисемитских выступлениях в городе Мишкольце. Опасались погрома. Наши ребята из Брихи немедленно погрузились в «студебеккер», предоставленный Джойнтом, и помчались в Мишкольц. Вооружены они были — палками!

До места они не доехали, венгерские власти (коммунисты) железной рукой навели там порядок еще до их приезда. Но именно в этой первой попытке противопоставить антисемитам силу и сказалось влияние приехавших израильтян. Ведь естественным побуждением венгерских евреев в подобном случае было бы обратиться к полиции или к властям — а на Земле Израиля давно поняли, что к властям (британским) обращаться нет смысла, и научились обороняться сами. Это влияние стало важным вкладом Хаганы в наше общее дело в Европе».

Венгерское определение антисемитизма

В Венгрии мы столкнулись с противоречивой ситуацией, весьма характерной для первых послевоенных лет: народ, воспитанный в антисемитском духе (венгерский писатель Миксат Кальман дал характерное определение: «Антисемит — это человек, который ненавидит евреев больше, чем нужно...»), жил под властью режима, жестко подавлявшего проявления антисемитизма. Это противоречие и позволило нам вести работу. Власти долгое время не мешали нам, хотя и следили за нашей деятельностью. Более того, Йосеф Меир рассказал такой эпизод. Однажды ему позвонили из полиции и сообщили, что по их сведениям в некоем месте для перехода границы положены через ров доски, так вот, эти доски слишком тонкие и их следует заменить! В другой раз ему позвонили оттуда же и спросили, правда ли, что Бриха собирается уволить одного из своих шоферов, венгра, и если правда, то его, Йосефа Меира, просят посодей-

ствовать, чтобы этого шофера не увольняли (человек этот был агентом властей).

Такое, довольно удобное для нас, положение изменилось только в 1947 году, примерно через год после моего приезда в Будапешт, — и земля загорелась у нас под ногами.

Ситуацию к этому моменту можно обобщить следующим образом.

Янкеле Саломон сумел завоевать доверие сионистских организаций. Образован штаб, Йосеф Меир встал во главе венгерской группы Хаганы. Подготовлена почва для алии и для набора людей на курсы Хаганы. Установлено немало полезных дружеских связей. Однако о присутствии группы Хаганы знали лишь немногие из членов молодежных сионистских организаций. Большинство венгерских евреев упорствовали в своем законопослушании и пытались жить по-прежнему. (В 1944 году, когда в Венгрии начали загонять евреев в гетто, сионистские организации разослали туда своих людей, которые призывали евреев: «Бегите!» Но те чаще всего смотрели на посланцев со страхом, а то и грозили: «Убирайтесь отсюда, а то выдадим вас полиции!» И после освобождения большинство неорганизованных евреев продолжали вести себя в том же духе.)

Успехи, которых нам удалось добиться, были бы невозможны без серьезной подготовительной работы сионистских организаций среди еврейской молодежи.

Первое достижение

Как уже сказано, под руководством Якова Саломона был создан центральный штаб, в который входили члены группы Хаганы и несколько местных активистов. Первой задачей штаба стала подготовка надежных командиров и инструкторов, для чего и были организованы первые курсы. Одновременно мы собирали сведения о местах наибольшей концентрации еврейского населения и планировали организацию самообороны в соответствии с местными условиями. Мне было поручено руководство первыми курсами, в задачи которых входила, во-первых, подготовка инструкторов для боевой учебы среди членов еврейских молодежных

движений, а во-вторых, выявление потенциальных местных лидеров.

В результате напряженной работы нам удалось за несколько дней завершить все приготовления, составить общую программу обучения, подробное расписание занятий, провести инструктаж преподавателей и приобрести необходимое оборудование. На первоначальном этапе курсы помещались в большой вилле, предоставленной нам в Буде (город разделен Дунаем на две половины — Буду и Пешт).

Благодаря развитой организационной структуре молодежных организаций мы сумели быстро подобрать самые подходящие кандидатуры для обучения. В большой вилле собрались курсанты со всех концов Венгрии, а также из Чехии. В программу занятий, которая представляла собой стандартную программу курсов ПАЛМАХа для инструкторов физической подготовки, были добавлены уроки иврита. Устраивались также вечера хорового пения, где разучивали песни на иврите. Нам хотелось создать атмосферу, как можно более близкую к атмосфере Земли Израиля.

Праздничное открытие курсов состоялось вечером. Курсантов ознакомили с программой, с распределением классов и обязанностей. В конспирационных целях курсы официально назывались «спортивный семинар для инструкторов молодежных движений», но всем было ясно, что учеба эта означает вступление в ряды Хаганы, о которой они столько слышали. Понимание этого предполагало готовность к соблюдению строжайшей дисциплины.

Вспомним, что совсем недавно все эти юноши и девушки жили в постоянном страхе смерти, унижаемые и предаваемые окружением, в котором они родились и выросли. Однако деятельность молодежных организаций не прерывалась полностью даже в самые темные и опасные дни войны. Даже тогда некоторые молодые евреи умели сохранять свое еврейское и человеческое достоинство; большинство же наших курсантов вновь обрели его с поразительной быстротой.

На следующее утро, по свистку дежурного офицера, курсанты собрались на утреннюю зарядку, которую проводил я. Было очень холодно, и я немедленно начал упражнения. Курсанты, еще вчера совершенно не знакомые друг с

другом, превратились вдруг в единое целое. Затем юноши и девушки разделились и отправились на традиционную утреннюю пробежку. Отправились с энтузиазмом, распевая песню на иврите. Я стоял на балконе и смотрел, как они, четкими рядами по трое, бегут по улицам Буды, и не могу не признаться, что это зрелище глубоко меня взволновало. Это было мое первое достижение.

После завтрака курсанты разбились на классы и отправились на занятия в физкультурные залы.

Так начался первый день работы курсов.

Поскольку инструкторов было недостаточно, приходилось работать по многу часов и с большими группами. Но эта нелегкая работа приносила огромное удовлетворение, прогресс происходил у нас на глазах. После дня, наполненного непрерывным напряжением, как физическим, так и эмоциональным, мы спали всего по пять, а то и по четыре часа в сутки — и утром вставали бодрые и отдохнувшие.

Шофер боится, что мы его убьем...

Через несколько дней после начала курса Янкеле сообщил нам, что в Будапешт прибыли еще двое наших, Хаим Гури и Элизер Бальценбойм, и скоро присоединятся к нам. Решено было устроить вечеринку в честь их приезда. Мы с нетерпением ждали вечера. Встреча с Хаимом и Элизером была очень теплой, мы засиделись до поздней ночи, обмениваясь новостями и впечатлениями. Они рассказывали о том, что происходит на родине, мы — о нашей работе в Венгрии. Под конец мы все уселись в такси и поехали показывать им помещение курсов. Мордо, наш переводчик, сидел рядом с шофером, а мы сзади. На всякий случай, чтобы не привлекать внимания водителя, мы всю дорогу молчали. Это наше долгое молчание показалось шоферу подозрительным, и, когда мы переезжали мост, соединяющий Буду и Пешт, он внезапно остановился, вышел из машины и пошел к стоявшему у моста полицейскому. Мы забеспокоились — он, видно, распознал в нас иностранцев, а у нас ведь не было необходимых документов. Не обратиться ли нам из этого такси подобру-поздорову? Тут как раз проезжал мимо

трамвай, он загородил нас от таксиста, говорившего с полицейским, и мы решили воспользоваться удобным случаем и ускользнуть. Однако Мордо, который испугался не меньше нас, убедил нас остаться. Он считал, что своим бегством мы лишь ухудшим положение. Мы остались в машине, а водитель вернулся, сел за руль и, не говоря ни слова, повез нас, куда мы просили. Мордо стал его расспрашивать и, когда мы уже приехали на виллу, рассказал нам, что произошло.

Шофер действительно сразу увидел, что мы не местные, и решил принять меры предосторожности. Дело в том, что за два дня до того где-то в предместье Будапешта убили водителя такси. Наш водитель испугался, как бы и его не постигла та же судьба, а тут как раз подвернулся полицейский. Шофер попросил, чтобы полиция занялась его поисками, если он не возвратится через четверть часа.

Этот мелкий случай лишний раз показал нам, как тщательно следует соблюдать осторожность, даже в простейших вещах.

Двухдневный поход по чужой земле

Теперь, когда к нам прибыло серьезное подкрепление в лице Хаима Гури и Элизера Бальценбойма, мы могли повысить уровень боевой подготовки и осуществлять программу ускоренными темпами. После двадцати дней занятий на вилле решено было перенести курсы за город, проводить занятия в полевых условиях. Новый лагерь находился в шестидесяти километрах от Будапешта. Мы решили отправиться туда пешком, строем, с полным соблюдением дисциплины, как и положено боевому отряду при совершении перехода.

Канун похода был посвящен тщательной подготовке. Инструкторы объясняли курсантам, как укладывать вещмешок, как одеться в поход, как соблюдать дисциплину. Вечером им рассказали, каков будет маршрут, и провели проверку вещей, а в особенности носков и ног курсантов. Все были напряженны и взволнованны. Даже мы, израильтяне, привычные к долгим переходам, волновались — но по другой причине: мы опасались осложнений с властями. С рас-

светом строй курсантов отправился в путь. Маршрут наш пролегал через прекрасные леса и плодородные поля. До самого вечера все шло гладко. Но подход к месту ночевки оказался тяжелым — надо было подняться на крутую гору. Мы все были сильно измотаны. Особенно тяжело давалась большинству курсантов, для которых это был первый такой переход, дисциплина в отношении воды. На подходе к вершине одна из девушек потеряла сознание, понадобилась вода, и тут выяснилось, что двое курсантов, которым было поручено нести аварийный запас, тайком его выпили. Этот случай мы использовали в воспитательных целях. Добравшись до вершины, мы собрали всех и разъяснили им, как важна в походе коллективная ответственность. А двоих «водохлебов» предупредили: еще одно, даже малейшее, нарушение — и они будут исключены.

Пошли дальше. Люди измучились, и только стыд заставлял их напрягать последние силы. Чтобы разрядить напряжение, мы запели песню, и так, обессиленные, наконец-то добрались до бивуака.

Разбились на отряды и принялись готовить ужин.

Скоро разгорелись костры. В воздухе зазвучали песни на иврите, и атмосфера стала совсем как на родине, во время походов ПАЛМАХа. Усталось и напряжение как рукой сняло. В положенное время прозвучал приказ гасить огни, и все погрузилось в глубокий сон.

На рассвете отдохнувшие курсанты готовы были продолжать переход. На этот раз никто не пил лишней воды. На второй ночевке посидели вместе у костра, а в полдень на следующий день добрались до лагеря, мокрые с головы до ног — в двух километрах от цели нас застиг проливной дождь.

Лагерь был устроен в лесу, на берегу небольшой речки, вдали от жилья. Место идеально подходило для занятий — здесь никто не мог нам помешать.

Мы дали курсантам два дня отдыха, инструкторы тем временем подготовились к проведению учений.

Вторая ступень обучения пошла быстрыми темпами. Ночные занятия, завершение курса и постепенный переход от положения курсанта к положению инструктора произвели в ребятах настоящий переворот. Атмосфера курсов и си-

стема обучения пробудили в них дремлющие силы, они стали увереннее в себе и убедились, что в случае необходимости смогут организовать самооборону.

По окончании курса обучения состоялся парад, на который прибыли представители из Палестины и другие гости. Парад прошел с большим успехом и на таком уровне, которого не постыдились бы и на родине.

После парада я вернулся в Будапешт. Первый опыт прошел без всяких накладок, можно было продолжать порученное нам дело. Тем временем я приобрел кое-какие познания в венгерском языке и мог теперь ходить без переводчика.

Благодаря нашей деятельности стерлись партийные разногласия, наши курсанты, принадлежавшие к различным молодежным организациям, сплотились в единое целое. Мы, посланники Хаганы, преследовали одну цель, которая была важнее партийных интересов.

Венгерский «Ха-поэль»*

Для успешного выполнения наших планов мы начали открывать отделения спортивного общества «Ха-поэль» (Рабочий). Под прикрытием спортивного общества мы предполагали организовать ячейки Хаганы и наладить связь между штабом и отделениями. Венгерские власти дали официальное разрешение. Были сформированы спортивные команды — по волейболу, баскетболу, футболу и легкой атлетике. Одновременно мы готовили печатные инструкции на венгерском и чешском языках для летних лагерей, а также планировали курс подготовки тренеров в разных видах спорта, которые будут работать в обществе «Ха-поэль».

Подошло время, один за другим стали открываться летние лагеря. Мы посещали их и помогали инструкторам, на-

* «Ха-поэль» — израильское спортивное общество. Первая спортивная команда под таким названием была создана в Тель-Авиве в 1923 г. Общество ставило задачу дать еврейской молодежи ишува возможность заниматься физической культурой и спортом, а также вовлекать их в рабочее движение.

шим вчерашним курсантам. Лагеря были разбросаны по всей территории Венгрии, что сильно осложняло нашу задачу. В лагерях сразу же стало известно, что мы посланцы Хаганы, хотя мы очень старались скрыть этот факт. Но избежать огласки не удалось — для этого надо было вообще прекратить поездки.

Песня Ицхака Ламдана* — вещь взрывоопасная...

На наше счастье, в большинстве летних лагерей занятия окончились вполне благополучно. Исключением стал один случай, когда листок с текстом песни «Танец Масады» Ицхака Ламдана вылетел из окна и попал в руки случайного прохожего. А слова песни, как известно, были такие:

Над Масадой танец-пламя,
Он пылает и горит.
Эй, с дороги, кто не с нами,
Берегись! Испепелит!

Разгорайся, танец-пламя,
Веселей смотри, дружок!
Запляшите вместе с нами,
Север, запад, юг, восток!

И под нашими ногами
Запылают даже камни,
Даже щебень и песок.
Эй, посторонитесь, скалы,
Разнесем вас в порошок!

Разгорайся, танец-пламя...

Эй, дряхлеющий мир!
Руку нам протяни!

* Ламдан Ицхак (1899—1954) — израильский поэт, писал на иврите. В Эрец-Исраэль приехал в 1920 г. Для его творчества характерны пророческий пафос и библейская лексика. Эпическую поэму в 6 песнях «Масада» написал в 1927 г.

С нами вместе шагни
В пляски алое пламя!
С нами вместе запой
И Господь нам подтянет.

Разгорайся, танец-пламя....

Эта песня была напечатана тем методом, какой обычно применяют при разучивании песен на иностранном языке: слова на иврите были записаны венгерскими буквами, а рядом — перевод на венгерский. Прохожий венгр нашел листок, вылетевший из окна; странное содержание стихов вызвало у него подозрения, и он отнес листок в полицию. Полицейский инспектор вообразил, что ему в руки попало нечто невероятно важное, и немедленно начал действовать. Явился целый отряд полицейских, окружил лагерь и принялся его прочесывать. В чем дело, мы, конечно, не знали. Двоим нашим посланцам удалось ускользнуть в город и спрятаться там. У начальника лагеря был произведен тщательный обыск, а потом его еще долго допрашивали.

В конце допроса начальник полицейского отряда вытащил подозрительную бумажку, показал ее начальнику лагеря и заявил, что, по его мнению, содержание этой бумаги неопровержимо доказывает, что... обитатели лагеря принадлежат к подполью, стремящемуся подорвать экономическую мощь Венгрии. В тот период действительно было раскрыто несколько случаев саботажа на венгерских заводах, производивших продукцию для Советского Союза. Когда выяснилось, что именно послужило причиной прихода полицейских и обыска, начальнику разъяснили содержание листка, и на том инцидент был исчерпан. Полиция убралась восвояси, и тренировки в лагере возобновились.

В конце июля 1947 года я предпринял поездку по летним лагерям, организованным в Чехии молодежными движениями. Чтобы совершить эту поездку, мне снова нужно было нелегально пересечь венгерскую границу. Но на этот раз у меня уже был опыт. Я выехал из Будапешта в сопровождении представителя Брихи в тот пункт Брихи, который находился рядом с границей. Мы добрались туда за-

темно. Мне объяснили, что я должен дождаться десяти часов вечера — в это время обычно появлялись контрабандисты-проводники.

В назначенный час контрабандисты пришли. После коротких переговоров мы вышли из дому и зашагали прямо в открытое поле.

Переход занял около трех часов. Мы подошли к какому-то чешскому селу, где нас должна была ждать машина, чтобы отвезти в областной центр Кошице. Оттуда уже я улечу в Прагу самолетом.

Прежде чем войти в село, мы остановились. Следопыт проверил все подходы к селу — точь-в-точь как проверяют объект на военных учениях. Спустя четверть часа он дал сигнал двигаться дальше. Перелезая через заборы, мы добрались до огромного хлева. Контрабандисты оставили меня на сеновале и исчезли в темноте. Битый час я сидел в одиночестве, напряженно прислушиваясь, не приближаются ли какие-нибудь шаги. Наконец сквозь тьму я различил силуэт проводника. Он велел мне встать и идти за ним. Мы быстро зашагали к воротам. Нам пришлось постоять несколько минут, прижавшись к забору, пока подъехала машина. К моему удивлению, кроме шофера, я обнаружил там целую семью: отца, мать и сына. Они тоже собирались этой ночью перейти границу.

На рассвете машина въехала в Кошице.

Пункт Брихи находился в здании, где размещались дети беженцев. Здесь меня встретил «наш контрабандист» — Вик. Он вручил мне паспорт, и таким образом я превратился в солидного британского гражданина. После двух месяцев подпольной жизни на нелегальном положении так приятно было почувствовать себя добропорядочным туристом!

Назавтра я вылетел в Прагу.

Израильская делегация на фестивале молодежи в Праге

Мне повезло — после шести недель напряженной работы я получил короткий отпуск и смог побывать на выступлениях «Сокола» (Национальное спортивное общество Чехии),

которые в те дни проходили на Пражском фестивале. В фестивале участвовала и делегация из Израиля. На меня произвели большое впечатление выступления многих делегаций, особенно из России, и все же я не могу забыть короткого, но выразительного выступления нашей делегации в день открытия Международной выставки. Исполнялись народные танцы, играл ансамбль флейтистов, и пела Эстер Гамлиэлит. Танец завершился необычно и увлекательно: танцоры, исполнявшие хору, длинной цепью спускались со сцены на площадь и присоединялись к зрителям, которые немедленно входили в круг и принимались танцевать вместе с ними.

Дня четыре я развлекался, а потом отправился в поездку по летним лагерям, разбросанным по Чехии. Мне пришлось встречаться с инструкторами, которые побывали в Венгрии, где прошли наш курс подготовки, и теперь преподавали здесь. Их энтузиазм и чувство ответственности просто поражали. Они уже были неотъемлемой частью Хаганы, и это прибавляло им уважения в собственных глазах и в глазах окружающих.

Такая же атмосфера, несмотря на различия в партийных взглядах, царил в лагерях, созданных организациями Хашомер ха-цаир, Бней-Акива* и другими. Нельзя не отметить деятельности эмиссаров разных движений из Израиля, которые сплотились воедино, чтобы помочь нам, представителям Хаганы, в исполнении порученной нам задачи. По окончании поездки мне нужно было вернуться в Венгрию, но пришлось прождать два дня в Братиславе, пока подготовят переход границы. Это время я использовал, чтобы побывать в Вене, главным образом — в лагерях, где были сосредоточены беженцы-евреи.

* Бней-Акива — букв. «сыновья Акивы», молодежное движение, названное в честь рабби Акивы, крупнейшего талмудического авторитета. Основано в 1920 г. Движение существует и в наши дни и проводит активную деятельность не только в Израиле, но и в диаспоре.

Ужасная картина во дворе больницы Ротшильда

В то время в Женеве заседала комиссия, созданная Ассамблеей ООН с целью изучить возможности заключения мира между евреями и арабами в Палестине и для решения ближневосточной проблемы.

3 августа 1947 года перед комиссией выступили представители евреев — перемещенных лиц в Австрии и Германии, которые заявили, что беженцы отказываются вернуться в диаспору и раствориться в ней. Они требовали, чтобы им разрешили въезд в Эрец-Исраэль. В этот день я приехал в Вену, в огромный лагерь беженцев, который был расположен в здании больницы имени Ротшильда. И тут перед моими глазами развернулась еврейская трагедия во всей ее наготе. В здание, которое могло вместить самое большее тысячу человек, набилось тысяч семь абсолютно неимущих евреев. Семьи с детьми теснились на одной кровати, а вещи — под кроватью. В каждом углу, в комнатах, набитых до отказа, во дворе, в подвале, на чердаке, в коридорах и на лестницах ютились люди, те самые, уцелевшие в Катастрофе, до которых руки нацистов не успели дотянуться. С рассвета и до заката они толпились в бесконечных очередях. Очереди были везде — в душ, в столовую, в туалет, в медпункт. Хотя еще на родине я слышал и читал об этих беженцах, картина лагеря потрясла меня до глубины души.

Я спрашивал себя, почему представители перемещенных лиц в Австрии и Германии должны были приезжать в мирную и благополучную Женеву, чтобы передать свое воззвание в комиссию ООН. Разве человеческая совесть не велит, чтобы комиссия сама приехала в этот лагерь и своими глазами увидела, в каком положении находятся евреи, выжившие в Европе?

Я бродил по Вене, а в душе крепло желание поскорее вернуться домой и начать борьбу с англичанами. Их жесткая политика — препятствовать въезду беженцев в Палестину — представлялась мне делом злодейским и преступным.

Оставив лагерь, я направился в центр благополучной Вены. Я смотрел на австрийцев, проигравших войну: живут

в тиши и покое, трудятся без помех... А мы, воевавшие плечом к плечу со странами-союзницами, мы, победившие в войне, — почему мы должны просить, объяснять, бороться за то, чтобы нам позволили залечить душевные раны, возместить потери, понесенные евреями в этой войне?

Мрачный и подавленный, я вернулся в канцелярию Еврейского агентства.

Перед возвращением в Братиславу я почувствовал, что мне необходимо побывать на могиле Герцля*. Поразительно, но надгробные камни Герцля и его жены оказались неповрежденными. Трудно было поверить, что нацисты не добрались до могилы великого еврейского вождя.

В Братиславе я провел несколько часов и отправился дальше поездом до венгерской границы. На этот раз я перешел границу как заправский контрабандист и продолжил свой путь в Будапешт без каких-либо приключений.

Церемония принесения присяги Хагане

Я снова впрягся в работу. Мне было поручено организовать курс командиров, которые будут руководить филиалами Хаганы в местах скопления евреев в Венгрии. Прежде всего, я должен был набрать курсантов из числа инструкторов, которые учились на предыдущем курсе, отличились в занятиях и проявили лидерские способности в летних лагерях. Затем отобранные кандидаты должны были пройти приемную комиссию, назначенную штабом. Им следовало явиться по указанному адресу, трижды постучать в дверь и, когда откроют, назвать пароль. После этого им предлагали войти в темную комнату. Один за другим они входили в комнату, где сидели члены приемной комиссии, отделенные от абитуриентов черным занавесом. В занавесе были проделаны маленькие отверстия, через которые члены комиссии могли видеть абитуриентов, сами оставаясь невидимыми. Кандидат подходил к столу, и его буквально засыпа-

* Герцль Теодор (1860—1904) — основоположник политического сионизма, создатель Всемирной сионистской организации, провозвестник еврейского государства.

ли градом вопросов, чтобы определить, готов ли он взять на себя обязательства члена Хаганы. Если он выражал согласие, происходило короткое совещание членов комиссии, в конце которого кандидату объявляли, что он принят в ряды Хаганы и должен принести присягу на верность. Кандидат становился по стойке «смирно» и клал руку на книгу ТАНАХ* и на пистолет. Так он приносил присягу, повторяя слова клятвы вслед за тем, кто приводил его к присяге. По окончании церемонии новый боец Хаганы отправлялся домой и ждал дальнейших распоряжений.

Все кандидаты, которые были вызваны на приемную комиссию, заявили о своем согласии вступить в ряды Хаганы.

Одинокий дом в горах...

Чтобы провести курс обучения, следовало сначала найти подходящее место, где можно было бы без помех упражняться в стрельбе и проводить полевые занятия.

Проверив по карте все районы Венгрии, мы с моим постоянным помощником Мордо (Мордехаем Френкелем) отправились на машине в двухдневную поездку по горам в поисках дома, стоящего в уединенном, укромном месте. На второй день поездки, совсем уж было отчаявшись найти что-либо подходящее, мы вдруг обнаружили дом, одиноко стоящий на холме, вдалеке от шоссе. Оставив машину, мы подошли к нему пешком. В доме находились две пожилые женщины. Это место показалось нам как нельзя более подходящим. Женщины встретили нас очень приветливо. В ходе беседы выяснилось, к немалому нашему удивлению, что эти женщины — еврейки, чудом избежавшие гибели в Катастрофе. Мы объяснили им, что собираемся провести здесь семинар для гидов и вожатых и для этого хотели бы арендовать у них дом сроком на полтора месяца. Мы предложили им вполне приличную оплату, а также пообещали

* ТАНАХ — принятое в современном иврите название еврейской Библии (в христианской традиции — Ветхий Завет). Слово представляет собой акроним еврейских названий трех разделов Библии: Тора, Невиим, Ктувим.

комнату в Будапеште на то время, пока их дом будет занят. Женщины приняли наше предложение, и, договорившись окончательно об условиях и сроках, мы вернулись в Будапешт, чтобы заняться последними приготовлениями. Собрали снаряжение, главным образом оружие — пистолеты и гранаты, и еще раз до мелочей продумали программу тренировок.

Инструкторами были назначены Хаим Гури и Шмуэль Пакга, активист движения «За единый труд», который присоединился к нам, когда все наши остальные работники были переведены в Румынию для участия в крупной операции по переправке евреев под названием «Исход из Европы».

По заранее разработанному плану мы, на двух грузовиках, приехали на выбранное место. Быстро выгрузили снаряжение и тут же погрузили в машины вещи хозяек дома. Они распрощались с нами и уехали в Будапешт.

Курсантов разбили на группы и распределили по комнатам. На чердаке устроили склад оружия, и все было готово к тренировкам.

На вечерней поверке курсантам разъяснили цель занятий, а также провели специальный инструктаж по соблюдению мер безопасности. Мы приступили к работе в условиях строжайшей секретности.

План подготовки командиров был разработан с включением следующих вариантов защиты:

1. «Холодная» защита — самооборона и защита при помощи палки.

2. «Горячая» защита — с применением пистолетов и гранат, которые следует пускать в ход только в случае крайней необходимости.

В первые дни занятия проходили без сбоев и без помех.

Для охраны тренировочного лагеря на крыше целый день стоял часовой, чтобы предупреждать о приближении посторонних к дому. Время от времени мы придумывали новые упражнения с оружием, а потом переходили к тренировкам по разным видам спорта.

Примерно в шестистах метрах от нашего дома был небольшой родник. И вот дней через десять после начала занятий мы заметили возле этого родника большую группу

людей, в основном женщин. Судя по всему, они пили воду из родника и молились. Ничего такого мы не ожидали и, естественно, очень встревожились. Нам объяснили, что несколько дней тому назад одна немая женщина напилась воды из родника и ей явилась святая Дева Мария и исцелила ее от немоты. Новость мгновенно распространилась по всей Венгрии, и люди стали стекаться к роднику, который в течение одной ночи превратился в священный источник, «источник Святой Девы».

Надписи появляются и исчезают

Этот случай усложнил нашу работу и потребовал дополнительных мер предосторожности. На наше счастье, дом отделяла от родника роща, и мы могли продолжать тренировки.

Для этого цикла занятий мы тоже запланировали двухдневный поход. Хаим, Мордо и я сели в машину и отправились проверять намеченный маршрут. В конце первого дня мы должны были добраться к вершине горы Кикш, самой высокой в Венгрии. Здесь находится роскошный отель. До войны венгерские богачи имели обыкновение проводить здесь зиму. Когда мы въехали на вершину горы, Хаим достал перочинный нож и на самом высоком дереве вырезал слово «ПАЛМАХ», а под ним — маген-давид*.

Этот израильский обычай оставил свои следы в нескольких местах в Европе, и сегодня израильский путешественник с изумлением обнаруживает в окрестностях Рима, в Капель-Гондольфо, в Неми или где-нибудь еще надписи на иврите, выцарапанные на камнях или на деревьях в лесу.

* Маген-давид — букв. «щит Давида»; шестиконечная звезда (гексограмма), образованная двумя равносторонними треугольниками, имеющими общий центр и ориентированными противоположно друг другу. Широкое распространение маген-давида в XIX веке объясняется стремлением евреев найти простой символ иудаизма, аналогичный кресту у христиан. Превращение маген-давида в клеймо, сопровождавшее миллионы евреев на их пути к уничтожению, придало ему новый смысл — единства страдания и надежды. Маген-давид изображен на государственном флаге Израиля.

Мы вернулись в лагерь. Подготовка к походу в этот раз оказалась несложной. Для курсантов это был уже второй поход, и они лучше чувствовали атмосферу курсов и личную ответственность за свои действия. Учения в обстановке секретности, пистолеты и гранаты, усиленные физические тренировки развивали в курсантах терпение и выносливость, что впоследствии сильно облегчало им жизнь.

Мы отправились в путь, захватив продовольствия на два дня. В лагере остались только повара — для охраны. Этот поход ничуть не отличался от патрульных объездов ПАЛМАХа. Курсанты, проникшись чувством командирской ответственности, довольно легко несли груз и без жалоб карабкались по крутым склонам. Это путешествие было событием не только для нас, израильтян. На курсантов тоже произвела большое впечатление красота природы — многие из них видели такое впервые. Поднявшись на вершину горы, к тому дереву, на котором Хаим вырезал наш символ, мы с удивлением обнаружили, что кто-то соскоблил вырезанный знак, не оставив от него и следа. У всех было какое-то неприятное чувство, словно рядом находился посторонний несимпатичный человек, и мы решили уйти отсюда, поискать место для ночлега подальше. Хаим не захотел смириться и снова вырезал на дереве: «Да здравствует ПАЛМАХ!»

Мы устроили привал в ближайшей рощице и улеглись на ворохе палой листвы. Долгие часы лежал я, размышляя. Всего четыре месяца тому назад я вышел из кабинета Йошуа Глобермана в Ягуре, пытаюсь вообразить себе новую должность, которая меня ожидает. И вот у меня за плечами уже два организованных курса обучения, множество поездок по Венгрии и Чехии, летние лагеря и нелегальные переходы границы. Я думал о своей семье и друзьях в Эрец-Исраэль. Я скучал по ним все сильнее. Но тут внезапно у меня перед глазами встала картина лагеря беженцев в Вене. Я приподнялся на своей «постели» и посмотрел на лежащих вокруг меня людей: неужели это такие же евреи, каких я недавно встретил в Вене? Это казалось чудом. До чего же они изменились!

Первые проблески рассвета и необходимость продолжать поход отвлекли меня от раздумий.

Курсанты, свежие и отдохнувшие, поднимались с земли. Второй день тоже прошел по плану. По возвращении им даже не понадобился дополнительный отдых.

Занятия продолжались без помех, кроме одного случая: однажды часовой заметил полицейского на мотоцикле, приближающегося к нашему дому. Раздался сигнал тревоги. Все пистолеты и прочие незаконные предметы были мгновенно спрятаны на чердаке, ничего подозрительного не осталось. Подъехавший полицейский застал нас за изучением иврита. Мордо приветливо принял его и ответил на все вопросы. У полицейского не возникло ни малейших подозрений. Мы угостили его сигаретой, и он удалился, а мы вернулись к своим делам.

Наконец программа была выполнена полностью. На специальной церемонии выпускникам было присвоено звание командиров. Мы все чувствовали, что сегодня к филиалу Хаганы в Венгрии прибавилось еще одно важное силовое звено.

В Венгрии я пробыл шесть месяцев. Как правило, при помощи различных уловок нам удавалось укрыться от бдительного ока венгерской контрразведки. Но однажды меня чуть не арестовали, и случилось это как раз на курсах спортивных инструкторов.

Дело было в октябре 1947 года. Ха-шомер ха-цаир предоставил в наше распоряжение здание на одной из окраин Будапешта. Мы набрали группу — 45 парней из разных городов Венгрии — для обучения в течение месяца. Уже в начале курса мы почувствовали, что за нами следят. Районное отделение полиции потребовало, чтобы мы представили им списки всех курсантов. Эти списки были тщательно изучены. Однажды, когда курсанты выстроились для ежедневной утренней пробежки, явились два сыщика. Они снова потребовали список курсантов. Тут же, на месте, новый список был составлен и вручен им. Но на сей раз они этим не удовлетворились, а потребовали пересчитать койки. Я в это время находился в комнате инструкторов, и мне немедленно сообщили, что сыщики пересчитывают койки. Я не вернул-

ся ночевать в здание, которое оказалось под подозрением. Но занятия продолжались по намеченному графику.

Дней за восемь до окончания курса (конец октября 1947 года) мне передали, что я должен вместе с Яковом Саломоном поехать на съезд командиров Хаганы в Праге. Кроме нас туда отправились Йосеф Харари и Йосеф Меир. В этот раз мы пересекли границу возле Братиславы. Работники Брихи, которые ждали нас на чешской стороне, вернули нам наши британские паспорта, и мы вновь стали легальными туристами.

В Праге собрались двадцать пять командиров Хаганы из Европы. Товарищи отчитались о своих действиях в разных странах. Главным моментом съезда были лекции Шауля Авигура и Нахума Шадми о функциях наших групп в будущем. Наиболее успешно работавшие эмиссары, чувствовавшие уверенность в своих силах, требовали расширения своих полномочий и поля действия.

В конце съезда меня вызвали к Нахуму Шадми. Прошло несколько месяцев с тех пор, как я видел его в последний раз, когда он назначил меня на эту работу в Венгрии.

— Амнон, — начал Нахум, — у меня есть для тебя новое задание. Сейчас нам нужно усилить группу командиров в странах Северной Африки. Ты для этого как раз подходишь. Я уже договорился с Яковом Саломоном, что ты будешь в Париже первого декабря, чтобы вступить в новую должность.

Я вернулся в Будапешт проститься с товарищами. Мне было жаль расставаться с коллективом венгерской Хаганы, компанией верных и преданных работе ребят, но приказ есть приказ, и я должен был уезжать. Я еще успел побывать на выпускном вечере курса спортивных инструкторов, а на следующий день собрал вещи. Приехал я в Венгрию нелегально, зато уезжал вполне законным путем. По соглашению, из которого извлек выгоду некий чиновник, власти выдали мне официальное разрешение покинуть Венгрию. Почему законным должен был быть именно отъезд, а не приезд — этого я не знаю до сих пор.

Среди немцев

Я отправился поездом из Будапешта в Прагу. Там меня снабдили необходимыми документами для дальнейшего путешествия — в Париж через Германию и Бельгию.

Из Праги я отправился в Аш, пограничный городок в Чехии, в Судетской области. Наступила зима, шел снег, все вокруг было белым-бело. Человек из Брихи отвез меня на машине к немецкой границе. Так я впервые ступил на землю Германии.

Это было странное ощущение. Трудно передать словами, что творилось у меня в душе, когда я подошел к таможенному полицейскому. Передо мной были те самые люди, которые всего два года назад служили в лагерях уничтожения и безжалостно убивали евреев, да и не только евреев! Вот они, представители «высшей расы», жесткие и жестокие, слуги дьявола. И я стою буквально в двух шагах от них — можно дотронуться рукой. Они разговаривают с нами необыкновенно вежливо... Человек из Брихи занимается всеми необходимыми формальностями, и полицейские проявляют к нам особое внимание. Кто бы поверил, что двумя-тремя сигаретами можно с легкостью завоевать расположение немецкого полицейского!

В спальне немецкого офицера

Не успеваю я переварить только что пережитое, как машина уже останавливается перед коттеджем, неподалеку от границы. Здесь находится пункт Брихи, которая занимается связями с пограничной службой этого района. Дом принадлежит немке, вдове погибшего на фронте немецкого офицера. Вдова, которой известно, что мы из Палестины, тоже оказывает мне особое внимание. Она уступает мне свою спальню. Комната переполнена произведениями искусства, которые, очевидно, присылал ей хозяин дома, победно шествуя по покоренным странам Европы. На буфете лежит альбом с фотографиями. Я открываю его и смотрю на снимки, присланные мужем жене из оккупированных горо-

дов. По большей части фотографии вечеринок, нацисты веселятся: в одной руке бокал, другая обнимает девушку.

Утомившись после долгого и трудного дня, я засыпаю на немецкой кровати. Жизнь продолжается, действительность быстро зачеркивает вчерашний день.

Рано утром мы едем машиной в Мюнхен по широкой автостраде, тянущейся километров на триста. Там и сям видны строения, разрушенные бомбежками, но везде уже чувствуется прилежный труд немцев: они восстанавливают разрушенные здания, строят новые. Особенно много усилий вкладывается в восстановление мостов и ремонт железнодорожных путей.

Приезжаем в Мюнхен. Город лежит в руинах. Среди развалин — улица, на которой уцелели несколько домов. Там находятся еврейские организации, и среди них — дом сотрудников отделения Еврейского агентства. Неподалеку от Мюнхена я встретился с членами делегации Хаганы, работавшими в Германии, в тренировочном лагере, где занимались подготовкой инструкторов по владению легким оружием, физической подготовкой и полевыми учениями. По окончании курса выпускников направляли инструкторами в тренировочные лагеря Германии и Австрии, где находилась молодежь из лагерей беженцев, вступающая в Хагану.

29 ноября — в Антверпене

Из Мюнхена я двинулся дальше и 29 ноября 1947 года приехал к своим родственникам в Антверпен. В этот исторический день всему миру возвестили по радио, что Организация Объединенных Наций в Лейк-Саксесе приняла решение о создании еврейского государства.

На следующий день все евреи Антверпена собрались, чтобы отпраздновать это событие. Везде царил веселье, все ликовали, словно пришел Мессия. Все понимали, что решение ООН дает возможность еврейскому народу воссоединиться на своей исторической родине.

Радость смешивалась с тревогой за положение в стране. Я поспешил сократить пребывание у родственников и немедленно отправился в Париж, куда недавно был переведен

штаб Хаганы из Праги. Как мне хотелось поскорей вернуться домой, быть вместе с родными и близкими в этот исторический момент! Тем более что, как я слышал, там уже начали мобилизовывать юношей 15—17 лет.

Нахум Шадми сообщил мне, что после решения ООН о создании Государства Израиль наши планы изменились и моя поездка в Северную Африку отменяется. Нахум велел Йосефу Харари и мне немедленно отправляться в Италию, чтобы организовать ускоренные тренировки по стрельбе и боевой и физической подготовке нескольких тысяч молодых беженцев, находящихся в итальянских лагерях и ожидающих возможности попасть в Эрец-Исраэль. Теперь всем стало ясно, что молодому государству необходимо подкрепление — *обученные* бойцы. Дело, которое нам поручили, было жизненно важным и крайне срочным.

Хотя я попал в Париж впервые, нельзя было задержаться даже ненадолго, хоть немного погулять по городу. Уже через три дня мы были в Риме.

Глава 3

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА В ИТАЛИИ

В конце 1947 года, приехав в Италию, мы попали в страну, которая с еврейской точки зрения стала ареной важнейших событий.

Это была страна, чей фашистский режим во главе с Муссолини заключил союз с Гитлером в годы Второй мировой войны. Но итальянский фашизм — хоть это и был первый фашизм в Европе (само слово «фашизм» зародилось в Италии, и Гитлер во многом считал себя учеником Муссолини) — сильно отличался от нацистского режима Германии. Суть отличия заключалась в полярной противоположности итальянского и немецкого национальных характеров. Итальянский народ, жизнелюбивый и жизнерадостный, народ, который знал нищету, разобщенность, гражданскую войну и нужду, не испытывал ни ненависти к евреям, ни желания их преследовать. Еврейская община в Италии, община древняя и родовитая, была тесно связана с духовной и экономической жизнью Италии, а итальянский народ видел в евреях братьев по судьбе, по культуре и по предназначению. В этом смысле фашистский режим Муссолини для них ничего не менял. Да и сам Муссолини не поощрял антисемитизма в своей партии. Союз с Гитлером, по существу, ему только повредил: в конечном счете, когда союзники нанесли поражение Италии, диктатор заплатил за него жизнью. В Милане итальянские партизаны расстреляли его вместе с его любовницей, а затем повесили оба трупа.

В 1947 году, через два года после поражения, Италия, охваченная экономической и духовной депрессией, пыталась подняться из руин. В те дни сигарета еще оставалась разменной монетой Европы: за нее можно было купить ус-

лугу, женщину, мелкого чиновника. Еще выше ценилась денежная взятка. Но главное — хочу это особенно подчеркнуть, — в итальянском народе жил дух восхищения еврейской выносливостью и упорством, и многие итальянцы приходили на помощь евреям из внутреннего душевного побуждения, из желания помочь и искупить грехи войны и фашизма.

Эта Италия, в которую я попал в конце 1947 года, была — на наш, еврейский и израильский, взгляд — особенной страной. В огромные лагеря были привезены евреи со всех концов истерзанной Европы; ими занимались Еврейская бригада, Хагана, Бриха, «Центр для изгнанников» и другие еврейские и международные организации, как, например, Джойнт, чтобы как можно скорее найти выход из положения.

С нашей же точки зрения, выходом из положения для них был, разумеется, переезд в Эрец-Исраэль.

Ада Серени

Чтобы понять, что происходило в «еврейско-израильской» Италии 1947 года, необходимо остановиться и сказать несколько слов об Аде Серени. Работа этой женщины заслуживает, конечно, более пространный повествования, но для понимания событий, свидетелем которых я стал тогда, расскажу о ней лишь вкратце.

Ада родилась в Италии. Выйдя замуж за Энцо Серени, она вскоре приехала в Эрец-Исраэль. В начале тридцатых молодая пара входила в число основателей кибуца Гиват-Бреннер. Когда началась Вторая мировая война, Энцо Серени добровольно вызвался участвовать в десантной высадке в тылу противника в Италии. Выполняя задание, он бесследно исчез. Благодаря полученным впоследствии свидетельским показаниям выяснилось, что его схватили и отправили в немецкий концлагерь, где он и погиб.

Вскоре после окончания боев, в июле 1945 года, Ада Серени приехала в Италию. Едва ступив на землю, где она родилась, Ада сразу стала налаживать давно прерванные связи. Она готовилась к работе, которая намечалась уже тогда:

собирают беженцев в Италии и нелегально переправляют их морем в Эрец-Исраэль, несмотря на преследования англичан, несмотря на облавы, которые устраивали на корабли с беженцами в море и в портах, несмотря на то что против таких кораблей применяли оружие.

Обаяние, ум и преданность Ады Серени органично сочетались с духом сочувствия к нашим страданиям и нашим стремлениям, царившим в то время в самых широких кругах итальянского общества, начиная с правительственной верхушки и кончая полицией, службой береговой охраны, моряками, агентами пароходных компаний и чиновниками любых рангов.

И так же, как я убеждался в силе еврейской мудрости, переходя через границы при содействии Брихи, я ощущал эту силу в Италии, где, благодаря стараниям Ады Серени, ее напарника по работе Иегуды Арази и сотен командиров и рядовых Хаганы, создавших на земле Италии «невидимый Эрец-Исраэль», работа так и кипела.

Готовят корабль для нелегальной иммиграции

Не успел я приступить к выполнению своего задания — подбору обученных кадров, владеющих оружием и боевой подготовкой, — как меня затянуло в водоворот событий, бурлящих вокруг. Я был свидетелем и участником отправки корабля с нелегальными эмигрантами, который назывался «Объединенные Нации». Этому мероприятию, одному из многих ему подобных, я посвящу подробный рассказ, который даст читателю представление и об остальных.

В начале декабря 1947 года, сразу же по приезде в Рим, мы стали намечать организационные рамки, которые позволят обучать тысячи молодых ребят из лагерей еврейских беженцев в Италии и наиболее коротким и быстрым путем отправлять их в Израиль, на помощь отрядам Хаганы в борьбе с усиливающимся арабским террором. По специальным каналам связи мы получали сообщения о помехах, которые чинят работе еврейского транспорта в Палестине, о нападениях на отдаленные поселения и на окраинные районы городов.

Поврежден водопровод в Негеве. Взорван, разграблен и сожжен торговый центр в Иерусалиме. Еврейский квартал в Старом городе подвергся нападению. Крупные арабские силы пытаются проникнуть в Тель-Авив через квартал Шхунат-ха-Тиква. Еврейская автоколонна на шоссе в Бен-Шемен тяжело пострадала от нападения Арабского легиона.

Несмотря на такое ненормальное положение, англичане запрещают созыв комиссии, сформированной в Лейк-Саксесе, для выполнения решений ООН относительно Палестины.

Нетрудно представить себе, как влияли подобные новости на наше душевное состояние.

Земля горела у нас под ногами, напряжение нас не покидало.

Правда, вскоре мы перешли к действиям, хотя и несколько иным, нежели те, ради которых меня послали в Италию.

В римском отеле «Диана», где мы остановились, произошла наша встреча с Адой Серени, Йосефом Артрехтом, Шмарией, Моше Закимовичем и другими. Мы узнали, что готовится к отплытию в Эрец-Исраэль корабль для нелегальной иммиграции, получивший весьма актуальное название «Объединенные Нации». Мне и Йосефу Харари предложили поехать в лагерь беженцев неподалеку от Рима, в деревеньке под названием Неми, взглянуть на приготовления к отплытию и помочь персоналу, который занимается беженцами.

Беженцы помещались в нескольких просторных виллах, находившихся в распоряжении Джойнта. За день до отплытия лагерь был закрыт, никто не мог ни войти, ни выйти. Все укладывали немногочисленные вещи в рюкзаки — по одному на человека. По мере того как приближался заветный день, напряжение росло. Все нетерпеливо ждали отплытия в Эрец-Исраэль. Страстное стремление на историческую родину превратило измученных беженцев, выживших в Катастрофе, в дисциплинированных солдат, сознававших, что они отправляются в путь безоружными, чтобы прорвать преграду, возведенную вокруг границ Эрец-Исраэль британскими властями. Ни беды, которые уже случались в прошлом с подобными кораблями, например с

«Патрией», ни высадка беженцев на острове Маурициус, ни высылка нелегальных иммигрантов организации «Исход из Европы» в Гамбурге, ни депортации на Кипр — ничто не могло остановить мощного потока еврейских беженцев, которые собирались на берегах Италии, Франции и Румынии. Народ стремился на Родину!

Посланцы, самая преданная молодежь Израиля, всю душу отдавая своей миссии, поддерживали порядок, инструктировали, помогали мужчинам, женщинам и детям пройти этот мучительный и опасный путь, на который они вступили, чтобы попасть на Землю Израиля.

Ночью, под покровом темноты, беженцы, отобранные для отплытия, садятся в машины и приезжают в лагерь в назначенный срок. В этих машинах их отвезут на берег, где они погрузятся на корабль «Объединенные Нации».

Работники «Моссада ле-Алия Бет» приобрели в Италии корабль, отремонтировали его и приспособили к перевозке 550 человек. Все готово к прибытию беженцев на берег. Нужно было устроить причал в этом месте, доставить резиновые лодки и компрессор, чтобы их накачать, запастись канатами и прочим снаряжением, необходимым в «порту», который появится на этом безлюдном берегу на несколько кратких предрассветных часов.

Мы приезжаем в «порт» ночью. Он гудит, как пчелиный улей, но очень тихо. Каждый на своем месте. Я подключаюсь к группе, занятой постройкой причала. Море неспокойно, и шум прибоя заглушает звуки нашей работы. Корабль приближается к условленному месту, с ним налаживают связь по рации. С берега подаются сигналы, указывая точное место причаливания. Корабль бросает якорь на расстоянии нескольких сотен метров от причала. Специалисты из «Моссада ле-Алия Бет» предсказывают трудную ночь — море отказывается с нами сотрудничать. Тем временем включают компрессор, и резиновые лодки начинают выстраиваться в ряд, готовые к отплытию.

Из разных лагерей к месту сбора прибывают машины, и в абсолютной тишине начинается высадка пассажиров — настоящая военная операция! Беженцы не задают вопросов. Каждое распоряжение выполняется быстро и точно. На воду спускают первую резиновую лодку, и я отправляюсь на

ней к кораблю — установить контакт с капитаном и натянуть канат между кораблем и причалом. Мы гребем изо всех сил, чтобы справиться с прибоем, гребем упорно. Вот мы уже у борта. Спускают трап, мы привязываем канат к кораблю и поднимаемся на палубу. Здравуемся с экипажем,жимаем друг другу руки. Капитан — Давид Маймон. Здесь же находятся наша медсестра и связист. На борту все готовы, соблюдают спокойствие, уверены, что справятся с порученным заданием. Обменявшись с ними несколькими короткими фразами, возвращаемся на берег, чтобы приступить к транспортировке людей на корабль.

Судно приближается к причалу. Пора начинать. Впервые я присутствую при том, как иммигранты поднимаются на корабль. Костюм и пальто у меня уже основательно промокли во время короткого плавания к кораблю. Я снимаю пальто и кладу его под деревом. Мне поручено стоять на причале и помогать людям садиться в лодки. В каждой лодке будут находиться по двое израильтян.

Подан сигнал, и первая группа мужчин, женщин и детей поднимается на причал. Израильтяне стараются удерживать лодку как можно ближе к причалу, чтобы людям было удобнее в нее спускаться, но волны, бьющие в борт, толкают ее прочь. Тем не менее люди продолжают посадку. Вот лодка уже полна. Теперь нужно тянуть канат, подтаскивая ее к кораблю... Так в течение немногих часов, пока не забрезжит рассвет, мы должны переправить на корабль 550 человек. Вокруг все тихо. Приказы отдаются шепотом. Уходят нагруженные лодки, возвращаются пустые... И вот последняя лодка доставляет на борт судна своих пассажиров. Мы промокли до нитки. Канат отвязан и вытасчен на берег. Судно поднимает якорь. Теперь подается сигнал — уничтожить «порт». Выпускаем воздух из надувных лодок, разбираем причал, грузим все в машины и, тщательно осмотрев местность, уезжаем. Пальто мое тем временем исчезло. Приятель одалживает мне свое, чтобы я мог войти в гостиницу, не вызвав подозрений: одежда на мне мокрая и грязная.

На рассвете мы возвращаемся в наш отель «Диана». Там нас принимают без слов, хорошо зная, каково нам пришлось этой ночью. Я вхожу в номер, раздеваюсь и ложусь в ванну — немного согреться. Только сейчас напряжение на-

чинает сказываться. Усталость валит меня с ног, и я засыпаю с чудесным ощущением, что действительно участвовал в хорошем деле.

Внутренний рапорт

Привожу дословно отчет о плавании, написанный радистом Маном Варди и отправленный в штаб Хаганы на родине.

«Рапорт

Борт корабля «Объединенные Нации»

7.1.48

1. СУДНО

Официальное название судна «Архимед». Это итальянское судно принадлежало судоверфи ORLANDO GAGTA, CASTELLANO, где было построено 31 год тому назад. Деревянное, двухмачтовое, кабина находится в кормовой части. В войну было оборудовано как парусник. Трижды получало повреждение в результате бомбежки и вновь отремонтировано.

2. ПОРЯДОК РАЗМЕЩЕНИЯ

Койки на корабле находятся в двух местах: в центральном трюме и в носовой части судна. В центральном трюме — металлические конструкции с деревянными настилами, пять ярусов, на двух верхних ярусах — промежутки между койками и стеной. Посредине — коридор, который через каждые три метра пересекается боковыми проходами. В конце этих коридоров — трапы на четвертый и пятый ярусы. Следует отметить прочность конструкции, однако размеры некоторых нар нерациональны. Трудно говорить о «пространстве на каждого человека», поскольку на этих нарах лежат вповалку, беспорядочно. Нары выделили семьям, и они расположились на них довольно свободно, что отняло некоторое количество мест. Число мест рассчитывалось исходя из

того, что часть людей поместится на нижнем ярусе, но на это никто не согласился. Только в последние два дня, когда все спустились вниз, людям пришлось лечь и там. Настоящей вентиляции нет, но зимой недостатка воздуха не ощущалось, даже когда закрыли все отверстия (воздух поступал по четырем воздушным рукавам).

Это место было рассчитано на 459 человек. На носу корабля помещалось еще 30 коек; свободный проход по середине, и по обеим сторонам — деревянные кровати (без металлических стоек), расставленные по углам. Считаю, что в этих углах можно было разместить гораздо больше людей.

3. КУХНЯ

Котлы хранятся в специально отведенном для них помещении в носовой части судна. Печи обычно топят дровами, заготовленными заранее, но мы большую часть дров не использовали, поскольку топили обломками ящиков, которые постепенно освобождались. Каждый котел вмещает примерно 30 литров. Один котел был отведен исключительно для ультрарелигиозных. Детям, больным, беременным и кормящим матерям еду готовили на камбузе для матросов.

4. САНИТАРИЯ И ГИГИЕНА

Унитазы находились в закрытой пристройке, специально оборудованной для этой цели в носовой части судна (напротив камбуза), и были отделены друг от друга перегородками. Они были изготовлены из половинок бочек и прикрыты досками так, что оставалось только круглое отверстие. Такое устройство было причиной многих инфекций. У всех унитазов был только один узкий слив, и, когда он засорялся, его промывали морской водой из машинного отделения.

Умывальники были устроены из двух половинок бочек, соединенных между собой и прикрепленных к борту на расстоянии полуметра от палубы, над ними — труба с ответвлениями. Вода в них подавалась тоже из машинного отделения, но только два часа в день, по-

сколько мы опасались ее нехватки. Такой распорядок был вполне удобен, хотя лучше, конечно, если бы вода там текла целый день.

5. ИЗОЛЯТОР

б коек с матрасами в двух отсеках из трех, полуметровый проход между ними и шкафчиком с медикаментами в одном из углов. Там же жила врач, на каждой кровати лежало по два человека.

6. ПИТАНИЕ

Мы запаслись продовольствием на 14—15 дней. Готовили каждый день. По утрам — подслащенный чай, днем — картофель и рис с мясом. Кроме этого ежедневно выдавали: по одной банке варенья на пять человек; по банке грейпфрутового сока на четверых; по куску сыра на человека или по коробке сардин на троих; по связке инжира на двоих и по литру воды, которую распределяли равномерно между трапезами. Еды было достаточно, и после высадки на берег у некоторых пассажиров еще оставались «резервы». В последние два дня мы выдавали только консервы. Осталось довольно много продовольствия: из 14 тонн — около трети. Все продукты оказались вполне качественными. В излишке оставались маргарин и мука. Только с религиозными были сложности, и вместо мяса им выдавали сардины.

7. ОРГАНИЗАЦИЯ БЫТА ПАССАЖИРОВ

537 мужчин и женщин, в том числе 34 ребенка. Их разделили на 14 групп, или «кибуцев», в некоторых было более девяноста человек, в других — меньше двадцати. Средний возраст — 35 лет. Страны исхода: Венгрия, Румыния и Польша. Был один организованный кибуц, который составляли румыны — члены общества Ха-шомер ха-цаир, они выполняли всю работу, а их контролировал я. Они чередовали между собой обязанности по указанию своего распорядителя: готовили еду, раздавали еду и воду, несли вахту. Время от времени и другие доб-

ровольно вызывались помогать в уборке, поддержании санитарии и приготовлении детского питания.

В управлении кораблем ни один из них участия не принимал. Питание получали «секретари» различных кибуцев. Ни одному человеку не разрешалось входить в боковое помещение, где размещалась сопровождающая группа.

8. ЭКИПАЖ

7 итальянцев, в том числе капитан — полная никчемность и дурак, но добрый и дисциплинированный (он у нас впервые), неплохой машинист (третий раз у нас), повар и четыре матроса, все дисциплинированные — больше слушались нас, чем своего капитана, поскольку сразу почувствовали его слабость. Все трусы, но работали неплохо. Капитан абсолютно не интересовался тем, что происходит на судне, только все время восторгался еврейским народом.

9. ВЫСАДКА

В последние два дня всем было велено спуститься на нижние нары; кухню и умывальники выбросили за борт; люки трюмов были приготовлены, рядом стояли люди, ответственные за них. Палуба была вымыта и прибрана, один человек стоял на вахте. Ходить в туалет разрешалось только ночью. Часть еды выдавали перед рассветом, часть — приносили вниз. В туалет разрешали выходить только по крайней нужде, так что на палубе практически никого не было, кроме вахтенных, которые знали, где спрятаться в случае тревоги. Мы вошли в порт, на палубе — никого, чисто и пусто. Еще в море мы открутили болты шлюпок, и теперь они находились в состоянии готовности. Выйдя на мелкое место, мы спустили две шлюпки, которые доставили на берег заранее приготовленные канаты. Нужно отметить, что эту работу очень старательно выполняли итальянские матросы. Только после этого людям разрешили подняться на палубу. Они ринулись к трапам, и нам с большим трудом удалось навести порядок. С берега вернулись две наши

шлюпки с гребцами из Нагарии (матросы остались на берегу), еще четыре маленькие и одна большая. Возле трапа произошла небольшая толчея, поскольку вначале мы выпускали только детей и женщин без рюкзаков. При помощи людей с берега мы сумели не допустить паники. Высадка продолжалась в течение трех часов. Последняя шлюпка доставила на берег оружие. На судне осталось большинство рюкзаков и все остальное снаряжение. Следует отметить быстроту и упорядоченность работы береговой службы, которая не была предупреждена о нашем прибытии».

Таков был рапорт, составленный Маном Варди.

Судно прибыло к берегам Нагарии в дни, когда в стране царил запланированный хаос, навязанный нам англичанами в надежде, что мы не сумеем с ним справиться. Но еврейский разум одолел и его, и вопреки беспорядкам, которые устраивал разваливающийся британский режим (последний англичанин покинул Эрец-Исраэль 1 июля 1948 года), еврейский ишув постепенно набирал силу, а Хагана все лучше справлялась с запустением, которое оставляли после себя англичане.

В такой обстановке корабль «Объединенные Нации» подошел к берегу Нагарии. Многие корабли, его предшественники, были захвачены еще в море. Судно «Объединенные Нации» избежало этой судьбы. Работники Службы нелегальной иммиграции ждали его на берегу, жителей Нагарии вызвали на помощь для высадки и укрытия пассажиров. И хотя уже через час английская полиция и армия узнали о приходе корабля, все пассажиры успели благополучно высадиться на берег. По «джентльменскому соглашению» — а может, благодаря более весомым, материальным аргументам — полиция около двух часов бездействовала. Потом они «приступили к делу» — арестовали нескольких жителей Нагарии и нескольких активистов нелегальной иммиграции, но сами репатрианты благополучно прибыли к месту назначения.

Судьба корабля «Объединенные Нации» оказалась удачней, чем у многих его предшественников, хотя, конечно, и его пассажирам пришлось выдержать нелегкие испытания.

Многосторонняя деятельность в лагерях беженцев

В Риме мы встретили многих израильских эмиссаров, которые работали в различных организациях, таких, как, например, Бриха, «Вторая и четвертая алия», «Рехеш» (структура, занимавшаяся различными закупками, в основном оружия и боеприпасов) и «Центр для изгнанников» — организация, созданная бойцами Еврейской бригады, которая высадилась в Италии вместе с войсками союзников во время Второй мировой войны. Центр занимался планированием и руководством действий по спасению евреев, уцелевших в Катастрофе. Появление израильских солдат вызвало новую волну надежды и огромный подъем духа у евреев, которых годами унижали и смешивали с грязью. Очень быстро «Центр для изгнанников» приобрел большую известность и популярность среди тысяч беженцев, другие еврейские организации обращались туда со всеми своими проблемами.

Израильским солдатам в их деятельности очень помогала военная форма и статус воинов союзнической армии, «армии-победительницы». Они действовали неофициально и нелегально. Беженцы встречали их радостно и восторженно.

С течением времени солдат-эмиссаров демобилизовали и вернули в Эрец-Исраэль. Вместо них появились посланцы в форме международных организаций, помогающих беженцам (УНРРА, АРА), и гражданские эмиссары, которые работали в «Хе-Халуц»*, в лагерях и детских учреждениях.

«Центр для изгнанников», который координировал и согласовывал деятельность израильских эмиссаров, взял на себя две основные задачи: первая — подготовить новые приемные пункты и лагеря для размещения тысяч бежен-

* «Хе-Халуц» (букв. «первопроходец», «пионер») — молодежное движение, целью которого была подготовка еврейских юношей и девушек к поселению в Эрец-Исраэль. Его первые группы возникли в начале XX в. С начала Второй мировой войны «Хе-Халуц» стал проводить в разных странах, где жили евреи, профессиональные учебные программы.

цев, стекавшихся в Италию, и вторая — создать нормальные условия жизни в уже существующих лагерях. Две эти задачи потребовали новых организационных и бюджетных рамок, которые позволили бы оказывать помощь в течение длительного времени.

Ответственность за проживание и питание беженцев взяла на себя УНРРА — Международная организация помощи беженцам. Ее работа требовала постоянного напряжения — толпы беженцев стекались сюда из разных стран Европы, и нужно было оказывать давление на различные международные структуры, требуя, чтобы они расширяли существующие лагеря и открывали новые для приема растущего потока беженцев. «Центр для изгнанников» поддерживал тесную связь с руководителями Джойнта в Париже и в Риме. Джойнт помогал и беженцам, и местному еврейству, понимая и уважая нашу главную цель: подготовку беженцев к алии. Джойнт участвовал в финансировании перевалочных лагерей, лагерей абсорбции, расположенных вблизи границ, в подготовке пунктов нелегального отплытия из Италии и в содержании пунктов «Хе-Халуц». Эти подготовительные пункты были разбросаны по всей Италии, в том числе и в местах, удобных для отплытия. Там беженцев готовили к кибуцной жизни в Израиле.

В те дни «Центр для изгнанников» располагался в Италии в трех городах: в Милане на севере, в Риме в центре страны и в Барри на юге. Секретариат «Центра для изгнанников» насчитывал семь работников, среди них были представители различных структур: лагерей, «Хе-Халуца», Брихи и «Организации алии». Во главе «Центра для изгнанников» вначале стоял Иехиэль Дувдевани, а потом в течение долгого времени — Арье Орон (Штерн). По поручению Еврейского агентства он занимал эту должность еще с тех пор, как носил форму британской армии, и вплоть до момента образования Государства Израиль, когда в Италию был назначен консул, первый представитель нового государства.

Приехав в Италию, мы, разумеется, встретились с представителями различных организаций и с представителями течений в «Хе-Халуц», чтобы проверить возможные пути создания тренировочных лагерей, которые смогут вместить

тысячи курсантов. Все руководители этих структур, без исключения, выразили готовность помочь нам в выполнении этой задачи.

Письмо от Игаля Алона

Пока мы планировали нашу деятельность, пришло письмо от командира ПАЛМАХа Игаля Алона (Ифтах), которое он разослал всем членам ПАЛМАХа в европейских отделениях Хаганы.

Это письмо послужило нам источником вдохновения и воодушевления, а советы Игаля Алона были для нас очень важны и полезны.

«Дорогие наши, здравствуйте!

Долгие годы наши товарищи находятся в странах рассеяния, выполняя свою миссию, но до сих пор нам не удалось установить с ними надежную и эффективную связь. Правда, я уверен, что чувство нашего единения крепко и не зависит от того или иного письма, но нам нужно искать другие пути для дружеского контакта, более прочного, к вашему и нашему благу. Наша подруга Шош (Шошана Спектор, эмиссар штаба ПАЛМАХа) вернулась недавно из поездки по Европе, привезла нам живой горячий привет от большинства из вас. Шош служит сегодня «основным каналом» связи между нами, и я уверен, что она будет и дальше выполнять свою работу с тем же рвением, с каким приступила к ней.

Сам факт вашего рассредоточения по разным странам очень затрудняет эффективность вашей работы.

В системе нелегальной иммиграции, как вы знаете, существует совместное руководство: покидая берега родины, наши товарищи переходят под начало «Моссада ле-Алия Бет», и лишь по возвращении вновь попадают под непосредственное управление общей системы (Еврейской бригады). В похвалу морякам и обслуживающему их персоналу следует сказать, что, несмотря на неясность полномочий, доходящую порой до дублирования действий разных подразделений в системе и в руковод-

стве, они умели сохранить тесную связь с системой и всеми ее отделами. В наших ближайших планах — послать к морякам наставника и учителя Амнона (Ицхака Табенкина*), чтобы он мог лично изучить их нужды и способствовать сплочению рядов.

Ваше положение посланцев Хаганы в Европе еще сложнее: у вас «единого руководства» нет даже и в помине. Ваши товарищи разбросаны по всему материку, они в большинстве своем попали в чужой мир; объективные трудности вашей работы огромны и без того, а трудности, создаваемые людьми, усложняют все еще в несколько раз. Ведь с моряками мы время от времени все-таки встречаемся, когда они в силу специфики своей работы возвращаются на родину, и это немного облегчает положение. А вот увидиться с вами в ближайшее время у нас нет надежды, а непосредственный контакт так нужен для совета, для поддержки. Но даже в этих условиях необходимо найти подходящие способы связи, чтобы мы оставались единой сплоченной организацией, преданной своему делу.

Я полагаю, что вы получаете все необходимые инструкции от своих руководителей, и, если я теперь дам вам кое-какие советы, не считайте это дублированием команд — это означает лишь, что у всех нас общие цели и общий порядок жизни. Примите мои советы как советы друга, которые вас обязывают к чему-либо лишь в той мере, в какой вы сами этого захотите.

Год назад мне довелось совершить продолжительную поездку по многим странам рассеяния в Европе. И когда я думаю о вашей работе, об огромных пространствах, на которых проходит ваша деятельность, перед моими глазами встают десятки тысяч евреев, все еще томящихся за оградой лагерей для перемещенных лиц. Я вижу евреев, которые вернулись в чужие страны и скитаются там, бездомные. Я вижу перед собой тысячи несчастных, запертых за непреодолимыми границами.

* Табенкин Ицхак (1887—1971) — лидер рабочего движения, один из основателей кибуцного движения («Ха-кибуц ха-меухал»). Был постоянным членом кнессета до 1959 г.

И вот несколько моментов, на которые я хочу обратить ваше внимание:

1. *Инициатива.* Это — основа нашей работы, которой мы придавали такое значение на родине, а в вашей миссии она играет еще большую роль. Огромные расстояния ослабляют контакт с центром, и нехватку руководящих указаний должна восполнить инициатива. Не то чтобы я, упаси Боже, обвинял вас в недостатке инициативности, наоборот, — мы много слышали о Рашиде (Якове Саломоне) и его товарищах, о Зеэве (Зеэве Глезере) и его группе. Мы много знаем и о других товарищах, которые создали «нечто из ничего» и продолжают тащить на себе груз в тяжелейших условиях. И все-таки этого недостаточно. Нужно усилить активность, усовершенствовать средства, продолжать развивать самостоятельность наших эмиссаров на любых должностях.

2. *Кадры.* У вашей работы есть шанс на успех, а у здания, которое вы строите, — надежда на дальнейший рост только в том случае, если вам удастся вырастить инструкторские кадры из числа местных жителей — воодушевленные, преданные, верящие в роль и назначение Хаганы. Они должны стать главной опорой всего нашего замысла, быть в состоянии работать как с вашей помощью, так и без нее. Если вы будете вкладывать силы в расширение постройки, не позаботившись предварительно о подготовке кадров, то в один прекрасный день обнаружите, что никакой постройки нет вообще...

3. *Широкие рамки.* И в этом мы останемся верны нашему пути на родине. Не будем возвеличивать касту избранных, ибо «избранные» будут обязательно стремиться к президентской власти, к управлению народом, вместо того чтобы оставаться его *слугами*. Наше же стремление — найти общий язык с молодежью, привлечь каждого еврея в свои ряды. Мы должны подготовить их к тому, чтобы они могли постоять за себя в диаспоре, где могут снова начаться погромы; чтобы они могли бороться за свое право на иммиграцию, участвовать в строительстве и обороне. Я уверен, что сила идеи (идеи Хаганы) может увлечь многих, пока еще далеких от сионизма, и побудить к алии.

4. *Опора на организованную сионистскую молодежь.* Между организациями халуцианских молодежных движений и нашей организацией не только нет противоречий, напротив, молодежные халуцианские движения, воспитанные в духе творчества и созидания, могут стать надежной основой нашей общей системы. По-моему, следует относиться к любой группе подготовки как к органической ячейке нашей организации. Следует воспользоваться их общественной структурой для укрепления нашей.

5. *Перемещение (Бриха).* Когда страны Европы оправятся и определят свои границы после войны, мы не сможем рассчитывать на спонтанное перемещение евреев. Брихе следует быть наготове, начиная с подбора потенциальных иммигрантов и вплоть до их доставки на берег перед отплытием. Вопрос перехода границы требует более «военного» подхода — обнаружения доступных путей, планирования кампании, ее организации и обеспечения безопасности. Я не вижу другой организации, кроме системы, создаваемой вами в Европе, которая может взять на себя эти обязанности, — разумеется, при сотрудничестве и координации всех учреждений, участвующих в данном деле. Если вы справитесь с этими обязанностями, увеличится поток переселенцев.

6. *Личный пример.* Я был очень рад услышать от многих эмиссаров, вернувшихся в Эрец-Исраэль, что большинство наших товарищей-посланцев успешно продолжают деятельность, к которой их готовили, служа личным примером для подчиненных во всем, что касается образа жизни, поведения в быту, одежды, личных расходов, отношений с людьми и т.д. Мы всегда должны помнить, что, если мы не будем подавать пример своей повседневной жизнью, даже самый блестящий талант не сумеет сплотить угнетенные массы наших братьев-беженцев, которые после стольких страданий утратили веру в человечество. Поэтому, друзья мои, если вы справитесь с *этим* — значит, вы справились с главным.

7. *Связь.* Как уже было сказано, наши товарищи разбросаны по разным филиалам организации. По непонятной причине, непостижимым образом, эти филиалы

были разъединены и не представляют собой единого целого. Вам следует стать объединяющим фактором между частями системы, используя контакты и связи с нашими друзьями, где бы они ни находились. Группам наших товарищей-эmissаров следует образовать ячейки, выполняющие одновременно и роль координаторов. Кроме этого, пожалуйста, почаще отправляйте нам письма, а мы сделаем все, что в наших силах, и будем регулярно писать вам.

Как я уже сказал, в мои намерения вовсе не входило давать вам какие-либо указания по работе — это всего лишь советы. Кажется, мне удалось исчерпывающе изложить (а не только наметить) основные задачи, стоящие перед вами. И знайте, что мы со спокойной душой, целиком и полностью полагаемся на вас во всем, что касается исполнения обязанностей, как незначительных, так и важных, и уверены, что вы самоотверженно выполните свой долг.

Ваши Ифтах».

Подготовка кадров для конкретных заданий

Мы приступили к организации курса командиров отделений на 130 человек с учебной программой таких же курсов на родине. Распределили обязанности. Йосеф Харари занимался тщательным подбором курсантов из сотен кандидатов, рекомендованных руководителями движений. Я же делал все, что было связано с подготовкой к проведению занятий.

Первым делом я стал искать подходящее место для лагеря. По совету Арье Орона я поехал в Барри, что на юге Италии. Я хотел выяснить, можно ли провести цикл занятий в одном из лагерей, построенных британской армией в дни Второй мировой войны. Сегодня лагеря находились в распоряжении Джойнта и служили пристанищем еврейским беженцам. В Барри меня очень тепло встретили Шауль Шани и его помощники — Йосеф и Мирьям Гроссман (Горен), Йосеф Вартман (Веред), Пастернак (Нахмани) и другие. Мы поехали на машине в лагерь, который наши люди на-

звали «Вперед, к свободе!», удаленный от жилья и окруженный оливковыми рощами, примерно в сорока километрах от Барри.

Тут же, на месте, мы с Шаулем определили, что следует сделать, чтобы приспособить строения к нашим нуждам. Потом вернулись в офис на Виа Горуба, 63 и решили, в каком порядке следует вести ремонтные работы в лагере. В тот же вечер я отправился в Рим и немедленно занялся двумя неотложными проблемами: подбором инструкторов и добыванием оборудования и оружия.

Проблему оружия мы решили, хотя добиться от людей, производивших закупки оружия для Израиля, чтобы они выделили нам хоть небольшое количество винтовок, оказалось нелегко. Израэль Дикенштейн, закупавший оружие в Италии, достал для нас 20 винтовок, 5 автоматов, 3 пулемета и несколько гранат, но на передачу их нам потребовалось особое разрешение из Эрец-Исраэль.

Форма для курсантов, кошерная посуда для кухни и тренировочное снаряжение были приобретены благодаря активной помощи начальника Джойнта в Италии г-на Горовица и его помощника по снабжению г-на Штейнберга. За несколько дней мы собрали все необходимое, начиная с синих комбинезонов и кончая кухонным оборудованием, соответствующим израильским стандартам.

Даже проблема питания, столь острая в те дни, была решена при помощи Джойнта — нам выделили порции по больничным нормам. Каждый курсант получил по две простыни — подобные вещи считались роскошью, но я на этом настаивал: хотелось создать курсантам хорошие условия в преддверии предстоявшей им напряженной работы.

Мобилизация инструкторов также увенчалась успехом. К нам пришли трое израильских студентов: Даниэль Фройденталь и Йоханан Флашкес, учившиеся в Швейцарии, и Шимон Кушерник, который учился в Италии, а также Бени Кравиц из «Моссада ле-Алия Бет» и еще трое выпускников курса инструкторов в Венгрии — их я нашел в одном из лагерей, где они ждали своей очереди на иммиграцию в Израиль. Еще к нам пришли Амос Авни и Иерухам Амитай, выпускники курсов, организованных Еврейской бригадой. Потом к коллективу инструкторов примкнула Агарь Сере-

ни, которая в то время находилась в Италии по семейным делам.

Работы, связанные с подготовкой, и подбор курсантов завершились ровно через 25 дней после того, как мы сошли с трапа самолета в римском аэропорту. Первый курс командиров отделений на 130 курсантов открылся праздничной церемонией в лагере «Вперед, к свободе!». После того как подготовительная часть программы завершилась, ночью на территорию лагеря въехала машина с оружием и боеприпасами, которых мы так ждали. Бывали минуты, когда не верилось, что мы находимся в чужой стране. Все выглядело точь-в-точь как дома, и, может быть, благодаря этому мы чувствовали, что участвуем в укреплении сил ишува, борющегося за свое право на существование в Палестине, хотя и находимся вдали от непосредственной линии огня.

В начале января около ста израильских эмиссаров собрались в Милане на съезд с участием Залмана Рубашова (впоследствии Залман Шазар, президент Израиля), чтобы подвести итоги своей разносторонней деятельности и наметить меры по укреплению связей с родиной в этот решающий период накануне создания государства.

Наши занятия продолжались 60 дней без происшествий и согласно программе. Прекрасный коллектив инструкторов, хорошие условия и самоотверженная работа эмиссаров, особенно Шауля и его группы, дали себя знать. В день окончания курса большая часть израильских эмиссаров в Италии собралась в лагере «Вперед, к свободе!» посмотреть на парад выпускников. Для всех нас это было серьезным событием — парад наглядно показал, как сильно изменились курсанты: отличная выправка, физическая и техническая подготовка, умение обращаться с оружием. Теперь мы были уверены, что сумеем проводить тренировки для новобранцев в намеченном объеме.

На следующий день в Барри состоялось заседание секретариата «Центра для изгнанников». Йосеф Харари и я представили секретариату программу создания военно-подготовительных лагерей для рядовых и для второго курса командиров отделений.

Бюджет, выделенный нам штабом Хаганы в Европе, составлял 1000 долларов в месяц — мизерная сумма, которой

могло хватить на покрытие лишь незначительной части расходов, необходимых для работы восьми тренировочных лагерей, где в рамках трехнедельной программы будет обучаться по тысяче человек.

Мы просили секретариат предоставить в наше распоряжение соответствующие средства, которые позволят немедленно осуществить нашу программу занятий.

Я не сомневался, что успех учений произведет впечатление на членов секретариата. Наша программа, которая вначале казалась нереальной, была принята спустя короткое время, и нам обещали организационную помощь. Требуемые денежные средства были выделены из денег нескольких партий, которые отчисляли из своего бюджета на проведение учений согласованные заранее суммы.

Одновременно с курсами командиров отделений Йосеф Харари подбирал кандидатов для курсов рядовых и подыскивал подходящие места для лагерей. В качестве командиров тренировочных лагерей были привлечены: Эзра Зохар — командир курса в Неми, Шимон Кушерник — в Болиско, Маккаби Зальцбергер — в Бальцано, Авраам Перл — в Николино, Дани Герман и Иерухам Амитай (Варгавтиг) — в Биале, Амос Авнери — в крепости Бернино, Нафтали Бар-Шалом командовал вторым курсом командиров отделений в лагере «Вперед, к свободе!» и Бени Кравиц — в Формии.

Объем работы увеличивался с невероятной скоростью, и, чтобы высвободить время для учений, мы создали штаб, который занимался мобилизацией курсантов, вопросами снабжения, культуры, финансов и т.п. Все эти обязанности мы распределили между беженцами, и получился следующий состав: Фольке — мобилизация, Реувен Левитан — культура, Йосеф Веред — снабжение и бухгалтерия, Яков Циг — секретарь.

Следует особо отметить помощь Иссахара Хаимовича — командира Брихи в Италии и его помощников, в частности секретаршу Геню, которые разрешили нам разместить штаб на Виа Уньоне, 5, в Милане, в огромном здании, целиком отданном в наше распоряжение. Во время учений мы нередко прибегали к помощи организационной структуры Брихи.

В начале марта 1948 года один за другим открылись несколько тренировочных лагерей, где в течение каждого

трехнедельного курса занималось в общей сложности около тысячи человек.

Все шло по намеченному расписанию, и это следует отнести за счет работы начальников организаций, командиров и инструкторов разных уровней и рангов и самих новобранцев, которые относились к учениям очень ответственно, сознавая серьезность нашего положения в Палестине.

Выпускники курсов репатрируются

Учения первого выпуска новобранцев завершились успешно и без происшествий. Это было немалым достижением. Выпускников курсов из всех лагерей собрали в закрытом лагере неподалеку от Милана и стали готовить к репатриации в Эрец-Исраэль. В этом лагере были собраны работники Алии-4 (так называли работников учреждения, которое занималось отправкой беженцев в Эрец-Исраэль, снабжая их «правильными», хотя и поддельными документами). Под руководством Якова Бен-Ари (Вайса) была создана мастерская по подделке паспортов для выпускников курсов. С этими паспортами иммигрантам удавалось пройти таможенный досмотр английских властей на границе и «законным» образом попасть в Эрец-Исраэль. Это была первая попытка организации широкомасштабного изготовления сотен паспортов в ограниченное время. Коллектив мастерской, находившейся вне лагеря, ночи напролет готовил документы и заботился о том, чтобы репатрианты выучили «свою» биографию. Каждый зубрил легенду по своему паспорту. Через несколько дней подготовки воспитанники первого курса отплыли в Эрец-Исраэль, где в хайфском порту ждали их прибытия люди Хаганы.

В те дни Нахум Шадми получил следующее послание из штаба:

«Нахум,

всячески укрепляйте бодрость духа наших работников. Скажите им, что достаточное количество рабочей силы, подготовленной и обученной, — это одно из главных условий победы. Организация и обучение репатриантов и

их подготовка к нашему лагерю — это обязательное условие не только с воспитательной точки зрения, но и с практической! Все, кого можно подготовить как можно скорее, укрепят наши силы. Не исключено, что люди, которые вольются в наши ряды в результате алии, будут вынуждены сразу же по прибытии включиться в работу в условиях полного развала прежней администрации. Поэтому действуйте как можно энергичнее. Мы намереваемся использовать репатриантов как подкрепление для обороны поселений. Это позволит им с первых же дней включиться в новую жизнь, в новое общество. Это будет также способствовать сплочению общества внутри поселений, несмотря на развал. Мы готовим отряды для удержания поселений и намереваемся сохранить общественную сплоченность потенциальных поселенцев».

Эти слова, это послание, пришедшее к нам с родины, ще больше подбадривали нас в нашей работе.

В марте 1948 года всем уже стало ясно, что на родине нас ждет борьба не на жизнь, а на смерть. Арабы объявили нам войну. Евреев убивали из засады, на них нападали, их обстреливали снайперы. Британские мандатные власти решили, что им полезно будет усугубить хаос, и заняли позицию ханжеского нейтралитета, стараясь в то же время разоружить бойцов еврейской обороны, пока арабы беспрепятственно воровали оружие у властей при их активном и пассивном содействии.

В эти дни стала ощущаться острейшая нехватка легкого и вспомогательного оружия. В распоряжении Хаганы было около 10 000 винтовок и около 1500 — у ПАЛМАХа.

Агенты, занимавшиеся закупками оружия, лихорадочно работали в Европе и Америке. Отлично налаженные связи Эхуда Авриэля с чехами начали приносить плоды, и корабль «Нора» уже принял на борт в югославском порту груз чешского оружия и отплыл в Эрец-Исраэль.

Насколько критическим было положение с легким и вспомогательным оружием, свидетельствуют телеграммы, которые Бен-Гурион посылал Эхуду Авриэлю, когда тот закупал оружие в Чехии:

«28.3.48

Эхуд,
я пишу тебе в последний раз.

Тебе следует устроить отправку груза самолетами, а если ты не можешь или тебе почему-либо кажется, что это невозможно, — немедленно объясни почему. Если доставка самолетами сразу почему-либо не получается,

ты ни в коем случае не можешь больше оставаться в Европе и заниматься этими делами.

В марте я обращался к тебе письменно шесть раз — 1, 4, 10, 12, 14 и 18 марта — и ни разу не получил ответа.

*Д. Б. Г.
Копия Шаулю».*

В тот же день Давид Бен-Гурион отправил Шаулю следующую телеграмму:

«Шауль,
от тебя тоже нет никаких сведений. Телеграфируй, когда ты возвращаешься и будет ли груз прислан самолетами. Я посылаю тебе копию записки, которую я послал Эхуду. Очень жаль, что приходится писать такое, — но я вынужден, и я подписываюсь под каждым своим словом. Если я не получу от него до пятницы ясного сообщения, что самолеты отправлены или что он возвращается, я пошлю товарища, который его сменит.

Д.Б.Г.»

29.3.48 г. Израэль Галили отправляет Эхуду следующую телеграмму:

«29.3.48

Эти (Эхуд Авриэль),
как дела? Как дела у меня? Это зависит от твоих дел. От твоих успехов.

Я отдаю себе отчет, что вы работаете там на полную катушку, но если можно еще поднапрячься, сделайте это.

Ну вот, мы и дошли до поры уборки урожая (в смысле закупок оружия). Много надежд, много тревог, но вера нас не оставляет...

Я ежедневно упражняюсь на случай провала. Я готовлю себя и товарищей к любому повороту событий, к любой беде, какая бы ни случилась, и, если потерпим

поражение, — начнем сначала, и будем пытаться снова и снова.

Держитесь!

Гилель (Израэль Галили)».

Мы впервые слышим название «Лино»

В это самое время Шайке Дан, эмиссар «Моссада ле-Алия Бет» по закупкам оружия, сидел в своей гостинице в Югославии и ждал сообщений о судьбе «Норы». Удастся ли судну доставить груз оружия на склады Хаганы на родине, или подзорные трубы ООН и британской армии ему этого не позволят?

Поздней ночью в пятницу к нему в гостиничный номер пришел югославский офицер, посредник между израильскими агентами и югославскими властями по всем вопросам, касающимся поставок чешского оружия и его отправки. Он сообщил ему как нечто само собой разумеющееся, что «в порт Фиуме уже прибыло судно, которое должно взять на борт чешское оружие». Шайке, отлично знавший все наши планы, сразу понял, что речь идет об оружии и о корабле, *которые не имеют к нам никакого отношения.*

Сообщение было для него сюрпризом, и он позвонил по телефону Эхуду Авриэлю в Прагу. Эхуд удивился не меньше его и пообещал немедленно выяснить и сообщить, о чем идет речь и кому предназначен груз. Спустя два дня Эхуд сообщил Шайке, что чешский оружейный завод «Забрировка» продал оружие и боеприпасы, 8000 винтовок и 6 миллионов патронов, *арабам.* Они предназначены сирийцам. Выяснилось, что груз был доставлен в югославский порт Фиуме точно таким же путем, каким мы доставляли туда наше оружие. Неожиданное известие потрясло наших людей. Нам было очевидно, что это оружие не должно попасть в руки сирийцев. В тот же день Шайке попытался убедить югослава конфисковать этот груз, поскольку в сопроводительных документах указаны были машины, а оружие не упоминалось. Шайке гарантировал югославам, что мы тут же выкупим все оружие и заплатим сполна. Ответ на свое предложение он получил отрицательный. Югославские

коллеги мотивировали свой отказ тем, что подобные действия приведут к конфликту и к осложнению отношений с чехами. Шайке предлагал другие варианты, но они тоже были отвергнуты. Правда, югославы согласились сообщить Шайке информацию о судне, о его экипаже, о времени отплытия, скорости движения и маршруте. И действительно, через несколько дней, находясь уже Париже, Шайке получил по телефону от своей жены Евы, которая была связной между ним и Югославией, когда он находился за границей, следующее сообщение:

«Итальянское судно «Лино», водоизмещением 450 тонн, движется со скоростью 6 миль в час, вышло из порта Фиуме и направляется в Бейрут с предназначенным для Сирии оружием на борту: 8000 винтовок и 6 миллионов патронов калибром 7,92 мм. На палубе корабля сложены для маскировки электрические столбы. Экипаж: капитан Пьетро Вицелли и шестеро матросов».

Шайке немедленно передал эти сведения Шаулю Авигуру, который в то время находился в Женеве и был координатором закупок оружия от организации «Моссад ле-Алия Бет».

Рассказ Шауля Авигура

«Дело было утром. Эхуд Авриэль приехал из Рима в Женеву, и мы встретились. Он был очень взволнован из-за «Лино» и сказал мне, что, по мнению наших товарищей в Италии, следует этот корабль потопить. Поскольку это может привести к осложнениям, Авриэль хотел услышать и мое мнение. Он явно очень опасался, что я не дам разрешения на эту операцию. Честно говоря, принять решение было нелегко, поскольку Италия была нашей главной базой для «Моссада ле-Алия Бет», для Брихи, для закупки оружия и для обучения будущих репатриантов перед их отъездом в Эрец-Исраэль. Затопление итальянского судна могло привести к конфликту с итальянскими властями, а это было для нас очень нежелательно. И все-таки положение было таково, что я

не видел альтернативы. И я решил, даже не связавшись с руководством, что мы должны немедленно приступить к действиям и сделать все возможное, чтобы потопить судно. Лицо Эхуда просветлело, когда я сказал ему о своем решении. Понятно, что потом я сообщил об этой истории начальству. Я не хотел писать об этом в телеграмме и передал Бен-Гуриону подробный отчет через Зеэва Шинда, одного из руководителей «Моссада ле-Алия Бет», который улетал в Эрец-Исраэль. Спустя короткое время от министра безопасности был получен положительный ответ.

Чтобы не терять драгоценного времени, я, не дожидаясь разрешения из Эрец-Исраэль, поручил руководство операцией по затоплению «Лино» Шалому Левину, который в то время вел в Италии летные курсы и вместе с Фредди Фрадкином, Дани Агроном и Даном Толковским занимался вопросами, связанными с летной службой и экипажами МАХАЛа*, которые проходили через Италию по дороге в Эрец-Исраэль. Так началась эта лихорадочная операция в Италии».

Шалом Левин собрал на совет Иегуду Арази, Аду Серени и Муню Мардора (все — агенты по закупке оружия, руководители «Моссада ле-Алия Бет» в Италии), и вскоре был намечен план затопления «Лино» в открытом море. Мы решили, что его должны бомбить с воздуха наши самолеты, которые совершили промежуточную посадку в Италии, по пути в Эрец-Исраэль из Америки, где они приобретались нашими людьми из армейских излишков и были зарегистрированы в панамской авиакомпании L.A.P.S.A. Те, кто предлагал план воздушной бомбардировки, понимали, что наши шансы на успех бесконечно малы. Были серьезные сложности с изготовлением взрывного механизма. Кроме того, сбрасывание примитивной бомбы требовало, чтобы самолет непременно пролетел довольно низко над судном.

* МАХАЛ (*аббр.* ивритских слов «добровольцы за рубежами Эрец-Исраэль») — граждане зарубежных стран, которые добровольно вступали в Армию обороны Израиля в годы Войны за независимость (1948—1949).

Но низкий полет даст возможность морякам «Лино» опознать самолет, и итальянские власти немедленно найдут виновных. Это приведет к осложнениям и, возможно, вынудит многие наши организации в Италии прекратить свою подпольную деятельность.

Каковы бы ни были наши сомнения и колебания, мы не могли терять времени. Мысль о том, какое влияние окажет оружие, находящееся на борту «Лино», на исход боев на севере Эрец-Исраэль, побуждала нас к действию и риску. В конце концов, главное — чтобы оружие не попало в руки арабов.

План воздушной атаки

Еврейские летчики из Америки, Англии, Голландии и других стран, собравшиеся в Риме, начали вдоль и поперек обследовать Адриатическое море, пытаясь обнаружить «Лино». Оперативный штаб, куда входили, среди прочих, Бали Ганан, Ван-Лир и Дан Толковский, разработал план разведывательных полетов, учитывая срок отплытия «Лино» и скорость, которую судно могло развить.

Это была невероятная нервотрепка — на аэродромах все время возникали неполадки со взлетом или посадкой наших самолетов; разведывательные полеты не приносили результатов, все попытки обнаружить «Лино» не удавались. Летчики, войдя в азарт, начали во время полетов приближаться к берегам Югославии, надеясь обнаружить «Лино» в какой-нибудь тихой бухте.

Пока шла разведка и поиски корабля, Йосефу Дрору*, бойцу ПАЛМАХа, имеющему большой опыт в области подрывной работы, было поручено изготовить бомбу и взрывной механизм для нее. Это задание, и само-то по себе нелегкое, вдобавок осложнялось примитивными условиями, в

* Йосеф Дрор взорвал корабль англичан на Кипре. Отличался необычайным мужеством. В течение длительного времени был командиром подводных лодок, которые Израиль приобрел в Англии, и ответственным за подготовку команд на этих лодках. (Примеч. автора.)

которых приходилось работать. Но Йоселе, сознавая лежавшую на нем ответственность, призвал на помощь все свое воображение; он обратился к агентам по закупке оружия, использовал все средства, которые были у него под рукой. Слетал в Милан, снабженный письмом Муни Мардора к агентам, закупающим оружие на севере Италии, с просьбой оказать ему помощь — людьми и материалами. Вместе с Ицхаком Шиприсом и его помощниками Йоселе начал собирать бомбу, имея в своем распоряжении небольшую мастерскую на военной базе неподалеку от города Маджента, где были токарный и сверлильный станки, а также электро-сварочные и автогенные аппараты.

Рассказ Йоселе о бомбе

«Конструкция бомбы была задумана так, что она должна была разорваться на палубе. Она представляла собой ящик, начиненный взрывчаткой, который свисал с самолета на канате. Взрывной механизм был сделан из двух дверных замков с обточенными краями. К замкам подсоединили пружины, сжатые двумя крюками-предохранителями, которые крепились длинным канатом к самолету. Механизм должен был работать следующим образом: когда самолет окажется над «Лино», ящик со взрывчаткой сбросят вниз, в процессе падения крюки отсоединятся и останутся на канате, привязанном к самолету. Тем самым они освободят пружины; пружины, распрямившись, толкнут замки вперед, те разобьют капсулю, и горючая жидкость воспламенит фитиль длиной в несколько метров. Скорость горения фитиля — метр в минуту, на его конце находятся детонаторы, которые приведут к взрыву пятидесяти килограммов взрывчатки. Согласно расчетам, этого количества должно хватить, чтобы пустить «Лино» на дно».

В ту пору я с головой был погружен в работу — наблюдал за учениями в лагерях Хаганы, разбросанных по всей Италии. В один прекрасный день меня вызвали в Рим, в отель «Сан-Джорджио», к Шалому Левину. Войдя к нему в

номер, я увидел нескольких незнакомых людей, которые о чем-то взволнованно спорили, склонясь над расстеленными на кровати картами. Номер напоминал военный штаб во время боевых действий. Шалом Левин рассказал мне о «Лино» и о плане бомбардировки. При всех очевидных трудностях чувствовалось, что присутствующие готовы сделать все для успешного выполнения задачи. Все усилия сейчас были направлены на воздушную бомбардировку. Несмотря на риск возбудить подозрения у итальянцев, разведывательные полеты с итальянских аэродромов продолжались бесперебойно. Шалом Левин взял меня с собой на совещание, которое состоялось в отеле «Медитерранео» с участием Ады Серени, Иегуды Арази, Муни Мардора, Шалома Левина и Моше Закимовича. Поскольку большинство участников совещания сомневались в успехе бомбардировки с воздуха, мы искали альтернативный вариант. Кто-то предложил такой план: доставить к кораблю на лодке группу вооруженных израильтян, те захватят «Лино» в открытом море и направят корабль с оружием в Эрец-Исраэль.

После многочасового спора было решено разработать и этот план тоже. Выглядело это, как настоящий морской разбой, но зато шансы на успех здесь были несколько выше, чем при бомбардировке с воздуха.

План нападения с моря

Командовать этой операцией поручили мне. Мне разрешили отобрать лучших ребят из «Моссада ле-Алия Бет», большинство из них были палмахниками либо выпускниками курсов командиров подразделений, которые занимались инструктажем будущих репатриантов. Муня взял на себя доставку оружия в Формию, там мы должны были собраться, чтобы отплыть из ближайшего порта Гета. Команду мы набрали быстро. Главным механиком мы намеревались назначить израильтянина, но из-за кандидатуры разгорелся бурный спор, и в конце концов решили взять итальянца, правда, за большие деньги.

Мы все собрались в Формии, или, как мы называли это место, «на Холме». Туда же на специальном грузовике при-

везли оружие — винтовки, гранаты, пистолеты, один пулемет, автоматы и пушку двадцатимиллиметрового калибра.

Люди «Моссада ле-Алия Бет» искали подходящий корабль. В то время в Гета стояло на якоре судно водоизмещением 400 тонн и скоростью 7 узлов в час. Разумеется, оно нам не подходило — при такой скорости мы не могли бы преследовать «Лино», не говоря уж о том, чтобы догнать. Кто-то подал другое предложение: использовать скоростной прогулочный катер, который принадлежал «Моссаду ле-Алия Бет». Но он был неисправен. Его тотчас же начали ремонтировать, хотя выходить на нем в открытое море было страшновато. Этот катер мог развить скорость до 14—17 узлов. Если бы только удалось быстро подготовить его к отплытию, у нас появился бы шанс догнать «Лино», шедший со скоростью 6—7 узлов, в проливе Отронто или в Ионическом море. Мы преследовали бы его, пока он не выйдет в открытое море, а уж там справиться с семью безоружными, захваченными врасплох матросами, которые, увидев направленное на них оружие, конечно же сдадутся, — не проблема. Наши люди овладеют кораблем и повернут его в сторону Палестины. А итальянский экипаж будет оставаться под арестом, пока оружие не выгрузят и не передадут в руки наших людей на родине. Приказ был — ни в коем случае не причинять экипажу физического вреда и гарантировать им приличное денежное вознаграждение по окончании операции. Понятно, что в план входило тесное сотрудничество с летчиками — им предстояло обнаружить «Лино» и направить нас по его следу. Мы одинаково энергично и тщательно разрабатывали оба плана: воздушной бомбардировки и захвата корабля в открытом море.

Ада Серени, у которой имелись связи с чиновниками высокого ранга, занимавшими ключевые посты в итальянском правительстве, встретила с одним из своих друзей, рассказала о судне с оружием, предназначенном для арабов, и попросила его помочь. Тот заинтересовался нашей проблемой и разослал во все полицейские участки и порты Адриатического моря зашифрованные телеграммы, составленные в самом истерическом тоне: немедленно задержать судно, как только оно войдет в территориальные воды Италии!

Исходя из скорости продвижения «Лино», мы рассчитали местонахождение корабля и не могли понять, почему летчики его еще не обнаружили. 30 апреля загадка разъяснилась: Шауль по телефону сообщил, что, по распоряжению югославских властей, всем кораблям, находившимся в той зоне, велено было вернуться обратно в порт — в том числе и «Лино». Это сообщение, дошедшее до нас с опозданием, привело к пуганице и лишним действиям. Домой был отправлен рапорт с просьбой разрешить нам разработку нового плана, если этот провалится.

4 апреля 1948 года меня срочно вызвали в Рим, и там я узнал, что «Лино» вошел в порт Мольфетта на юге Италии. Ада Серени нажала на все рычаги, чтобы получить сведения о состоянии корабля, и узнала, что «Лино» пришлось войти в порт из-за небольшой поломки. Благодаря вмешательству Ады судно было сразу же задержано и переведено в порт Барри. В эти дни, накануне выборов в Италии, которые должны были состояться 18 апреля, атмосфера в стране оставалась напряженной, и появление «Лино» в порту Мольфетта было использовано партиями в прессе в пропагандистских и рекламных целях.

Позиция итальянской прессы

Солидная вечерняя газета «Коррьере делла сера» писала 4 апреля 1948 года:

«Судно с грузом оружия, с экипажем из Истрии, находится в порту Мольфетта. Судно с запрещенным грузом стоит под конвоем береговой стражи. Экипаж арестован.

Барри, 3 апреля. В пятницу, в 8 часов вечера небольшое судно под названием «Лино», следовавшее из Фиуме, было вынуждено бросить якорь в порту Мольфетта вследствие неисправности. Капитан корабля заявил портовому начальству, что судно везет в Бейрут лес и другие материалы. Ночью работники таможи заметили на палубе корабля подозрительную деятельность и сообщили об этом начальству, вслед за чем

был отдан приказ задержать корабль. Слухи об этом немедленно распространились по всей округе, и на берегу собралась толпа любопытных. На место явился мэр города, г-н Альтомера, который потребовал от таможенного офицера разгрузить корабль в порту. Последний отказался, мотивируя это различными причинами; мэр города выразил свой решительный протест. Все это время любопытствующая публика толпилась на берегу, пытаясь прорваться на территорию порта. Тогда один из полицейских выстрелил без предупреждения и ранил в плечо женщину. Из Барри немедленно было вызвано подкрепление — отряды полиции и береговая охрана.

Судно вместе со всем экипажем в составе семи человек было незамедлительно переведено в порт Барри.

В ходе предварительного следствия установлено, что экипаж «Лино» набран из выходцев из Фирено (Фиуме) и что они были наняты на работу некоей фирмой из Триеста. Погрузив в Триесте электрические столбы и другие материалы, корабль отправился в порт Фиуме и там принял на борт груз оружия, несколько тысяч винтовок и множество ящиков с боеприпасами и взрывчаткой.

Членов экипажа беспокоил состав груза, который наверняка станут проверять итальянские морские власти, но капитан заверил их, что товар, предназначенный для одного из портов в Сирии, зарегистрирован законным образом, и показал соответствующие документы фирмы.

Экипаж успокоился, и судно отчалило, однако из-за неисправности манометра, а также для пополнения запасов провизии ему пришлось изменить курс и бросить якорь в порту Мольфетта. Все эти данные нам сообщили члены экипажа.

Полиция немедленно связалась с соответствующими учреждениями, чтобы установить, действительно ли упомянутый груз официально зарегистрирован и действительно ли он предназначается Сирии.

Что же касается славянского агитатора, арестованного в числе других членов экипажа, то он хорошо извес-

тен властям, ведущим следствие, и полиция давно его разыскивает. В интересах следствия имя арестованного не называется».

Коммунистическая газета «Унита» писала 4 апреля 1948 года:

«Провокационная ложь правительства относительно контрабанды оружия, обнаруженного в Мольфетте.

На корабле обнаружены 400 ящиков с винтовками и 800 ящиков с боеприпасами. Предлог для ареста — «славянский злоумышленник» — уже отпал; правительство готово признать, что груз вполне законный.

Неудачная уловка властей — то ли придуманная для прикрытия крупных поставок оружия, то ли просто предвыборная пропаганда с целью очернительства вымышленных славянских агитаторов — выплыла вчера на свет в порту Мольфетта благодаря коммунистическому мэру города.

Вчера ранним утром товарищу Альтомере сообщили, что на судне, которое вошло — или которое береговая охрана заставила войти — в порт Мольфетта, найден груз, состоящий из 400 ящиков боеприпасов разных видов. Мэр города обратился к полиции и потребовал объяснений. Но там отказались сообщить подробности. Тем временем по городу разошлись слухи о нагруженном оружием корабле, и вокруг территории, оцепленной полицией, собралась толпа в несколько сот человек.

Мэр города категорически потребовал, чтобы ему была предоставлена вся информация и чтобы груз был немедленно выгружен в порту, вплоть до выяснения обстоятельств! Поскольку власти воспротивились этому, мэр обратился к руководству порта и здесь столкнулся с двумя людьми, один из которых представился как д-р Фиора, а другой — как агент контрразведки. Оба предупредили, что эта история не должна попасть в печать, ибо она затрагивает государственные интересы Италии. Что это за интересы — они не объяснили... Но вскоре после ареста семи членов экипажа корабля полиция сообщила газете «Анса», что среди арестованных находят-

ся известный славянский агитатор и что судно, которое, согласно документам, держало курс на Бейрут, вышло из порта Фиуме. Правительственные вечерние газеты воспользовались этим фактом, чтобы сообщить (а может быть, все это было подстроено специально), что обнаружена целая сеть торговцев оружием, посредничающая между Югославией и «коммунистическими агитаторами». Итальянское радиовещание тоже не упустило случая использовать новость в целях предвыборной пропаганды в пользу христианско-демократической партии и обвинить югославский народ. Мэр города Мольфетта не сдастся, и, когда судно с подозрительной поспешностью было переведено в порт Барри, он установил, что судно вышло не из Фиуме, а из Триеста и что сообщение о «славянском агитаторе», не подтвержденное никакими доказательствами, служило исключительно пропагандистским целям. Правда, не вызывает сомнений тот факт, что корабль действительно нагружен оружием и боеприпасами, которые, как свидетельствуют сопроводительные документы (впрочем, часть документов оказалась поддельной), предназначались для Бейрута. Поскольку обнаружили разногласия, властям пришлось отказаться от провокационных шагов, и то же самое агентство новостей, которое раньше опубликовало заявление полиции, поздней ночью сообщило, что произошла ошибка и что никакого славянского пропагандиста на корабле не было: всех ввела в заблуждение похожая фамилия.

К сожалению, факт остается фактом: из-за махинаций правительства пролилась кровь. Напоминаем, что в порт для «наведения порядка» была вызвана полиция, один из полицейских выстрелил и ранил женщину.

Министерство безопасности признало, что этими уголовными делами занимаются тайные преступные организации, и назначило награду в 1 000 000 лир за любые сведения, которые приведут к аресту преступников».

Таковы были газетные публикации.

Йосеф Дрор выезжает в Барри

Узнав, что корабль находится в итальянском порту, мы, естественно, сразу же подумали об открывающихся перед нами новых возможностях. Я с удивлением услышал, что кое-кто по-прежнему предлагает провести бомбардировку с воздуха. Поскольку времени у нас было крайне мало, Ада Серени настаивала, что следует воспользоваться ее хорошими отношениями с группой итальянских подрывников (итальянские «люди-лягушки» имели богатый опыт, в частности, они взрывали британские корабли в александрийском порту во время Второй мировой войны) и они совершат диверсию. Мы же считали правильным немедленно отправить кого-нибудь из наших людей в Барри, чтобы разведать обстановку, а затем провести диверсию своими силами. Такой вариант казался нам более надежным и действенным. Йоселе Дрор отправился в Барри, взяв с собой мое письмо к Мирьям и Йосефу Гроссманам (Горен)*, которые в то время заведовали отделением «Центра для изгнанников» в Барри, прося оказать ему всяческую помощь.

Прибыв в Барри, Йоселе тут же начал составлять план нападения на «Лино».

Время летело быстро. Судно стояло теперь на якоре в порту Барри, каждый лишний день уменьшал шансы на успех нашего предприятия — тем не менее жаркие споры о том, какой из вариантов осуществить, не прекращались. Ада Серени делала все от нее зависящее, чтобы задержать корабль в порту как можно дольше, и благодаря ее связям ей это удалось: ее друзья нашли формальную зацепку в итальянском законе, запрещающую деревянным судам перево-

* Мирьям и Йосеф Гроссманы (Горен) всю войну провели в подполье, с чужими документами. Они спасали еврейских детей, а после окончания войны помогали переправлять их в Эрец-Исраэль. Когда же подошла их очередь репатрироваться, их попросили остаться, и Мирьям была назначена директором «Центра для изгнанников» в Барри, а Йосеф помогал ей, работая завхозом и бухгалтером. В 1949 г., по их просьбе, они были освобождены от должности и уехали в Израиль, где работали в Министерстве безопасности. Мирьям умерла в 1961 г. от рака. *(Примеч. автора.)*

зить оружие без специального разрешения. Оформление разрешения затянулось на несколько дней. Мои доводы о необходимости все силы бросить на выполнение диверсии нашими людьми, а остальные планы отложить приняты не были. Опасались, что при малейшей неосторожности наши действия могут нанести вред мирным жителям (во время войны в этом же порту взорвался корабль с оружием, причинив огромный ущерб как людям, так и многим строениям в порту). Как всегда, шел бурный спор, а тем временем Йоселе Дрор, встревоженный непонятым молчанием из Рима, передал мне записку следующего содержания:

«Привет, Амнон!

Ради Бога, ждать нельзя, не то птичка упорхнет. У начальства задница свинцовая, вот они и двигаются еле-еле. Если только техническая сторона дела позволяет, надо это сделать, и, по-моему, завтра же вечером, а не то останемся ни с чем. Нажми на все рычаги и не жди «итальянцев»... История не простит нам крови павших товарищей и крови тех, что еще падут, если мы упустим этот шанс.

*Всем привет.
Йоселе»*

Эта записка в точности выражала и мои чувства в те дни, когда я, самый молодой из нашей компании, боролся за наилучшее решение этого вопроса.

Наконец было решено немедленно отправить в Барри отряд подрывников, собранных для операции, и к ним добавили еще двух водителей грузовиков с оружием.

Подготовка к операции

Вот имена членов отряда, прибывшего в Барри.

Звено подрывников: Йоселе Дрор, Бени Кравиц и Мeir Флик. Радист: Авиноам Куперштейн (Адам). Водители: Авраам Яффе и Шимон.

Люди и машины с оружием разместились в лагере беженцев, в большом здании на юго-восточной окраине Бар-

ри. Лагерь был окружен высокой стеной. Отряду отвели первый этаж здания с отдельным входом, что обеспечивало ему полную изоляцию от небольшой группы беженцев, живших в то время в лагере. Офис на Виа Горуба, 63 заботился о том, чтобы отряд ни в чем не испытывал недостатка. Еду для них привозили прямо в лагерь, чтобы им не приходилось тратить лишних усилий.

Тем временем в Риме ломали голову: кто будет командовать подрывной операцией? У Шалом Левина не было опыта в операциях подобного рода, и он попросил назначить вместо него другого командира. Кто-то предложил, чтобы в Барри поехал Муня Мардор. Я был с ним знаком еще на родине и считал, что лучшего не найти.

Но Муня от этого назначения отказался, объяснив, что плохо знает местность, где будет проводиться операция. Кроме того, он плохо владел итальянским. Поэтому ему дали другое задание — заниматься отправкой оружия в Эрец-Исраэль, и с этой целью он той же ночью должен был вернуться в Милан.

До позднего вечера в отеле «Медитерранео» шли дискуссии между Адой Серени, Иегудой Арази, Эхудом Авриэли, Муней Мардором и Шаломом Левином. Я тоже принял в них участие. Я пытался поговорить с Муней отдельно, доказывал ему, что он обязан принять на себя командование. Расставаясь с Муней, я попросил, чтобы он дал мне знать, если все-таки согласится, и я присоединюсь к нему.

Под утро меня разбудил телефонный звонок. Я сорвался с постели, схватил трубку и услышал голос Шалом Левина. Он сообщил мне, что по приказу Шауля Авигура командование операцией поручено Муне, тот уже отменил свой вылет в Милан и, наверное, в ближайшее время позвонит мне. Через несколько минут после этого разговора Муня позвонил из аэропорта и назначил мне встречу в отеле «Диана». Мы быстро договорились, что сегодня же вечером отправимся в Барри на машине. До этого я должен был достать для Муни и для себя удостоверения беженцев, действительные в том районе, где мы собирались проводить операцию. (Работая в тренировочных лагерях, мы тоже время от времени меняли подобные удостоверения, в зависимости от места расположения лагеря. Это давало нам свободу передви-

жения.) Мы договорились, что моя сотрудница Агарь Серени будет связной между нами и Шаулем Авигуром, находившимся в Женеве, и, чтобы не звонить по телефону из Барри в Рим, мы будем связываться с Агарь по радию.

Утром мы приехали в офис в Барри. Заперлись в двух комнатах на последнем этаже и отправили посыльного сообщить Йоселе, что мы уже здесь.

Йоселе подробно отчитался обо всех своих действиях и о работе своего звена. Прежде всего, он рассказал, что охрану «Лино» несет теперь английский эсминец, бросивший якорь рядом с ним, — это, конечно, затруднит нашу задачу. Йоселе и его звено предприняли разведывательную поездку в районе порта, собрали данные о стоянке «Лино» и о путях доступа к судну. С наблюдательного пункта старинной крепости, откуда открывался вид на порт, была сделана подробная зарисовка акватории и подходов к порту. Потом Йоселе и Бени Флик наняли старого рыбака, и тот на своей лодчонке провез их вдоль волнореза. Там сильнейший ветер едва не унес их в открытое море, и они поняли, что перебираться через волнорез будет нелегко и что на это уйдет уйма времени.

План Йосефа Дрора

Свой отчет Йоселе закончил таким предложением: нужно арендовать лодку у какого-нибудь итальянца, дожидаться темноты и отплыть подальше, чтобы владелец лодки потерял ее из виду. Потом вернуться к берегу, к условленному месту, где в лодку сядут подрывники со своим снаряжением, и она — параллельно волнорезу — снова уйдет в открытое море. Затем нужно проникнуть в акваторию и подойти к «Лино» как можно ближе. С этого места двое подрывников вплавь доберутся до корабля, прикрепят к нему мины и вернутся в лодку.

Выяснилось, что у Йоселе нет карты города и порта, и Йосефу Гроссману пришлось послать кого-то в ближайший киоск за картой. Потом с помощью линейки мы вычислили, какое расстояние придется преодолеть подрывникам. Вычисления показали, что в лучшем случае подрывники

достигнут борта «Лино» под утро, когда у них не останется времени на маневры и они уже не смогут отступить под покровом темноты — рассвет застанет их возле корабля. Кроме проблем, связанных с расстоянием и временем, возникла еще одна: лодка, взятая в аренду у итальянца. Если подрывники благополучно вернутся той же ночью, их нужно будет подобрать, а для этого нам придется дежурить неподалеку от корабля. Но если мы будем так долго находиться вблизи стоящего на якоре «Лино», это непременно вызовет подозрения и вернуть лодку хозяину будет невозможно.

Муня сильно удивился такому плану, тем более что во время их совместного объезда территории Йоселе убедился в невозможности даже войти в акваторию, если море будет беспокойным. План Йоселе не предусматривал даже надежного пути к отступлению — стремление выполнить задание пересиливало все иные соображения.

Йоселе, почти не знавший Муню, почувствовал себя задетым. Он считал, что задание надо выполнить любой ценой и что это нужно сделать как можно быстрее, пока корабль не ушел. Муня начал излагать свою точку зрения, пытаясь объяснить Йоселе, что подрывник должен руководствоваться только трезвым и практическим расчетом, дабы обеспечить максимальную безопасность остальным исполнителям...

Йоселе, за плечами которого было немало блестяще проведенных операций подобного рода, возражений Муни не принял, реагировал очень бурно и решительно отстаивал свою точку зрения. Напряжение усиливалось, и Йоселе вышел из комнаты в коридор. Я воспользовался его отсутствием и стал убеждать Муню, что Йоселе, конечно же, подчинится приказу и что лучше бы нам сейчас выйти и еще раз осмотреть территорию порта — может быть, мы найдем иной вариант. Потом я вышел в коридор к Йоселе, поговорил с ним «как палмахник с палмахником» и, чтобы Йоселе не думал, будто перед ним штабной чиновник, не имеющий военного опыта, рассказал о боевом прошлом Муни в Хагане и о его особых заданиях.

Мне удалось убедить Йоселе принять точку зрения Муни, и мы втроем стали изучать карту, стараясь найти воз-

возможность проникновения на территорию порта — сейчас это было самым важным делом. Изучение карты неожиданно выявило один удобный вариант — через прогулочную набережную, огибавшую территорию порта с запада. Мы решили немедленно проверить свои расчеты на месте. Автомобиль «тополино», принадлежавший офису, был предоставлен в наше распоряжение, и Йосеф Гроссман, прекрасно знавший город, поехал с нами. Чем ближе мы подъезжали к набережной, тем яснее нам становилось, что проникнуть на территорию порта можно только здесь. Мы вылезли из машины и пошли по набережной. «Лино» и эсминец просматривались отсюда очень отчетливо. Наконец мы нашли дыру в заборе, через которую удобнее всего было попасть в акваторию порта. Забор отделяла от воды только узкая полоска берега, усеянная камнями. Для работы подрывников безлюдный скалистый берег был идеальным местом.

Мы сделали еще один круг, чтобы лучше ознакомиться с местом действия и путями отступления, и, несколько приободренные, вернулись в лагерь беженцев, служивший нам базой. Опасение, как бы «Лино» не отплыл в ближайшее время, вынуждало нас принять решение в тот же день. Мы начали лихорадочно готовиться. Прежде всего отослали обратно в Рим водителя с машиной, которая доставила нас в Барри, — чтобы замести следы. Из грузовика с оружием вытащили рацию, и Авиноам «Гидони» (подпольная кличка связиста) стал ее настраивать, чтобы не пользоваться телефоном.

Чудесная мина Йоселе

Йоселе с головой ушел в работу над миной и взрывателем. Оба устройства были крайне примитивными. Мы использовали препараты, которые нам посчастливилось купить в разных аптеках, не возбуждая подозрений. Главная проблема состояла в том, как сделать мину замедленного действия, которая сработает через несколько часов после того, как мы прикрепим ее к борту корабля, чтобы у подрывников было время отступить. Стараясь определить время задержки

взрыва, Йоселе экспериментировал с серной кислотой и фосфором. Опыты проводились тоже самым примитивным способом: Йоселе наливал серную кислоту в бутылку и запихивал в горлышко газетную бумагу. Потом переворачивал бутылку вверх дном, кислота пропитывала газетную бумагу и начинала ее разъедать. Вокруг горлышка бутылки был насыпан фосфор, и, когда кислота соприкасалась с фосфором, вспыхивало пламя, которое и должно было привести в действие детонаторы. Йоси приготовил несколько бутылок, причем в каждой из них количество слоев бумаги было разным. На каждой бутылке он записывал, в котором часу она была перевернута. Потом мы напряженно ждали результатов: сколько слоев бумаги может понадобиться для взрыва с задержкой в пять часов, чтобы подрывники успели благополучно отступить.

Опытным путем Йоселе установил, что кислоту от фосфора должны отделять пять слоев бумаги, и, закончив опыты, приступил к сборке взрывателей.

Сама мина была изготовлена из мотоциклетной шины, начиненной порохом; в порох вставлялся фитиль, а вокруг двух взрывателей располагались детонаторы.

Чтобы вода не просочилась внутрь шины, все герметически закрывалось. К мине приделали столярные тиски — с их помощью подрывники прикрепят ее к носовой части корабля.

Снова разгорелся жаркий спор — на сей раз речь шла о том, сколько взрывчатки положить внутрь шины. Муня настаивал на минимальном количестве, чтобы не нанести ущерб порту. Подрывники утверждали, что взрывчатки должно быть много, чтобы судно наверняка затонуло. Действительно, нельзя забывать, что мы находимся в стране, на территории которой проводится работа, имеющая первостепенное значение для Израиля — все действия «Моссада ле-Алия Бет», закупка оружия, военная подготовка, тренировка летчиков и т.п. Поэтому мы должны быть осторожны вдвойне, чтобы не причинить вреда людям или порту (тут нам снова напомнили о взрыве, произошедшем в порту Барри во время Второй мировой войны).

Затяжной спор завершился компромиссом: взрывчатки должно быть достаточно для того, чтобы в результате взры-

ва в корпусе судна образовались глубокие трещины и оно затонуло, но не слишком много, чтобы не причинить ущерб территории порта.

Готовя мины, мы не забывали и об остальном снаряжении. Резиновые лодки проверили и накачали воздухом; весла выкрасили, чтобы они не были заметны в темноте.

Под вечер Бени Кравиц и я снова объехали территорию порта. Мы хотели убедиться, что положение «Лино» не изменилось. От нашего осведомителя мы узнали, что этой ночью «Лино» пока еще остается на своем месте. Мы немедленно вернулись на базу. Там все приготовления уже были закончены. К операции мы решили привлечь «тополино» Мирьям и Йосефа Гроссманов — вместе с ними самими.

Последние приготовления

Муня сильно опасался, что Йоселе, стремясь провести операцию любой ценой, станет действовать опрометчиво. К тому же возникли дополнительные трудности, связанные с заключительным этапом операции — подходом к кораблю: британский эсминец, охранявший «Лино», включил прожектор. Я заранее побеседовал с Йоселе и теперь мог успокоить Муню: Йоселе сделает все для успеха операции, но, если приблизиться к кораблю незамеченным будет невозможно, он вернется.

Мы встретились после ужина, и Муня подробно повторил план. В 21.00 мы с Мирьям и Йосефом, который вел машину, выехали на место сбора. Там мы с Мирьям, изображая прогуливающуюся по набережной влюбленную парочку, должны были следить за местностью и подать знак подъезжающей машине, можно ли подрывникам выходить без опаски.

Первая ночь

В 21.30 подрывники уже сидели в машине в полной экипировке: водолазный костюм, канаты, кусачки и ножи. Резиновую лодку и прочее снаряжение, в том числе рацию, по-

грузили в машину. Прежде чем покинуть базу, мы тщательно проверили, не осталось ли где подозрительных следов.

Подрывники отправились на место сбора в сопровождении Муни. Машина подъехала точно по расписанию, я подал шоферу сигнал, и он остановился. В считанные секунды лодка была переброшена через забор, и трое подрывников — Йоселе, Бени и Флик — уже стояли рядом с ней. Машина отъехала. На набережной — ни души. Ребята мигом сбросили верхнюю одежду и исчезли за скалами. Последнее рукопожатие, последнее напутствие — и вот уже лодка спущена на воду и быстро удаляется в темноту.

Мы с Мирьям остались на берегу. Мрак и безмолвие вокруг еще больше усиливали наше волнение. Издалека был виден британский эсминец, весь залитый светом, широкий луч прожектора время от времени обегал по кругу пространство порта. Тут и там мерцали, словно свечи, огоньки итальянских рыбацких суденышек.

Тем временем грузовик с оружием, который мы называли «передвижным арсеналом», подъехал к назначенному месту — к западному выезду из города. Чтобы не возбуждать подозрений своей длительной остановкой в этом месте, водители занялись починкой якобы неисправного мотора. Так они тянули время, пока операция не окончилась. Муня пересел в «тополино» и раз в час проезжал мимо нас, останавливался на секунду и спрашивал, все ли в порядке. Время тянулось раздражающе медленно. Судя по тому, что кругом царил тишина, наши люди пока что продвигались вперед без помех, и это несколько успокаивало. Однако шел час за часом, а ничего нового не происходило. Мы начали тревожиться за судьбу подрывников. Я снова и снова высчитывал, сколько времени нужно, чтобы доплыть до «Лино», сделать там все, что нужно, и вернуться. Муня стал проезжать мимо нас все чаще и чаще. Я уже начал лихорадочно планировать, что мы будем делать, если подрывников схватят. Как вдруг — было 3.45 утра — я заметил силуэт приближающейся к берегу лодки. Мы бросились туда и стали носиться по берегу взад и вперед, чтобы ребята видели, куда им плыть.

Трудно передать, что я почувствовал, когда Йоселе объявил, что им не удалось подойти к «Лино».

Времени для разговоров не было, ребята выпустили воздух из лодки, переоделись, а мы с Мирьям вернулись на набережную, чтобы доложить Муне, как обстоят дела. Через несколько минут он появился. Мы рассказали ему о неудаче. Муня поехал дальше, к грузовику с оружием, и велел водителям везти нас обратно на базу. Те мгновенно закончили «ремонт» мотора, завели машину, и мы, забрав снаряжение, помчались по направлению к лагерю беженцев.

Рассказ Йоселе

Уставшие до смерти, измученные, все повалились на кровати и крепко уснули. А Йоселе рассказывал нам с Муней, как было дело:

«Мы отошли от берега и поплыли к военной якорной стоянке. Первую остановку мы сделали возле брошенного корабля, стоявшего на якоре неподалеку от границы военного порта. Отдохнув и осмотревшись, мы стали грести дальше, ко второму неосвещенному кораблю, который стоял на якоре в нескольких десятках метров от «Лино». Мы подплыли к нему вплотную — там тоже не видно было ни души. Немного посоветовавшись, мы решили, что отсюда будем продвигаться к «Лино» вплавь. Мы с Бени соскользнули в воду, а Флик остался в лодке. Добираться до цели было нелегко, пространство между брошенным кораблем, «Лино» и причалом было ярко освещено, а на причале сновали люди. Мы старались подобраться к «Лино» незамеченными, но, несмотря на все наши усилия, ближе чем на двадцать метров подплыть к нему не удалось. Пространство между нами и «Лино» было залито светом, и нас сразу бы заметили. Тут-то мы и почувствовали, до чего примитивно наше снаряжение — оно совсем не позволяло нам плыть под водой.

Мы проторчали там довольно долго, надеясь, что к рассвету они закончат работу и погасят свет. Но, увы, никаких изменений к лучшему не происходило, а по

графику нам уже пора было возвращаться. Когда стало светать, мы, отсоединив взрыватель, утопили мину и поплыли к берегу».

Да, этой ночью нам не удалось потопить «Лино», но сама операция была проведена безупречно, и мы не оставили никаких следов. Это укрепило нашу решимость повторить попытку следующей ночью.

Мы легли спать, чтобы набраться сил перед завтрашним днем.

Перед второй ночью

Мы проснулись после полудня и снова провели такую же подготовку, как и накануне. Проверили, можно ли будет повторить те же действия, которые проделали вчера. Пришли к выводу, что снова прибегать к помощи четы Гроссманов и их «тополино» не следует — соседям это может показаться подозрительным. Решили сменить машину и девушку, которая должна меня сопровождать. Я взял машину, принадлежавшую нашему тренировочному лагерю «Вперед, к свободе!», и выбрал девушку-инструктора из тех, что проводили занятия на курсах. Под вечер мы послали Бени в порт на разведку, чтобы он еще раз проверил обстановку. Тем временем Муня через Агарь Серени послал Шаулю Авигуру телеграмму следующего содержания:

«9.4.48

Кому: Ору

Отправитель: Бен

Хотя наша группа сумела вчера ночью подойти к брюнетке* на расстояние 20 м, им не удалось достичь цели — помешала бдительность местных и осветительный поплавок этих мерзавцев. Мы готовы попытаться еще раз сегодня ночью, когда положение прояснится».

* Так мы именовали корабль в нашей переписке. (Примеч. автора.)

Ответ Шауля Авигура не заставил себя ждать:

«9.4.48

Кому: Бену

Отправитель: Ор

Держитесь!»

Этот лаконичный ответ мы восприняли и как ободрение, и как руководство к действию.

В сумерках вернулся Бени с хорошими вестями: британский эсминец поднял якорь и покинул территорию порта. Внезапное исчезновение с нашего пути главного препятствия придало нам уверенности в успехе*.

Вторая ночь

Вместе с моей новой спутницей я выехал на грузовике с оружием на исходную позицию. Высадив нас, грузовик поехал дальше, к месту «аварии» — на развилку возле западного выезда из города. Подрывников с оборудованием усадили в другой грузовик, который тоже направился на место сбора. Все шло без сучка и задоринки. Грузовик медленно проехал мимо меня, но не остановился, потому что я не подал ему условного знака — рядом были посторонние люди. Примерно через полчаса подъехала вторая машина, выгрузила на берег лодку. Рукопожатия, последние пожелания успеха — и лодка со своими пассажирами исчезает во тьме. Снова проходит час за часом, и Муня время от времени появляется на своем грузовике, спрашивая: «Что слышно?» Я отвечаю предельно кратко: «Все спокойно».

Вдруг, вскоре после полуночи, раздались автоматные очереди с короткими промежутками. Мы сильно заволновались. Что, если стреляют в наших товарищей? Прибежал Муня, спросил, слышал ли я выстрелы. Трудно было понять, с

* Как стало известно впоследствии, Ада Серени заявила в итальянском штабе адмиралтейства, что позволять британскому эсминцу охранять корабль в итальянском порту — это позор... Эсминцу было предложено покинуть порт. (*Примеч. автора.*)

какой стороны они раздаются. Муня решил подъехать поближе к территории порта и проверить, что там происходит. Через несколько минут он вернулся и сообщил, что в порту абсолютно тихо. Но это нас не слишком успокоило.

В 1.30 я заметил лодку, приближающуюся к берегу. Я готов был броситься в воду и поплыть ей навстречу. Йоселе выпрыгнул из лодки, на ходу бросив мне: «Нам удалось прикрепить мину к борту». На радостях мы обнялись и расцеловались. Взволнованный, я вернулся на набережную и, сгорая от нетерпения, стал поджидать Муню — пора было уходить, дорога была каждая минута.

На наше счастье, машина подъехала очень скоро. Все шло как по маслу — ребята выпустили воздух из лодки, переоделись, все сели в машину и быстро поехали к нашему «передвижному арсеналу». Все снаряжение вместе с лодкой, как было запланировано, перенесли в грузовик с оружием и распрощались с водителем и «моей» девушкой. Они вернулись в тренировочный лагерь, а мы помчались в Формию, от которой нас отделяло 400 километров. Во время поездки мы спрятали надувную лодку, весла и мокрые костюмы в устроенный внутри машины тайник, и все снова обрело свой обычный, вполне невинный вид.

Уничтожив все следы операции, мы уселись передохнуть на полу машины. Я воспользовался коротким отдыхом и стал расспрашивать Йоселе, как все произошло.

Йоселе снова рассказывает

«Путь к кораблю мы проделали легко и быстро. Как и вчера, мы спрятались в тени пустого корабля, прижавшись к его борту. На этот раз «Лино» не был освещен. Место, где еще днем стоял на якоре британский эсминец, пустовало. Бени и я соскользнули в воду и поплыли вдоль борта корабля, прячась в его тени. Потом мы плыли уже в тени причала, пока не наткнулись на холодный скользкий нос «Лино». Метрах в десяти от нас на причале кучка итальянских полицейских грелась у костра. Мина была тяжелая и неуклюжая, мы провозились целый час, пока прикрепили ее струбцинами под водой

к борту корабля. Как только мы перевернули бутылки горлышками вниз, заработал взрывной механизм. Не теля ни секунды, мы стали отходить к лодке».

Отступление в неизвестности

Как Йоселе и рассчитывал, взрывной механизм был пущен в ход после полуночи, и у нас оставалось около двух часов для отхода. Несмотря на напряжение и усталость, мы непрестанно думали только об одном: сработает ли взрыватель? И что делать, если мина не взорвется? Но нам ничего не оставалось, как только терпеливо ждать, пока мы вернемся в Формию и там узнаем новости.

После нескольких часов непрерывной езды нашу машину остановили. Все замерли на своих местах в полном молчании, напряженно прислушиваясь. Мы слышали, как наш водитель объясняет кому-то по-английски, что он ведет машину-распылитель на очистку. Внезапно, пока они разговаривали, кто-то приподнял край брезента. Внутрь проник тонкий луч света. У меня по коже побежали мурашки, но не успел я задуматься над причиной внезапной проверки, как брезент уже опустился на место, и снова наступила желанная темнота. Машина поехала дальше. Все облегченно вздохнули. Потом мы узнали, что это была обычная проверка на дорогах.

Время тянулось медленно. Наконец утренний свет стал проникать сквозь отверстия в брезенте. Машина снова остановилась, на сей раз — чтобы заправиться бензином. Муня приподнял укрывавший нас брезент, и мы на несколько минут вылезли из машины, радуясь возможности размять затекшие ноги и съесть паек, который был при нас.

После полудня мы приехали на нашу базу в Формии. У ворот Муня еще раз напомнил, что рассказывать об операции никому нельзя.

С первых же минут нашего пребывания на базе стало ясно, что о «Лино» никто ничего не знает. Это нас сильно обескуражило — неужели мина не взорвалась? Посоветовавшись с Муней и Йоселе, мы решили: если из Рима придет известие, что взрыва не произошло, завтра же возвращаемся в Барри. Бени и Флику поручили проверить лодку и под-

готовить новые весла, так как прежние пришлось сломать, чтобы спрятать их в тайнике.

Мы узнаем о результатах

Переодевшись, мы втроем — Муня, Йоселе и я — отправились на вокзал, чтобы успеть на поезд, идущий в Рим. И здесь, в офисе «Моссада ле-Алия Бет», Ада Серени сообщила нам, что мина сработала и корабль пошел на дно вместе со всем грузом. При этом не было человеческих жертв и самому порту взрыв не причинил никакого ущерба.

Нашему ликованию не было границ. Мы немедленно передали радостную весть — в Женеву, Шаулю Авигуру, и на базу — исполнителям операции.

10 апреля 1948 года в 18.00 Шауль послал на родину телеграммы следующего содержания:

«Кому: Дикки, Амитаю, Гилелю
Отправитель: Ор*

Исмаэлитка Бена потонула. Подробности при оказии. Привет всем нашим».

*«Кому: Дикки
Отправитель: Ор*

Прошу не допускать разглашения имен исполнителей».

В тот же день Муня послал Исраэлю Галили и Якову Дори такие телеграммы:

*«Кому: Гилелю, Дану**
Отправитель: Бен*

Этой ночью в военном порту Барри мы потопили корабль «Лино» с грузом оружия, предназначавшегося ара-

* Дикки — офис закупки оружия, находившийся в Израиле, Амитаю — подпольное имя Бен-Гуриона, Гилель — подпольное имя Исраэля Галили. (Примеч. автора.)

** Дан — подпольное имя Якова Дори. (Примеч. автора.)

бам. Человеческих жертв нет. Все мы вернулись благополучно. Подробности передам с Ицхаком, который завтра летит к вам».

«Кому: Гилелю, Дану

11.4.48

Отправитель: Бен

В порту Барри с 6 до 9 часов вечера, по соседству с «Лино», стоял на якоре британский эсминец под номером 633333, охранявший корабль. В день операции эсминец покинул порт. Согласно сообщениям, англичане предложили итальянцам передать им груз корабля на Мальте, чтобы, выяснив окончательно, кому принадлежит оружие, они могли предпринять дальнейшие меры. Англичане мотивировали свое требование утверждением, что груз принадлежит евреям. Подробности — через Ицхака (Леви), который возвращается в Арнон* сегодня ночью».

Газетные публикации подтверждают, что в результате проведенной операции затонул только сам корабль, не причинив при этом ущерба ни людям, ни постройкам.

«Коррьере делла сера» писала 11.4.48:

«Судно, груженное оружием, затонуло в результате взрыва

Рим, 10.4.48, ночь. Еще не успели разгадать тайну груза в трюмах «Лино», состоявшего из 8000 винтовок и 6000000 патронов, а уже произошло новое, еще более загадочное событие. Сегодня утром на борту корабля произошел взрыв, в результате которого судно сначала опрокинулось на бок, а затем затонуло. Предполагается, что взрывчатка, приведенная в действие часовым механизмом, была подложена прошлой ночью неизвестным лицом, который воспользовался водолазным снаряже-

* «Арнон» — кодовое название подполья в Эрец-Исраэль.
(Примеч. автора.)

нием, хотя судно днем и ночью находилось под бдительным надзором полиции.

В результате взрыва в правом борту корабля образовалось отверстие, но человеческих жертв не было. Можно предположить, что груз оружия не пострадал.

Полиция немедленно начала следствие с целью обнаружения виновных, но на данный момент все сведения об этом держатся в тайне».

«Унита» от 11.4.48 писала:

*«Отличный способ быстро прекратить расследование
Корабль «Лино» с грузом оружия затонул в порту Барри*

Барри, 10.4.48. Сегодня утром случилось серьезное происшествие. Корабль «Лино», задержанный в Мольфетте по причине своего подозрительного груза (оружие и боеприпасы) и находившийся под охраной, был загадочным образом пущен ко дну. В этот момент никого из экипажа на борту не было, поскольку судно находилось под охраной полиции и береговой службы. Цель диверсии очевидна: помешать следствию установить происхождение и назначение груза.

О легкомыслии властей — если не о прямом содействии — свидетельствует тот факт, что груз, состоящий из 8000 немецких винтовок и шести миллионов патронов, не был отправлен на армейские оружейные склады. Причина этому более чем ясна.

Как уже было сказано, цель диверсии — прекратить расследование и покрыть виновных, а также дать фашистам возможность без помех твердить о «красном» источнике оружия».

Назавтра, как следует отдохнув ночью, что нам было просто необходимо, Йоселе и я встретились с Муней в его гостиничном номере. Он лежал в постели с приступом тропической лихорадки. Тем не менее мы всё обсудили и пришли к единодушному мнению по поводу итогов нашей деятельности в последние десять дней и результатов нашей операции.

Так завершилась история с «Лино», и каждый из нас вернулся к своим прежним занятиям.

По сообщению одной из итальянских газет от 14 апреля, сирийское правительство признало, что оружие, находившееся на борту «Лино», предназначалось Сирии:

«Дамаск, 13.4.48. Правительство Сирии официально сообщило сегодня, что восемь тысяч винтовок и шесть миллионов патронов, затонувших в порту Барри в результате взрыва на борту корабля «Лино», были законным образом приобретены правительством Сирии».

Глава 5

ГРУППА ДИВЕРСИЙ ПРОТИВ ВРАЖЕСКОГО ИМУЩЕСТВА

В 1948 году, в последние дни британского мандата в Палестине, все английские газеты и агентства новостей угрожающе предвещали хаос, который воцарится в стране с уходом последнего британского солдата и последнего десантника. Арабская лига*, со своей стороны, поклялась, что еврейский ишув будет уничтожен, — и действительно, в последнее время участились случаи убийств, совершаемых арабами в разных точках страны.

Все это, да еще при нашей оторванности от дома, глубоко удручало каждого посланца, и, хотя мы не могли не понимать, как необходима наша работа в Европе, мы рвались домой, чтобы как можно скорей влиться в ряды бойцов.

Я с головой, без остатка погрузился в тренировки, проходившие в восьми лагерях в Италии — от Анцано на севере до Грумо (лагерь «Вперед, к свободе!») на юге. Лагерями руководили израильские студенты, которые в то время учились в Швейцарии и в Италии и были привлечены нами к этой работе, а также командиры из среды беженцев, прошедшие специальную подготовку. Коллектив инструкторов составляли выпускники, закончившие курсы командиров отделений в лагере «Вперед, к свободе!».

В тот период мы подготовили два выпуска — в общей сложности 2000 человек. Неожиданно меня вызвали в Ми-

* Арабская лига — объединенная организация арабских стран, созданная в марте 1945 г. по инициативе британского министра иностранных дел Энтони Идена. Первоначально в ее состав входили Египет, Ирак, Сирия, Ливан, Трансиордания, Саудовская Аравия и Йемен. Позднее в нее вступили и другие арабские страны.

лан на встречу с Шаулем Авигуром. Я, конечно, не мог знать заранее, о чем пойдет речь, но предполагал, что он хочет узнать, как проходят наши тренировки. В Милан я приехал ранним утром и был полностью готов к предстоящей беседе.

Первая встреча с Шаулем

Это была моя первая официальная встреча с Шаулем. Правда, я познакомился с ним еще в 1939 году, когда проходил курсы подготовки рабочей молодежи в кибуце Киннерет, а он был одним из старейших членов кибуца. Но до сих пор еще ни разу не случилось, чтобы он вызывал меня к себе по делу.

После обмена приветствиями и стандартных вопросов Шауль предложил мне сесть, сам расположился в кресле и в свойственной ему тихой и спокойной манере стал расспрашивать о моем прошлом и о работе в Италии. Потом разговор перешел к истории с «Лино», и тут он заговорил об успехе и о необходимых выводах из этой операции, о которой он уже немало слышал от Муни. Беседа затянулась, и в заключение Шауль отметил, что «темпы закупки оружия арабами в Европе растут, поэтому необходимо создать организацию, которая срывала бы эти закупки и тем самым ограничивала боевую мощь арабов, воюющих против нас». Шауль считал, что такое боевое подразделение нужно создать немедленно. Он добавил, что уже советовался с разными людьми и решил поручить организацию подразделения и командование мне, я же буду подчиняться непосредственно ему. Я понимал, какую огромную ответственность он на меня возлагает, но его глубокий властный голос, простота и сила, которая чувствовалась в его немногих словах: «Я сделаю все, чтобы предоставить в твоё распоряжение самых надежных людей и все средства, которые у нас имеются», — не оставили в моем сердце места сомнениям.

Я принял это задание с оговоркой: я должен уйти со своего поста в тренировочных лагерях Италии, где работал под началом Нахума Шадми. Договорились, что я дождусь, ког-

да Нахум освободит меня от этой работы, затем мы с Шаулем вторично встретимся в Женеве, где он находился постоянно. К моменту встречи я должен подготовить предложения, касающиеся структуры нового подразделения, методов его деятельности и личного состава, который следовало набрать из эмиссаров от различных организаций. Шауль напутствовал меня своим обычным «Крепись и мужайся!».

За годы своей службы в рядах Хаганы я привык переходить с одной должности на другую, нередко не успевая даже как следует подготовиться к новой работе. Однако в данном случае я тревожился больше, чем всегда. Я мысленно представлял себе огромную Европу, ее побережья от Финляндии на севере до Греции на юге, многочисленные порты, аэродромы, разные страны и проблемы на границах между ними... И вот теперь мне предстоит создать подпольную организацию, которая на всем этом бескрайнем пространстве будет выискивать и выслеживать поставщиков вооружения всех видов — легкое и тяжелое оружие, боеприпасы, самолеты, суда и т.д. и предотвращать любыми способами (при этом тщательно избегая политических осложнений) отправку этого оружия в арабские страны.

Из гостиницы Шауля я направился к себе в номер, чтобы обдумать свое новое назначение. Целый день я просидел, склонившись над столом, набрасывая на бумаге план. На следующее утро, придя в штаб Хаганы на Виа Уньона, 5, я с трудом мог сосредоточиться на своей обычной работе. Мне очень хотелось поговорить с кем-нибудь, хоть немного облегчить душу, но я вынужден был молчать и не открываться никому, пока Нахум Шадми не подпишет приказ о моем освобождении от должности. Ожидание решения Нахума и планы, уже зарождавшиеся у меня в голове, донимали и мучили меня невыносимо. На следующий день после полудня меня вызвали к телефону. Нахум из Женевы сообщал, что Дов Нишри, находившийся в Германии по поручению Хаганы, приезжает в Италию, чтобы сменить меня. Таким образом, я был свободен для новой работы под началом Шауля.

Йоселе присоединяется к нам.

План утвержден

На следующий день я поехал в Рим. Начались встречи с директорами разных учреждений и с товарищами по операции «Лино». Особенно интересно было мне поговорить с Йоселе, который рассказывал, что, помимо его работы в качестве агента «Моссада ле-Алия Бет», штаб ПАЛМАХа в свое время поручил ему организовать отряд подрывников. Оказавшись в Европе в конце 1947 года, он ясно понял, что порученная роль выше его возможностей: в Европе не было ни одной организации, на которую он мог бы опереться и которая помогла бы ему найти средства, необходимые для создания такого отряда. Я рассказал Йоселе о своей новой должности и предложил ему присоединиться к моей группе. К величайшей моей радости, он согласился. Мы вместе наметили план организации группы и ее работы, чтобы представить его на утверждение Шаулю при ближайшей нашей встрече в Женеве.

Мои приготовления к поездке в Женеву были закончены, однако швейцарская виза запаздывала. Поскольку время поджимало, я вернулся в Милан и попросил работников «Моссада ле-Алия Бет» снабдить меня британским паспортом, с которым при въезде в Западную Европу не требуется виза. Я получил синий паспорт, но часть содержащихся в нем данных мне не подходила. Особенно мне не понравилось, что владелец паспорта был записан как British Subject by Birth, т.е. уроженец Британии, покинувший Лондон два года тому назад, я же в Англии вообще никогда не бывал. Несмотря на риск, я отправился поездом в Женеву. Проверка на границе была нестрогой. Отношение властей к синему паспорту несколько ободрило меня — я поверил, что никаких неприятностей у меня не будет. С деланным безразличием я протягивал паспорт итальянским и швейцарским пограничникам, а они ставили в нем штампель — о выезде из Италии и о въезде в Швейцарию — без малейшего колебания.

В Палестине накануне ухода англичан

Двухдневные встречи с Шаулем завершились утверждением программы деятельности отряда. Так 13 мая 1948 года в Женеве родилось подразделение, целью которого были диверсии против приобретения и снабжения оружием арабов через Европу.

В Палестине процесс ухода английских войск подходил к концу. Уже начались жестокие бои евреев с арабами; англичане передавали арабам одну за другой все ключевые военные позиции. Войска Арабского легиона перешли к открытым атакам, стремясь утвердить свою власть на определенных территориях Эрец-Исраэль прежде, чем британцы оттуда уйдут. После ожесточенных боев пал Гуш-Эцион*. В руках врагов оказались первые пленные. Силы Хаганы прилагали отчаянные усилия, чтобы отвоевать у арабов как можно больше земли, пока не началось вторжение профессиональных арабских армий. ПАЛМАХ-Харэль** участвовал в боях за Иерусалим, на севере страны действовал ПАЛМАХ-Ифтах, он же отвоевал часть Верхней Галилеи. ПАЛМАХ-Негев отвоевал власть в Шувале и Имаре в Негеве, а также Хуликат, Каукбу и Брар. Наши силы победили в бою за Бейт-Махсир, что по дороге в Иерусалим. ПАЛМАХ освободил и Цфат. Был создан батальон «Ха-Пшита», первый моторизованный батальон Хаганы. Хагана вела бои за Яффо, и крупнейший арабский город сдался. Бейт-Шеан тоже сдался. В западной части Верхней Галилеи шла операция «Бен-Ами». Враг предпринял серьезную атаку в Иорданской долине. Впервые были пущены в ход четыре пушки Хаганы.

И вот британский Верховный комиссар и его подчиненные покинули Палестину.

* Гуш-Эцион — общее название четырех еврейских поселений на Хевронском нагорье.

** В 1947 г. ПАЛМАХ состоял из трех подразделений: ПАЛМАХ-Харэль, ПАЛМАХ-Ифтах и ПАЛМАХ-Негев.

Национальный совет объявил о создании Государства Израиль*. Спустя несколько часов после этого началось организованное военное вторжение пяти арабских армий, окруживших нас с юга, севера и востока.

На улице Принчипе-Амедео, 2

Я вернулся из Женевы в Рим и приступил к работе. В моем распоряжении были все средства, необходимые для организации группы. Шауль дал мне записку к руководителям наших организаций в Италии, где просил оказывать мне любое содействие. Находясь в Женеве, я привлек к работе Далию Кац, израильскую студентку. Ей предстояло выполнять обязанности секретаря группы. Договорились с ней, что она приедет в Рим в ближайшие же дни — работа группы вот-вот должна была начаться. С помощью ответственных лиц в разных организациях я набрал в группу людей из эмиссаров «Моссада ле-Алия Бет» и инструкторов Хаганы, с которыми познакомился за время совместной работы. На улице Принчипе-Амедео, 2 был открыт офис, ставший «нервным центром» отряда. Далия приехала из Швейцарии и приступила к работе. Главной проблемой, помимо подбора кадров, который проводился очень тщательно, был выбор места для базы, где будут проводиться тренировки «людей-лягушек». «Моссад ле-Алия Бет» предоставил нам для размещения курса свой лагерь «На холме» — так они его называли. Он находился на берегу моря, в безлюдном месте возле Формии.

* 14 мая 1948 г., за день до истечения срока британского мандата, Национальный совет, заседавший в Тель-Авивском музее, принял Декларацию независимости Израиля, провозгласив тем самым создание Государства Израиль.

Итальянский диверсант обучает нас своему искусству

Йоселе, который занимался подготовкой программы курсов и приобретением снаряжения, необходимого для тренировок, рассказывал:

«Мы поехали в Милан, и я наведалься на «Фирелли» — это гигантская фабрика, производящая резиновые изделия, где имеется специальный отдел снаряжения для подводного плавания. Во время Второй мировой войны там изготавливали различные приспособления для итальянских диверсантов. Я купил на пробу несколько таких приборов и поехал на джипе на озеро Комо. В укромном месте спустился под воду и проверил, как эти устройства работают под водой. Я понял, что это искусство требует длительной тренировки. Я купил еще несколько приборов и поехал в тренировочный лагерь. Вместе с Гидончиком (Гидон Розен) мы начали упражняться в плавании с ластами на большие расстояния, а также ныряли с компасом днем и ночью. Я понял, что мы попусту тратим драгоценное время, изобретая велосипед, и гораздо разумней было бы воспользоваться чужим опытом.

У итальянцев был большой опыт подводных диверсий. Однажды мои поиски современных принадлежностей для подводного плавания завели меня в Геную, в маленькую мастерскую, где делали приборы для ныряния — самые простые, но для нашей цели как нельзя более подходящие. Там я познакомился с одним из итальянских подрывников, Луиджи Ферраро, который совершил несколько дерзких диверсий во время Второй мировой войны, — среди прочего подорвал четыре вражеских корабля в водах Турции. Крепкий мужик и плавает как рыба. На мое счастье, он умел и любил поговорить. Мы договорились, что пойдем вместе в городской бассейн, где и испытали несколько приспособлений. Попробовали их военную модель «гамма» и кое-какие более современные приборы. Потом мы долго сидели в кафе на берегу моря, пили мартини, и он рассказывал мне об операциях, в которых участвовал. Под конец он предложил поучить ме-

ня подводному плаванию. Я сказал, что, возможно, и соглашусь. Ясно было, что он заинтересован в деньгах. Договорились встретиться через пару дней в летнем спортивном лагере, расположенном на берегу моря, на острове Эльба, чтобы потренироваться.

Я отправился на Эльбу и представился спортсменом из Южной Америки. Устроился в одной из лагерных палаток, и мы с ним тренировались в течение недели, днем и ночью. Я учился незаметно подбираться к цели в ночное время. Кроме того, мы проверяли возможность погружения на большую глубину. Потом я уплатил ему за обучение и распрощался. Я вернулся на базу, приобретая самые современные приспособления, которые зарекомендовали себя лучше, чем продукция завода «Фирелли». Мы продолжали тренироваться по новой системе, в точном соответствии с основными пунктами конспекта, который мы с итальянским диверсантом составили на острове Эльба».

Рассказ Гидончика о «людях-лягушках»

Мы закончили все приготовления и приступили к первым тренировкам. Командиром курса был Гидон Розен, приглашенный нами из ПАЛМАХа, его помощником и тренером — Йоселе.

Вот что рассказывает об этом курсе Гидончик:

«В начале июня мы начали двухмесячный курс по подготовке саперов-подводников, так называемых «людей-лягушек», с целью диверсий против вражеских транспортных кораблей.

Для тренировок мы приобрели следующее снаряжение:

1. Дыхательные аппараты для подводного плавания с замкнутым дыхательным циклом, регенерирующие и очищающие выдохнутый воздух от углекислого газа. Такие аппараты допускают более длительное пребывание под водой, причем на поверхности ничего не видно.

2. Резиновые водолазные костюмы и ласты.
3. Взрывчатку и взрывные устройства.

Программа курса включала в себя:

Ознакомление с водолажным снаряжением и навыки его использования.

Плавание на длинные дистанции с ластами и без них.

Изучение диверсионных материалов и методов.

Упражнения по диверсионным операциям под водой и на суше.

Поскольку все это было совершенно ново для нас, нам самим, преподавателям, приходилось напряженно трудиться и учиться, чтобы иметь возможность обучить наших курсантов.

Для начала мы стали учиться надевать и носить водолазные костюмы. Однако после нескольких ныряний стало очевидно, что эти костюмы связывают движения водолаза и польза от них в воде Средиземного моря весьма сомнительная.

Учебное погружение в воду мы производили в реке неподалеку от лагеря. У нас не было даже самых элементарных сведений: например, сколько времени можно находиться под водой; на какую глубину позволяет нам опускаться наше снаряжение; каким образом водолаз не сбивается под водой с нужного направления и т. п. Все эти знания мы постепенно приобретали методом проб и ошибок.

Тренировки были напряженные и длительные. Мы упражнялись с шести часов утра и до поздней ночи. Понимая, что работы у нас много, а времени мало, курсанты не жалели сил и добились значительных успехов, научились проплывать до шести километров и нырять на глубину шести метров. Основное внимание было направлено на плавание под водой на глубине трех метров. Сначала мы ныряли, не принимая особых мер предосторожности, кроме лодки, которая сопровождала водолаза. Но после того как один из курсантов потерял сознание под водой и нам едва удалось его спасти, мы стали прикреплять к каждому ныряльщику поплавков, а с со-

проводящей лодкой его соединяла веревка, за которую его можно было в случае необходимости вытащить из воды.

Постепенно курсанты научились находиться под водой до сорока минут, проплывая более километра к заранее намеченной цели и выдерживая нужное направление с помощью компаса со светящимся циферблатом».

Я еду на родину искать опытных саперов

Как ни велики были успехи наших курсантов, но я видел, что группу необходимо дополнить двумя-тремя опытными саперами. Кроме того, у нас было очень мало взрывчатки и детонаторов. Поэтому я получил согласие Шауля на краткую поездку на родину, чтобы мобилизовать нужных людей и раздобыть диверсионные материалы.

В июне 1948 года, во время первого перемирия, я прилетел в аэропорт Хайфы. Никогда не забуду того мгновения, когда из окна самолета увидел целую вереницу британских кораблей, покидающих порт. Всего год назад я улетал в Европу, провожаемый подозрительными взглядами агентов спецслужб, и вот теперь пассажиров встречают наши израильские полицейские.

Из аэропорта я поехал в Тель-Авив, повидал родных, отдохнул немного и принялся искать нужных людей и снаряжение.

У меня была записка от Шауля к Виленчику, ответственному за производство взрывчатых веществ, с просьбой помочь мне в добывании необходимых диверсионных материалов. Записка сработала, словно волшебная палочка. Виленчик послал меня в Рамат-Ицхак, где изготовлялись бомбы и мины, и распорядился, чтобы мне дали все, чего я потребую. И хотя в стране был тогда серьезный дефицит взрывчатых веществ, мне дали все необходимое по списку, заготовленному мной с помощью специалиста в этой области, офицера ПАЛМАХа Хаима Рона (Зингера).

Давид Фромер и Иегуда Венеция

В штабе ПАЛМАХа, помещавшемся тогда в гостинице «Ритц» на улице Яркон в Тель-Авиве, я встретился с тогдашним начштаба Ури Бреннером, которому и изложил цель своего приезда на родину: привлечь в группу нескольких опытных и знающих саперов. Просьба моя была встречена с полным пониманием. Отделу кадров было поручено выяснить, кто из опытных саперов владеет иностранными языками. Из переданного мне списка я выбрал двоих, Иегуду Венецию и Давида Фромера. Оба были опытные, проверенные бойцы. Поговорив с обоими и убедившись в их готовности присоединиться к моей группе, я сообщил об этом Шимону Пересу, помощнику тогдашнего министра обороны Леви Эшкола, который позаботился обо всех формальностях, связанных с освобождением их с места службы и отправкой в Рим.

Перед отъездом я поручил Иегуде и Давиду пронести за доставкой и упаковкой заказанных подрывных материалов, договорившись предварительно с людьми «Моссада ле-Алия Бет», что материалы будут загружены на первый же их корабль, отправляющийся в Неаполь, где мы их и получим.

Пробыв в Израиле ровно пятнадцать дней, я вернулся в Рим. Подготовка водолазов шла ускоренными темпами. Несколько курсантов отсеялось, и осталась группа в десять человек, продолжавших тренировки.

Между тем необходимо было подготовиться к прибытию взрывчатки.

Тайник подле Неми

Все, связанное с разгрузкой материалов и выносом их с территории порта, мы оставили в руках людей «Моссада ле-Алия Бет», отлично знакомых с условиями в неапольском порту. Мы же должны были позаботиться о транспортировке их из Неаполя на центральный склад. Для транспорта мы приобрели легковую машину, в которой устроили тайник по образцу тех, какие изобрела Хагана еще во время британ-

ского мандата. Главной нашей заботой была подготовка хранилища. Прежде всего мы приобрели огромную железную цистерну для воды, прорезали в ней отверстие, в которое мог пролезть человек, и приделали к нему герметически закрывающуюся дверь. Было решено закопать эту цистерну в землю подле деревни Неми, в тридцати километрах от Рима, рядом с виллой, где размещались курсанты тренировочного лагеря Хаганы. Для полной секретности этой процедуры двум ребятам из лагеря было поручено выкопать большую помойную яму. Когда же они это сделали, выяснилось будто бы, что место для помойки неподходящее — из-за направления ветра, и им велели выкопать вторую яму в другом месте. А в первую яму четверо наших людей заложили ночью цистерну и засыпали ее для маскировки сухими листьями. Таким образом, только четверо знали местонахождение нашего центрального хранилища.

«Мастерская по ремонту сельскохозяйственной техники»

Неподалеку от нашего хранилища находилась еще одна вилла, тоже населенная беженцами. Там мы устроили мастерскую, где стояли токарный станок и другие приспособления для починки сельскохозяйственных машин. Тут же лежали для маскировки различные части таких машин. А в соседнем помещении, куда вела незаметная дверь, происходила сборка предметов не столь невинных. Ответственным за склад и за мастерскую был выбран один из беженцев, Сало Друмер, слесарь по профессии. Он моментально наладил работу нашего секретного предприятия, словно заправский ветеран Хаганы.

Таким образом, организационные приготовления успешно продвигались вперед, а прибытие Давида Фромера и Иегуды Венеции еще больше укрепило нашу группу.

Рассказ Иегуды Венеции

Вот что рассказывает Иегуда Венеция об отъезде из Израиля и присоединении к нашей группе:

«Однажды в июле 1948 года к нам на базу приехал Амонн Йона. Не объясняя цели своего визита, он стал расспрашивать меня о методах диверсий и об успехах, достигнутых нами в этой области.

Сказать по правде, я не придавал этому разговору особого значения. Однако последствия не заставили себя ждать. В начале августа меня срочно вызвали к начальнику оперативного штаба, где сообщили, что через неделю я вылетаю за границу с особым заданием.

Одновременно со мной был мобилизован Давид Фромер, который в это время работал над прототипами мин и других видов оружия под началом Женьки Ратнера. Он считался одним из лучших специалистов в этой области.

Мне поручили выработать план подготовки специальных детонаторов для мин и других подрывных устройств. Я подобрал стандартное оборудование и материалы, имевшиеся в нашем распоряжении, и подготовил их к тайной отправке за границу.

Перед выездом нас сфотографировали для паспортов — обоих в одном и том же «европейском» костюме, одолженном нам фотографом.

Давид Фромер получил синий британский паспорт на имя Хесс, уроженец Британии, поскольку он безупречно владел английским языком. Я тоже получил такой же синий паспорт на имя Менахема Банина, британского подданного, но родившегося в Адене.

Все наши планы и чертежи были сфотографированы; пленку — четыре ролика — мы сложили в две пудреницы. Затем тщательно проверили свою одежду, верхнюю и нижнюю, спорили все ярлыки. Осталось уложить чемоданы, и мы были готовы к отъезду.

Нам было дано указание: по прибытии в Рим обратиться в наше представительство на улице Рено, 4 и спросить там Далию. Кто такая Далия, мы понятия не имели.

8 августа 1948 года мы вылетели из Хайфского аэропорта рейсом через Никосию в Рим. Едва вступив на борт самолета, каждый из нас превратился в другого человека. Давид полностью вошел в роль мистера Хесса и изъяснялся только по-английски, я же стал аденским евреем Менахемом Банином, который летит в Италию по делам своего текстильного бизнеса.

Вечером мы прилетели в Рим, устроились в гостинице, позвонили по указанному номеру телефона, и вскоре к нам явился Амнон Йона. В тот же вечер он рассказал, какая работа ожидает нас в Европе.

На Давида Фромера была возложена ответственность за всю техническую сторону диверсий, в частности подготовка снаряжения в Италии. Мне предстояло ехать в Бельгию и в Голландию и организовать там операционные базы.

Перед отъездом я должен был помочь Давиду подобрать группу техподдержки и организовать вспомогательные базы и укромные хранилища, обслуживающие северные и южные порты. Осмотрев несколько существующих баз — в Риме, в Неми, в Формии, в Мадженте и др., мы убедились, что, хотя оперативный уровень группы очень высок, техническая сторона дела поставлена слабо; и обученность их, и снаряжение — самые примитивные, так что наше присутствие здесь будет очень полезно.

Возвратясь из этой ознакомительной поездки, мы в тот же вечер принялись за дело. Прежде всего отпечатали привезенные нами снимки, и к утру мы держали в руках полный набор чертежей мины «Алука»*.

На следующий день мы отправились в мастерскую, предназначенную якобы для ремонта сельскохозяйственной техники, — отличная маскировка. Мастерская находилась примерно в тридцати километрах к югу от Рима, в местечке Неми, на берегу чудесного озера среди

* «Алука» (*ивр.* — пиявка) — мина, прикрепляемая к днищу корабля с помощью магнитов. В ней имеется также устройство, взрывающее мину, если ее обнаруживают раньше времени и пытаются снять. (*Примеч. автора.*)

холмов и лесов, на вилле, некогда роскошной, которую приобрел Джойнт. В задней, хорошо замаскированной комнате, из окна которой видно было дорогу, и помещалась наша лаборатория.

Сало, беженец из Румынии, мастер на все руки, работал там одновременно завскладом, токарем, слесарем, столяром и электриком. Он и отвечал за эту базу.

Подрывные материалы, то есть взрывчатка, детонаторы, таймеры и прочее, спрятаны были в подземной цистерне в соседнем лесу.

Не теряя времени, мы отправились в Милан, захватив с собой заново перечерченные с фотоснимков чертежи «Алуки».

В Милане мы впервые встретились с Биньямино, местным евреем, студентом-химиком, которого Аммон привлек к нашей работе. Он с жаром взялся за опасное дело.

Миланская база была не из самых надежных. Она находилась на Виа Уньоне, 5, в огромном здании с внутренним двором. Некогда это был фашистский молодежный центр, теперь же здесь концентрировались все еврейские организации Милана, начиная от «Керен Кайемет»* и кончая «Рехешем», размещались в этом здании.

Посреди всей этой мешанины организаций Биньямино ухитрился устроить нам уголок на заброшенном чердаке.

Наше первое поручение ему было — подыскать целый ряд фабрик и мастерских, которые будут делать нам отдельные детали минного устройства, понятия не имея об их назначении. Обойдя по его указанию индустри-

* Полное название: «Керен Кайемет ле-Израэль» — Земельный фонд Израиля. Основан в 1901 г. на 5-м Сионистском конгрессе в Базеле. Ставил своей целью приобретение земель в Палестине для последующего возрождения жизни евреев на их древней родине. «Керен Кайемет» инициировал развитие еврейских поселений, активно содействовал лесопосадкам на всей территории Эрец-Израэль, созданию заповедников. Осуществил множество проектов, связанных с природопользованием.

альный район, мы раздали чертежи различных деталей и корпуса разным мастерам.

Спустя двадцать четыре часа мы получили готовые детали и немедленно отвезли их в мастерскую в Неми. И здесь мы собрали несколько отличного качества мин «Алука» — в Израиле тогда не умели еще делать такие прекрасные мины!

К чести Амнона следует заметить, что все проблемы безопасности, связанные с неизбежными при нашей работе бесконечными переездами и перевозками, решались безупречно четко».

Оперативное поле и разведка

Тем временем в Неапольский порт прибыли материалы из Израиля. Ими предстояло заняться Иегуде и Давиду. Люди «Моссаса ле-Алия Бет», чувствовавшие себя в порту как дома, выгрузили их с корабля и вынесли с территории порта, оттуда мы немедленно перевезли их в наш подпольный склад в Неми. Это был большой успех — нам удалось получить и запрятать наши материалы без каких-либо неполадок и с соблюдением полнейшей секретности.

Одновременно с приготовлением мин и тренировочным курсом мы начали совершать разведывательные поездки в различные портовые города и подготавливать базы в тех из них, откуда могла производиться отправка вражеского военного снаряжения. Наше оперативное поле простиралось от Венеции и Генуи на севере и до Неаполя и Барри на юге. В доме на Виа Уньоне, 5 у нас была небольшая лаборатория, служившая исходным пунктом для операций на севере Италии.

Итак, вскоре у нас были организованные, хорошо обученные команды подрывников и все необходимые материалы. В нашем распоряжении имелись вспомогательные базы и транспорт в различных городах. Завершив этап тренировок, разведывательных поездок и организации, мы были готовы к действию.

В связи с полученной информацией нам пришлось, параллельно с организацией в Италии, заниматься организа-

цией такой же ячейки в Марселе. Это дело я поручил Моше Липсону, старому палмахнику, прибывшему в Европу по заданию «Моссада ле-Алия Бет». Он успешно сделал это, и его команда, снабженная необходимыми материалами, обосновалась в Марселе, наблюдая за происходившим в порту.

Из Бельгии и из Голландии также приходили сведения об отправке оружия, приобретаемого арабами. Еще одна команда была организована под началом Иегуды Венеции. В их задачу входило устройство баз в Антверпене и в Амстердаме и сбор информации.

Об организации ячейки в Бельгии и Голландии рассказывает Иегуда Венеция.

«ПЕРВЫЕ ШАГИ В БЕЛЬГИИ

В отличие от Италии, Бельгия мало сочувствовала нашему делу, и трудно было предположить, что местные власти отнесутся с пониманием к нашим диверсионным операциям, производимым на их территории. В этом и заключались принципиальные трудности, которые необходимо было преодолеть.

Все военное снаряжение проходило, естественно, длинный путь, прежде чем достигало своего назначения. Проследив его передвижение, начиная с того момента, когда оно было приобретено, и вплоть до разгрузки во вражеском порту, всегда можно обнаружить слабое место, которое мы сможем использовать для того, чтобы повредить груз.

Совершенно ясно, что наиболее удобное место для проведения операции находится вне пределов страны, получающей груз; отсюда следует, что диверсия должна производиться на нейтральной территории (в стране, откуда груз вышел, или в одной из стран, через которые он проходит по пути), либо в открытом море, либо, и это лучше всего, с помощью взрывного механизма замедленного действия, в таком случае диверсия произойдет на территории государства, получающего это снаряжение.

Поскольку производить подрывные операции в Бельгии было никак нельзя, мина замедленного дейст-

вия, которая взорвется вне ее пределов, лучше всего отвечала нашим нуждам.

Для обеспечения наибольшей эффективности необходимо было срочно изготовить взрывные устройства замедленного действия. Эта задача была возложена на Давида Фромера, находившегося в Риме, — мы и раньше пытались там приобретать такого рода таймеры.

МЫ УСТРАИВАЕМСЯ В БЕЛЬГИИ

Налаженную связь между европейскими столицами и Израилем осуществляла тогда среди прочих организация под названием «Рехеш» (центр закупок). Во главе бельгийского филиала «Рехеша» стоял Зеэв Грудзински, и мы, естественно, в первую очередь обратились за помощью к нему.

Амнон и я прибыли в аэропорт Брюсселя. Зеэв, предупрежденный о нашем прибытии, встретил нас и выразил полную готовность помочь нам организовать здесь оперативную базу. Так было вначале. Он отвез нас в гостиницу «Плаза», где заранее заказал номера, и по дороге рассказал о положительных и отрицательных сторонах работы в этой стране. Он описал нам бельгийскую еврейскую общину и ее отношение к Израилю и назвал имена людей, готовых помочь нам в нашей работе.

Зеэв организовал нам поездку по Бельгии — Брюссель, Антверпен и Льеж; мы побывали также в Голландии, в Амстердаме и Роттердаме. Во всех этих городах Зеэв знакомил нас с людьми, с организациями и фирмами, которые смогут быть нам полезны в будущем. Я вернулся из поездки в оптимистическом настроении — похоже, что нам удастся организовать оперативную базу.

До тех пор пока я не найду себе подходящее место для работы, Зеэв предоставил в мое распоряжение комнату в своем офисе.

После идиллии первых пяти дней, видя готовность Зеэва помогать мне в организационной работе, я почувствовал, что в такой атмосфере вполне сумею действовать самостоятельно и Амнон может вернуться в Италию.

Накануне его отъезда мы, руководствуясь первыми впечатлениями, договорились, как будет производиться работа:

1. Порядок работы в Бельгии

На основании печального опыта сотрудничества с израильскими организациями в Италии, не принадлежащими к нашей, оперативную работу в Бельгии следует полностью изолировать от всех прочих групп. Такие же вопросы, как согласование текущего бюджета, частная почта и текущая информация, будут решаться при посредстве конторы Зеэва.

2. Рапорты

Оперативные и разведывательные рапорты будут посылаться в зашифрованном виде по обычной почте, причем адрес будет время от времени меняться (эти адреса мы установили заранее).

3. Ввоз снаряжения

С этой целью решено было приобрести снабженный тайником и соответствующей «легендой» автомобиль, который будет ездить во Францию, Швейцарию и Италию и доставлять на базу необходимое оборудование и материалы.

4. Согласование операций

Было решено согласовывать операции в Бельгии, Италии и Франции таким образом, чтобы операция, производимая в одной стране, не помешала операции, запланированной в другой. Само собой разумеется, что предпочтение будет отдаваться той стране, где операция даст наиболее ощутимые результаты; решено было также, что о каждой операции мы будем предупреждать другие находящиеся в Европе израильские группы, с тем чтобы они могли заранее обеспечить подходящее прикрытие для своей текущей работы.

Выработав эти установки, мы пригласили Зеэва и сообщили ему свои решения. У него возник ряд возражений. Прежде всего, он настаивал на получении регулярной информации обо всем, относящемся к его сфере дея-

тельности. Он потребовал также, чтобы у него было право вето на все действия, которые могут помешать его работе.

Полномочия, полученные нами непосредственно от Шауля Авигура, подразумевали, что вопрос «за» либо «против» той или иной операции будет решаться в более высоких инстанциях; вмешательство Зеэва на начальных стадиях в его полномочия не входило. В связи с этим между нами возникли резкие разногласия, которые в недалеком будущем привели к самым серьезным последствиям.

После отъезда Амнона я составил себе следующий план работы:

а) *Подбор персонала.* Главным своим помощником я взял Вилли Хота, израильского журналиста, находившегося за границей по состоянию здоровья. В прошлом он работал в группе «Рехеш», хорошо знал Брюссель и ориентировался в бельгийской действительности, разбирался во всех муниципальных и правительственных учреждениях, в порядках работы аэропорта, а вдобавок знаком был со множеством людей, как евреев, так и неевреев, которые могли содействовать нам в нашей работе. На первых порах я относился к нему с сомнением, ибо он не обладал некоторыми качествами, необходимыми для подпольной работы, а потому я описал ему нашу работу как чисто разведывательную, не упоминая диверсии. Он оказался прекрасным помощником.

Прежде всего, я покинул гостиницу и снял себе небольшую квартиру на окраине на имя Вилли Хота, который был постоянным жителем Брюсселя. Затем я с его помощью побывал в молодежном клубе организации «Ха-шомер ха-цаир», где люди готовились к алие в Израиль. Здесь мой выбор пал на одного из инструкторов, Давида Л. Разузнав поподробнее о его семье и окружении, я решил мобилизовать этого толкового парня, спортсмена, хорошо знающего Бельгию, для нашей работы. Проведя с ним длительную беседу, я убедился в его положительных качествах и готовности без колебаний пожертвовать собой для дела. Он решил отложить

на некоторое время алию в Израиль и энергично включился в работу.

б) *Мастерская и тайник*. Самым подходящим городом для устройства мастерской и тайника представлялся мне Антверпен, благодаря его соседству с портом. Это задание я поручил Давиду. Я частично посвятил его в задачи нашей группы, указал на связанные с этим опасности и на необходимость соблюдать полнейшую секретность. Давид, как человек сообразительный, быстро уловил суть дела и не задавал лишних вопросов. И на следующий же день он отправился в Антверпен искать подходящее помещение.

Через два дня он вернулся в Брюссель и рассказал, что нашел одного еврея, убежденного сиониста, у которого в жилом квартале около порта есть дом с большим подвалом, поделенным на комнаты, пустующие из-за сырости. В этом доме очень удобно устроить тайник.

Мы съездили туда, я тщательно обследовал помещение и пришел к выводу, что оно как нельзя лучше подходит для наших целей. У подвала было два входа, с двух уличных уровней. Электричество туда провести было нетрудно. Мы выбрали самую укромную и сухую комнату, и я сказал Давиду, что здесь и надо выкопать тайник. Мы приобрели большой бак для горючего, вынули несколько плиток в полу и начали копать. К этой работе я привлек еще одного местного парня, которого рекомендовал Давид, ручаясь за его надежность. И через несколько дней они, не вызвав ни у кого никаких подозрений, приготовили тайник.

В этой же комнате была устроена мастерская, снабженная всем необходимым оборудованием.

в) *Информация о портах*. Я дал Давиду нужные указания и поручил ему собрать информацию об Антверпенском порте, а именно: входы и выходы; возможности тайного проникновения в порт; причалы; склады; освещение — здесь особенно важны для нас были неосвещенные пространства; охрана и т.п. Карту порта нам удалось приобрести в магазине морских карт в Антверпене.

Тем временем мне становилось все труднее и неприятнее находиться в офисе Зеэва. Я поручил Вилли срочно подыскать мне другое помещение, где я мог бы вести наши дела без помех. Амнон дал мне четкое указание: не привлекать к делу никакие другие организации и не передавать им никакой информации. А Зеэв непрерывно требовал, чтобы ему сообщали, как продвигается работа, утверждая, что деятельность такой группы, как наша, может повредить текущей работе «Рехеша» — в частности, если мы случайно войдем в контакт с теми же агентами, с которыми работает он, или с фирмами, сотрудничающими и с нами, и с арабами.

Я твердо придерживался указаний, полученных от Амнона, и отношения мои с Зеэвом становились все напряженнее. Я послал в Рим сообщение о создавшейся ситуации, прося организовать пересылку бюджетных ассигнований и почты не через Зеэва, а каким-либо иным путем. Я требовал также, чтобы Зеэву был дан четкий приказ не вмешиваться в дела нашей группы.

Тем временем Вилли подыскал нам место для офиса, куда мы и переселились, забрав все наши материалы и почту. И я исчез из поля зрения Зеэва.

Работа шла быстрыми темпами, и через три недели после моего прибытия на место база нашей группы была в основном подготовлена.

Среди людей, помогавших мне в Бельгии, хочу упомянуть г-на Бибера, страстного сиониста, который готов был оказать нам любое содействие. У него были обширные связи в сфере торговли и судоходства, и с его помощью удалось войти в контакт с одним из директоров большой компании, занимавшейся торговлей и перевозками горючего. В частности, она вела оживленную торговлю с Египтом, и немало кораблей и танкеров этой компании бороздили воды Суэцкого канала. При посредстве этого директора я получил доступ в Антверпенский порт, где происходила погрузка закупленного в Бельгии арабского оружия.

Вторым важным делом было войти в контакт с фабрикой легкого вооружения «Ф.Н. Бельжик», поставлявшей значительное количество оружия и боеприпасов в

арабские страны. Здесь также помог г-н Бибер, отрекомендовав меня заведующему экспортным отделом фабрики. Поставив некоторые условия, которые мы сумели удовлетворить, он согласился сообщать нам о готовящихся к отправке партиях оружия.

Таким образом, от этих двух людей мы начали регулярно получать информацию, от которой зависела наша деятельность.

ОПЕРАЦИЯ В АМСТЕРДАМЕ

Наладив работу в Бельгии, я немедленно поехал в Амстердам, чтобы организовать там вспомогательную оперативную базу.

Прибыв в Амстердам, я связался с израильским представительством, где меня уже знали по первому моему ознакомительному визиту в город. Они не были в курсе моей деятельности, но, следуя указаниям, полученным из Женевы, предоставили мне всю необходимую помощь.

По их рекомендации я привлек к работе Якова Лисауэра, молодого израильтянина, который женился на местной девушке и теперь управлял предприятием ее родителей. Яков был рад предоставленной ему возможности помочь нашему делу в Голландии, это хоть немного смягчало мучившие его угрызения совести из-за того, что он живет здесь, а не на родине.

Он готов был выполнить любое поручение. Для начала я попросил его организовать сбор информации относительно амстердамского порта и всех грузов, отправляемых в арабские страны, и каждую неделю сообщать ее в брюссельский центр. Мы договорились, как будем поддерживать связь и в какой форме будут посылаться рапорты. Поскольку предприятие, которым он руководил, занималось экспортом, ему удалось подключить к работе еще одного человека, который легко мог добывать нужную нам информацию.

Я решил, что для начала следует ограничиться в Амстердаме сбором информации, а позже, убедившись в надежности и преданности этих двоих, основать и там оперативную базу для саботажа.

Первый рапорт о движении судов, выходящих из портов Антверпена и Амстердама с грузом машинного оборудования, предназначенного для арабских стран, поступил в Рим примерно через месяц после моего прибытия в Бельгию».

Таков был рассказ Иегуды Венеции.

Ада Серени вносит свою лепту

Стремясь расширить профессиональные возможности группы, а также по указанию сверху, мы начали искать контакты с теми итальянцами, которые прославились своими подводными подрывными действиями во время Второй мировой войны.

Известно было, что они сумели построить маленькие подводные лодочки на два человека и с их помощью подрывали вражеские корабли. Итальянцы разработали также лодки-торпеды с дистанционным управлением.

Я обратился к Аде Серени с просьбой помочь нам установить контакты с людьми, у которых мы сможем приобрести оборудование и получить соответствующий инструктаж. Понимая всю важность дела, Ада пустила в ход свои обширные связи и очень скоро связала нас с техником-итальянцем, который служил во время войны на флоте. Я поручил Давиду поддерживать с ним связь; к нам начала поступать нужная информация. Мы передали ее на родину, где наши военно-морские силы и разведка проявили к ней большой интерес.

Ниже приводится соответствующий отчет Ады Серени:

«ИТАЛЬЯНСКИЙ «ТЕХНИК»

Рапорт об итальянском моряке-подрывнике

По требованию Амнона я начала искать специалиста по подводной подрывной работе и нашла человека, который во время войны был начальником специального отдела при итальянском военно-морском флоте. Этот человек, далее фигурирующий под кличкой Техник, в

настоящее время управляет промышленным предприятием гражданского профиля. Я послала одного из моих помощников в город, где работает Техник. Техник поддался на уговоры и согласился работать с нами, но сказал, что, будучи офицером, он не может это делать, не получив разрешения от вышестоящих итальянских инстанций. Я добилась такого разрешения, и работа началась.

Техник, а на самом деле профессиональный инженер, является флотским офицером высокого ранга. Он был начальником государственных лабораторий по разработке подрывного оборудования, а во время войны лично приложил руку к операциям этого рода, в частности к затоплению трех британских кораблей в Александрийском порту.

Товарищ Давид, представитель израильских военноморских сил, считает, что сведения, которые от него можно получить, — это настоящая находка. [...]

Следует отметить, что мы уже получили чертежи устройства для подводного прикрепления взрывчатки к корпусу корабля, а также образец таймера с пропеллером, который, вращаясь во время хода корабля, приводит в действие детонатор после определенного, заранее установленного числа оборотов. [...]

Я считаю, что сюда должен приехать инженер Р., чтобы встретиться с Техником и определить объем работы, ее порядок, а также необходимые для ее выполнения средства. Трудно сказать, как велики будут расходы, и с технической точки зрения очень желательно определить их заранее.

Наша работа очень страдает от ухудшившегося отношения к нам и от весьма деликатного положения, в котором мы сейчас здесь находимся. Правда, в верхах Технику дали разрешение работать с нами, при условии глубочайшей секретности. Он согласился сотрудничать, ибо убедился, что мы представляем собой серьезную силу и будем в случае необходимости в состоянии поддержать и защитить его, а также сумеем добиться разрешения на приобретение материалов и оборудования, нужных ему для работы. Теперь, в свя-

зи с моим отъездом, в этой поддержке пробита серьезная брешь. Я считаю, что следует немедленно назначить человека на мое место, ибо иначе Техник с нами долго не проработает.

Рим, 14 окт. 1948
Ада Серени»

Очень скоро наша группа была готова к выполнению задач, ради которых была создана, — и удобный случай не заставил себя ждать.

Глава 6

ОПЕРАЦИЯ «ГУР»

После затопления «Лино» сирийское военное министерство послало в Италию полковника Фуада Мардам-бея, родственника бывшего премьера Сирии. Ему было поручено расследовать обстоятельства затопления, попытаться спасти затонувшее оружие и доставить его в Сирию.

Сразу по приезде Мардам-бей энергично взялся за дело. Он нанял итальянских водолазов, чтобы поднять из воды затонувший груз. Сделать это было нетрудно, ибо судно затонуло в прибрежных неглубоких водах.

К нам ежедневно поступали сведения о ходе спасательных работ. Оружие поднимали со дна и отправляли на военную базу в Барри, где его чистили и смазывали. Ситуация начала вызывать у нас беспокойство. Если арабам удастся спасти все оружие и отправить по назначению, получится, что все наши труды пропали даром. Нужно было срочно подготовить контрудар, который сведет на нет усилия арабов.

«Секретная карта» на дне морском

Посоветовавшись с Адой Серени, мы решили использовать тот факт, что итальянская пресса в свое время писала, будто бы оружие на борту «Лино» предназначалось не для арабов, а для итальянских коммунистов. Наш план заключался в том, чтобы направить всех заинтересованных лиц по ложному следу.

Получив добро от Шауля Авигура, мы с Адой и Марио (итальянский капитан, с исключительной самоотверженно-

стью помогавший «Моссаду ле-Алия Бет»)* отправились в Барри. Там мы взяли югославскую карту Адриатического моря и вместе с доктором Росси, одним из ближайших наших друзей, высокопоставленным чиновником из Барри, прочертили трассу передвижения корабля от порта Фиуме

* Арье (Лева) Элиав (р.1921, в 1945—1947 гг., один из организаторов нелегальной иммиграции, в 1958—1960 гг. первый секретарь израильского посольства в Москве, неоднократно избирался депутатом кнессета, занимал ряд видных государственных должностей) рассказывает в своих воспоминаниях об этом Марио и других итальянцах: «Марио, капитан корабля «Вингейт», был парень среднего роста, лет примерно тридцати, но благодаря пухлым щекам и круглой физиономии выглядел на двадцать пять, а то и меньше. Он любил поговорить, но при этом отлично знал свое дело. Во время Второй мировой войны был командиром подводной лодки, по службе ему пришлось общаться с немецкими флотскими офицерами, и он выучил немецкий язык. Этот парень сразу завоевал наши симпатии, а с течением времени стал одной из центральных фигур в итальянском филиале «Мосада ле-Алия Бет» и в «Рехеше». В какой-то момент он рассказал мне, как это вышло, что он стал работать с людьми Мосада, и рассказ этот стоит того, чтоб его записать.

Оставшись после войны безработным, Марио прочел как-то раз в итальянской газете о группе итальянских моряков, арестованных у берегов Палестины за нелегальную доставку туда евреев. Это дело показалось ему соблазнительным — и как работа, а главное, как приключение. Поразмышляв, Марио сообразил, что организуют все это, скорее всего, евреи из Палестины. А где найти в Италии евреев из Палестины? Среди солдат британской армии. Марио произвел разведку и выяснил, что у этих солдат есть в Милане свой клуб. И что делает наш Марио? Отправляется в этот клуб и спрашивает дежурного, где можно разузнать про арестованных итальянских моряков. А вам какое до них дело? — спрашивает дежурный. Марио отвечает, что один из моряков — его родственник и он хочет узнать, что с ним. Ему представлялось, что так он сразу попадет туда, где берут на эту работу. Дежурный солдат немедленно сообщил нашим людям об этой «подозрительной личности», и те велели передать Марио, что здесь ему делать нечего, пусть идет к раввину еврейской общины в Милане. Марио отправился к раввину, а за ним стали следить двое наших, чтобы выяснить, что все это значит. У изумленного раввина Марио

к порту на юге Италии, а оттуда провели стрелки в разные точки страны, с добавкой цифр и букв, которые придавали карте многозначительный и загадочный вид. Карту положили в металлическую коробку и герметически ее запаляли. При помощи д-ра Росси Марио и я проникли тайком в

выложил как на духу настоящие свои цели, выразив страстное желание работать с евреями.

Раввин выслушал его с невозмутимым видом, а затем передал все это нашим людям, отчего их подозрения лишь усилились и превратились почти в уверенность, что парень подослан следившими за ними англичанами. Было решено подстроить ему ловушку, для вида вступить с ним в переговоры, чтобы затем покончить с ним раз и навсегда.

Однако в процессе переговоров с Марио нашим людям стало очевидно, что высказанное им желание — искреннее и подлинное, а к тому же он обладает обширными познаниями и опытом в морском деле.

Постепенно мы прониклись к нему полным доверием, и в конце концов он был назначен капитаном корабля «Вингейт». Он набрал себе итальянский экипаж, и эти гои были из лучших наших работников. Среди них выделялся Рикардо, заместитель Марио, высокий широкоплечий человек лет тридцати, с угольно-черными волосами и с роскошными усами. Он выглядел как итальянский кино- или оперный герой. Сдержанный и молчаливый, особенно по сравнению с разговорчивым Марио, он был отличным моряком, на которого можно было полностью положиться.

Высоким профессионализмом и опытностью отличался также Римини, механик «Вингейта». Среди прочих членов экипажа стоит упомянуть Дино, девятнадцатилетнего уроженца Фиуме, наполовину итальянца, наполовину югослава. Он глубоко сочувствовал нашему делу и нашей борьбе, к тому же ему по душе была эта полная приключений жизнь. Он быстро подружился с нами и включился в нашу работу.

Среди экипажа корабля «Энцо Серени» особенно отличались два немолодых моряка: один худощавый, длинноносый, похожий на старого петуха, второй старик под семьдесят, с квадратным невыразительным лицом, очень похожий на актера Бориса Карлофф. Механик «Энцо Серени», Баскетти, также был серьезным, умелым специалистом. Боцман Джигино, человек недалекий, вначале вроде бы оскорблялся необходимостью подчиняться Марио, но Марио сумел смягчить его недовольство». (*Примеч. автора.*)

порт, добрались до того места, где затонул «Лино», и там Марио бросил коробку в воду. Мы надеялись, что ее найдут водолазы, поднимавшие со дна оружие. Если бы нашу карту нашла итальянская секретная служба, это укрепило бы их подозрение, что оружие предназначено для итальянских коммунистов, поскольку стрелки и таинственные знаки якобы указывали на точки приема груза и его распространения по всей Италии. Мы быстро вернулись в гостиницу, оттуда — прямо на вокзал и уехали в Рим.

Мы были уверены, что, если карту найдут, это приведет к конфискации оружия итальянскими властями и оно не попадет в руки арабов или, по меньшей мере, надолго задержится в Италии. Операция была проведена в глубочайшей тайне, и, кроме нас и Шауля Авигура, о ней никто не знал. Работы по подъему оружия с борта «Лино» завершились в течение пятнадцати дней, но и по сей день судьба ящичка с картой осталась неизвестной, — видимо, водолазы ее не нашли.

Добытое из-под воды оружие было перевезено на военную базу в Барри. По оценке экспертов, пятнадцать процентов винтовок и запасных частей к ним пришли в негодность, а боеприпасы не пригодны к употреблению вообще. Винтовки были переданы итальянским оружейникам для чистки, смазки и упаковки, чтобы отправить их по назначению. Нам было ясно, что уловка наша не имела успеха, не удалось никого обмануть и задержать оружие в Италии.

Мардам-бей приступает к действиям

Прошло всего несколько недель с того дня, когда мы ликовали, затопив «Лино», и снова необходимо было прилагать все силы, дабы не допустить доставки оружия по назначению. Прежде всего, я задействовал все наши контакты с итальянцами с целью получения текущей информации о действиях полковника Мардам-бея и о его планах отправки оружия.

Похоже было, что полковник Мардам-бей решил облегчить себе задачу и попросту связался с г-ном Манарой, судовым агентом и владельцем «Лино», предложив ему организовать транспортировку груза в Бейрут.

Я встретился с Шаулем в Женеве и представил на его рассмотрение следующий план: мы связываемся с г-ном Манарой и предлагаем ему арендовать наш корабль, который и отвезет оружие в Израиль. Этот план был принят, Шауль дал свое добро начать необходимые приготовления.

Я вернулся в Рим, везя с собой записку к Аде Серени и к Моше Закимовичу с просьбой, чтобы люди «Моссада ле-Алия Бет» оказали мне всяческую помощь.

Прежде всего, я начал набирать экипаж — командира, радиста и десять матросов. «Моссад ле-Алия Бет» назначил мне в помощь Исраэля Розенбойма, имевшего уже опыт командования кораблями с нелегальными иммигрантами и отлично знавшего итальянский язык. Радистом (им обычно давалась подпольная кличка Гидони) мы взяли Оведа Садэ. Марио, к тому времени уже полноправный член группы, стал подыскивать надежных матросов среди тех итальянских моряков, кто уже работал прежде на кораблях нелегальной иммиграции.

Мы собрали все оборудование для связи и взрывчатку в Формии, где, в ожидании вызова, находился и наш Гидони.

Марио еженедельно ездил в Барри и узнавал, как идут приготовления к отправке груза. Однажды утром он сообщил нам по телефону, что оружие, видимо, будет через несколько дней отправлено — сначала грузовиками в Геную, а затем его погрузят на корабль «Хедив Исмаил», водоизмещением в пять тысяч тонн. Я связался с Шаулем и потребовал разрешения напасть на грузовики по дороге из Барри в Геную. Если не удастся их захватить, мы их просто подорвем. Разрешение было получено. В тот же день в мастерской были изготовлены зажигательные бомбы и взрывные устройства замедленного действия. Все это мы уложили в тайник в автомобиле, и вечером я с нашим водителем Барухом отправился в Барри, чтобы на месте отработать порядок действий.

Я решил, что эту операцию мы проведем с минимумом участников. Кроме них, о происходящем никто не знал. В Барри я ежедневно встречался с итальянскими осведомителями и каждый раз получал другую информацию. Несколькими днями позже мы узнали, что итальянские власти не дают разрешения на сухопутную транспортировку груза в Геную. Теперь мы лишились возможности выбрать удобное

место для захвата или в крайнем случае уничтожения оружия. Приходилось искать другие способы захватить его или подорвать.

Правительство Сирии, судя по всему, требовало от Мардам-бея, чтобы он отправил груз с одним из крупных судов, курсировавших на линии Генуя — Бейрут, и он начал прощупывать возможности отправить оружие морским путем в Мессину, где и погрузить его на крупное судно. Изменение в планах сирийца вернуло меня к моему первому плану. Я решил лично встретиться с Манарой, чтобы выяснить, как велико его влияние на Мардам-бея, и по возможности прийти с ним к определенному соглашению. На встрече присутствовали также Марио и д-р Росси. Разговаривая с нами откровенно и уверенно, Манара (получивший у нас кличку Лис) сказал, что оружие можно отвезти прямо в Израиль. Мы договорились, что он даст Мардам-бею корабль для перевозки груза из Барри в Мессину. Весь экипаж корабля, включая капитана, будет состоять из подобранных нами людей. За оказанную нам помощь Манара получит двадцать миллионов итальянских лир, а если корабль не будет ему возвращен, он получит еще пятнадцать миллионов. В качестве гарантии два конверта, один с двадцатью, другой с пятнадцатью миллионами, были вручены д-ру Росси, которому доверяли обе стороны. Мы скрепили наш уговор рукопожатием, и я вернулся в Рим.

Израэль Розенбойм, потеряв терпение от длительного бездействия, попросил меня отпустить его. Как раз в это время в Рим прибыл Давид Бен-Хорин, столь же опытный в кораблевождении и хорошо владевший итальянским языком. Посовещавшись с Адой Серени и Иегудой Арази, я добился, чтобы его отдали в мое распоряжение, а Израэль Розенбойм вернулся в «Моссад ле-Алия Бет».

День операции приближается

Судя по полученной информации, у нас оставалось всего несколько дней на подготовку. Давид отправился в Барри и вместе с Марио стал следить за развитием событий.

Но прошло уже два месяца, Давид все сидел в Барри и периодически сообщал нам, какие изменения происходят в планах отправки оружия. Безграничное терпение Давида заслуживает всяческих похвал — целых два месяца он просидел в Барри почти в полном одиночестве, неумоимо следя за любыми изменениями этих планов. В начале августа в Рим прибыл Марио и привез с собой окончательный вариант транспортировки груза.

Манара сдал в аренду арабам судно под названием «Арджиро», которое в середине месяца повезет оружие в Мессину. Двадцать третьего августа туда должен прибыть египетский корабль «Хедив Исмаил». На него и предполагается загрузить оружие.

Мы подробно обсудили все детали операции. Марио соберет в Барри весь нанятый нами итальянский экипаж из десяти человек. К ним присоединятся Давид и радист, снабженные документами итальянских моряков.

Шестнадцатого августа, захватив по дороге связиста со снаряжением и подрывные материалы, я отправился на машине в Барри, куда и прибыл на следующее утро. В нашем распоряжении оставалось три дня. Судно готовилось к отплытию девятнадцатого августа, причем не в Мессину, как предполагалось раньше (хозяева судна «Хедив Исмаил» сообщили, что погрузка оружия в Мессине невозможна), а в Александрию и уже оттуда в Бейрут.

И Манара, и Марио считали, что удастся с легкостью заменить имеющийся экипаж «Арджиро» нашими людьми, однако тут возникли затруднения. Начались переговоры с Манарой. Он потребовал, чтобы в экипаж судна вошли только два наших механика, а Давида и связиста проведут на борт в последнюю минуту перед отплытием. Это требование заставляло нас усомниться в успехе. Хотя Марио всячески успокаивал меня, по мере приближения дня отплытия беспокойство мое возрастало. Даже включение в экипаж двух наших механиков задерживалось по техническим причинам. Ранним утром восемнадцатого августа мы вышли понаблюдать за погрузкой оружия, которое начали перевозить в порт из армейских складов. Поскольку в течение целых двух месяцев планы транспортировки то и дело менялись, трудно было поверить, что не произойдет еще какое-нибудь изменение в по-

следнюю минуту. Однако вот же, мы смотрели на погрузку собственными глазами. Напряжение росло.

Вернувшись домой, я встретил Марио, возвращавшегося с очередного совещания с Манарой. Неожиданная новость: в порту Барри Давида и Оведа Садэ не удастся провести на корабль. Объяснение: если они вызовут малейшее подозрение, весь план провалится в самом начале. Напряжение от этого, естественно, возросло десятикратно.

Давид и Овед Садэ

Всем нам было ясно, что захватить корабль нам удастся только в том случае, если на борту будут находиться Давид, Овед и еще как минимум пятеро наших матросов. Но как их туда доставить? Изучив все возможности, выработали следующий план: мы нанимаем рыбацкую лодку и на ней наши люди выходят в море. Лодка подойдет к кораблю, который наши механики, находящиеся на борту, остановят в заранее условленном месте. Давид и Овед, одетые в офицерскую форму, поднимутся на корабль в сопровождении матросов, объявив, что они посланы Мардам-беем. Захватят корабль и направят его в сторону Эрец-Исраэль.

План был фантастический, но время поджимало, другого варианта не было. Мы немедленно принялись за его осуществление. Марио и д-р Росси отправились на поиски рыбацкой лодки. К вечеру Марио вернулся мрачный и еле живой от усталости — лодку нанять не удалось. Но, сказал он, за пятнадцать с половиной миллионов лир можно хоть сегодня купить небольшое рыбацкое судно. Я тут же решил, что мы его купим. Глаза Марио загорелись, усталость как рукой сняло. Однако таких денег у меня не было. Я обратился к д-ру Росси и забрал у него один из отданных ему на сохранение конвертов с деньгами, пообещав вернуть долг в ближайшее время. И на следующее утро мы приобрели судно, стоявшее на якоре подле соседней рыбацкой деревни Мула-де-Барри. Заправили судно горючим, погрузили провиант. В нашем распоряжении оставался один день. В полдень 18 августа нам сообщили, что наши механики уже приняты в экипаж «Арджиро» и что с капитаном, пожилым

итальянцем, нетрудно будет столкнуться. Давид купил два комплекта обмундирования итальянских флотских офицеров — теперь, в сущности, все было готово. Каждые два-три часа к нам поступали сведения о том, как продвигаются приготовления «Арджиро» к отплытию. 19 августа мы встретились с нашими механиками и договорились, что они остановят корабль поблизости от Бриндизи, между девятью и десятью часами утра. Если наше судно почему-либо не появится, они должны будут изобразить еще какую-нибудь поломку в моторе и остановить корабль возле порта Отронтто. Один из механиков сойдет на берег, якобы купить запасные части, и там получит от нас дальнейшие указания.

Под вечер нам сообщили, что «Арджиро» отплывает в полночь. Мардам-бея взял на себя д-р Росси. Он сумел убедить полковника, что корабль полностью подготовлен к плаванию и что тот может спокойно ехать в Рим поездом, уходящим в девять вечера. Довольный Мардам-бей пригласил Манару и д-ра Росси поужинать у него в гостинице, отметить благополучное завершение дела и после ужина, в сопровождении обоих гостей, отправился на вокзал, в приятной уверенности, что миссия его увенчалась успехом и оружие вовремя отправится по назначению.

Как только поезд ушел, д-р Росси, в приподнятом настроении, поспешил на место встречи. Здесь мы загрузили все наше снаряжение — рацию, взрывчатку, чемоданы Давида и Оведа — в его автомобиль, который он предоставил нам вместе с водителем, и все впятером — д-р Росси, Марио, Давид, Овед и я — отправились в Мула-де-Барри, где стояло в порту наше рыбацкое судно с восемью матросами.

В Мула-де-Барри мы прибыли в самый разгар празднества — это был день святого Антонио, покровителя рыбаков. На центральной площади светились гирлянды разноцветных лампочек, в небе там и сям вспыхивали фейерверки. Мы поставили машину на темной боковой улице и, сомкнувшись в ряд плечом к плечу, как принято ходить у итальянцев, зашагали в порт, дабы разведать обстановку.

Вдоль причала тесно выстроились рыбацкие суда с развешанными на мачтах сетями. Из портовых кабачков неслись веселые возгласы, дым, запахи еды и вина. На таможенные чиновники сидели, удобно развалясь в своих креслах,

пьяные и сонные. Праздничная атмосфера в сочетании с успешными действиями д-ра Росси обеспечили нам беспрепятственный подход к нашему судну.

Шофер д-ра Росси и Овед стали переносить на борт наш багаж, а я тем временем отдавал последние распоряжения Давиду. Мы договорились, что, выйдя в открытое море, они немедленно задействуют рацию и свяжутся с нашей передаточной станцией в Риме, откуда сообщения поступают к нашей секретарше Далии. А Далия поддерживала со мной постоянную телефонную связь.

Последние рукопожатия, пожелания успеха — и мы расстаемся с Давидом и Оведом. Заработал мотор, судно отошло от причала и скрылось в темноте, направляясь в открытое море.

Все необходимые приготовления были сделаны, все шло в полном соответствии с планом, у нас были все основания надеяться на успех операции. Но в глубине души у меня таилось опасение, что это суденышко все же не встретится с «Арджи-ро». На нас лежала огромная ответственность, от успеха либо провала нашей операции зависела судьба этого драгоценного груза. Мы знали, что неприятель с нетерпением ждет это оружие, чтобы снабдить им свою «армию освобождения», которая нападет на нас с севера. У наших же войск оружия в то время было так ничтожно мало, что, если бы нам удалось взять те тысячи винтовок, что лежат в трюмах «Арджи-ро», это могло бы радикально изменить всю картину борьбы. Неудивительно, что всеми нами владело глубочайшее беспокойство.

Между девятью и десятью утра:
где «Арджи-ро»?

Вот что рассказывает Овед Садэ о плавании на рыбацком судне.

«Мы с шофером загрузили наш багаж на судно. На палубе валялись ящики для рыбы, сети и прочие рыбацкие принадлежности. Мы немедленно спустились с нашими чемоданами в трюм. Сложили их на пол, навалили сверху кучу канатов и заперли за собой дверь.

Десантники Третьей роты на Масаде

Третья рота в пустыне Негев

Автор у могилы Теодора Герцля и его жены.
В 1949 году их останки были перевезены в Израиль
и захоронены на горе Герцля

Шауль Авигур, глава
организации «Мосад ле-Алия
Бет», ответственный за
приобретение оружия во время
Войны за независимость

Нахум Шадми, командир
Хаганы в Европе накануне
Войны за независимость

Ада Серени, ответственная за
нашу деятельность в Италии
в 1948 году

Макс Бент с президентом Египта

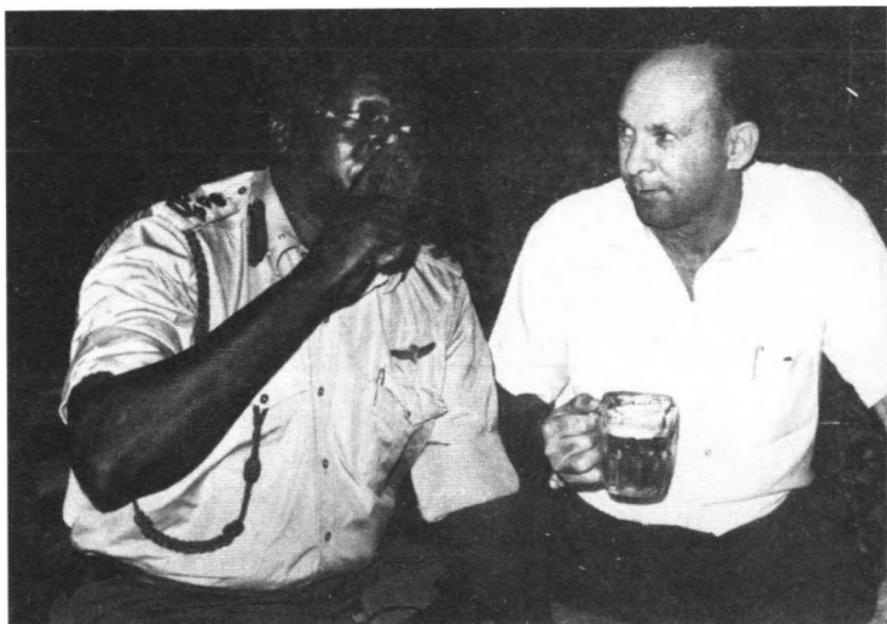
Макс Бент в роли
германского
подданного

Автор и двое инженеров «Тадира» на Первой выставке
электроники в Израиле

Моше Кашти

Автор с начальником генштаба
(будущим президентом) Уганды Иди Амином

Автор, Ури Любрани и Зев Север
на параде угандийской полиции при участии
министра обороны и начальника полиции Уганды

Министр
иностраннх дел
Игаль Алон (вверху)
и министр труда
Ицхак Рабин (внизу)
посещают завод
«Сима» в Хулоне

Визит Гидона Пата, министра торговли и промышленности, и Авраама Орена, заместителя главы «Рехеша», на завод «Симат»

Президент Эфраим Кацир вручает автору диплом «Выдающегося экспортера» за 1978 год в присутствии министра торговли и промышленности Игаля Горовица

Автор и Ицхак Рабин

Автор и Лея Рабин

Президент Израиля Хаим Герцог
произносит приветственную речь на приеме

Автор, адъютант президента
и Нахум Сариг, командир Негевской дивизии

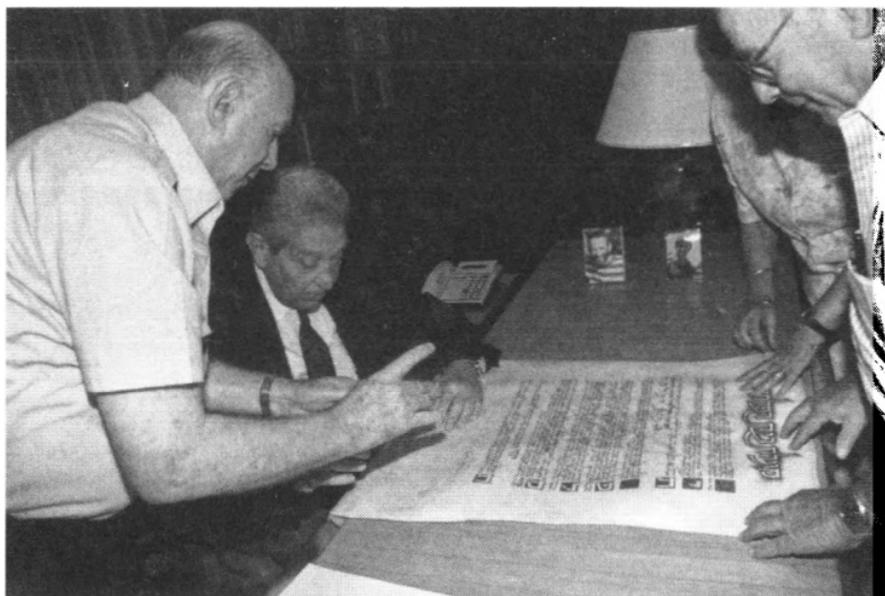
Справа — Авраам Адан. В момент захвата Эйлата,
за отсутствием настоящего знамени, водрузил
над зданием знамя, нарисованное чернилами.
Слева — Миха Пери, основатель и многолетний
председатель общества «Поколение ПАЛМАХа»

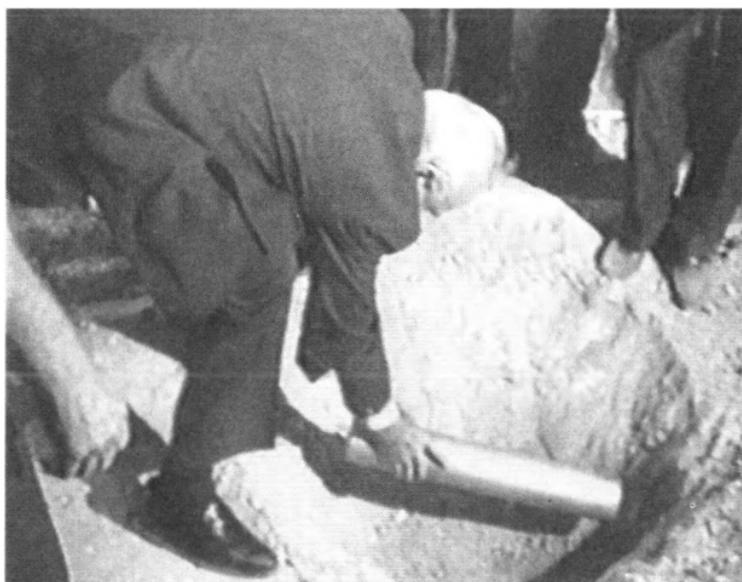
На церемонии закладки краеугольного камня —
Биньямин Бен-Элиэзер, Ицхак Навон,
Ицхак Рабин и автор

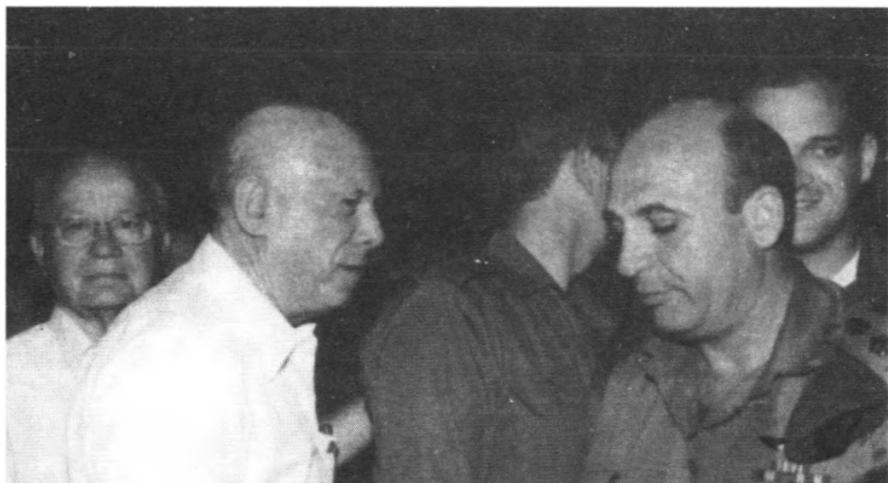
Генерал Гад Навон подписывает Декларацию
Дома ПАЛМАХа

Автор дает на подпись президенту Эзеру Вейцману
Декларацию Дома ПАЛМАХа

Закладка краеугольного камня.
Ицхак Рабин помещает цилиндр с декларацией
в яму, где будет заложен камень

Начальник генштаба Шауль Мофаз,
автор и Ицхак Хофи

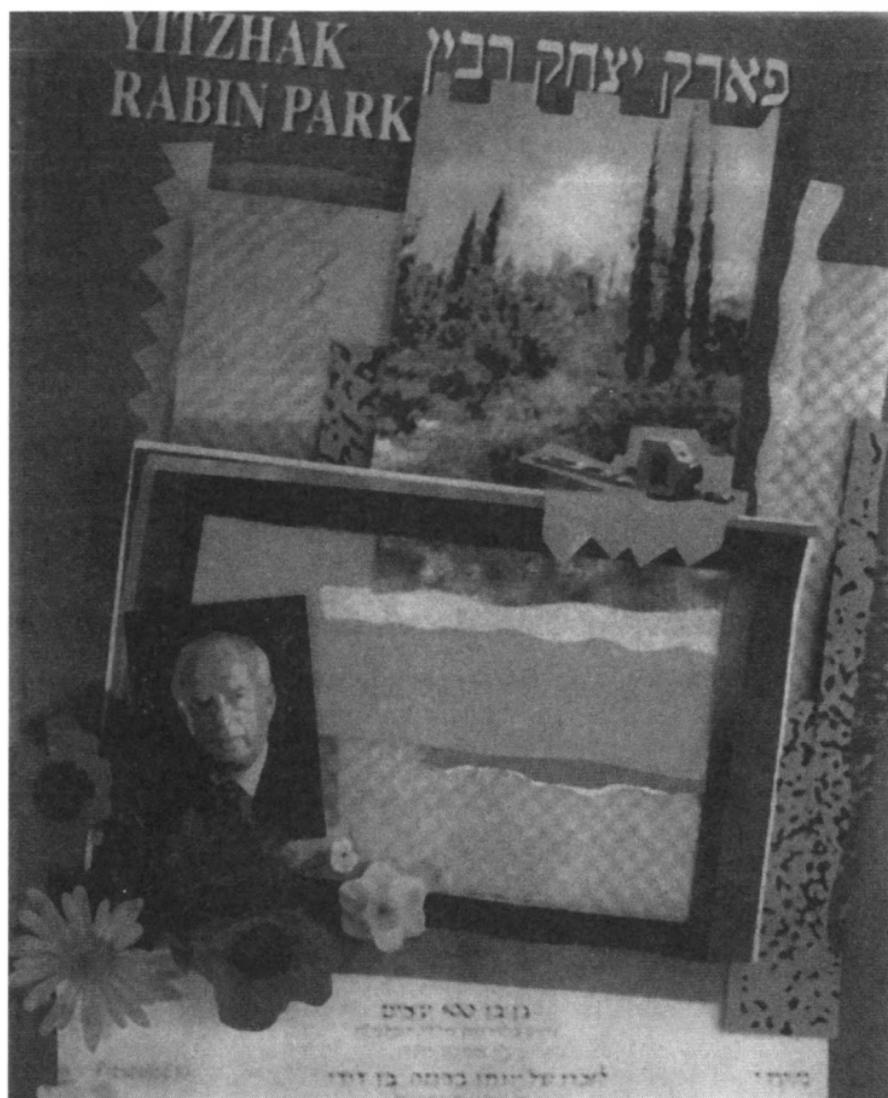
Автор, Йехиэль Лекет и Иска Шадми
перед церемонией в Лесу павших палмахников

**Автор и Менахем Росек открывают мемориальный камень
в память первых палмахников**

**Двора Блюм снимает покрывало
с обелиска памяти бойцов,
погибших в борьбе с англичанами**

Свидетельство о том, что в память Йонатана Брозы посажено в Лесу павших палмахников 100 деревьев.

Йонатан Броза, дядя автора, вступил в ПАЛМАХ по окончании сельскохозяйственной школы и погиб в возрасте восемнадцати лет в сражении под Кастелем

В трюме было темно и грязно. Вокруг сидели рыбаки с серьезными, нахмуренными лицами. В сыром воздухе повисло напряженное ожидание, тревога перед тем неведомым, что предстояло нам впереди. Я попытался разрядить атмосферу легким разговором на посторонние темы, но упорная мрачность рыбаков заставила меня замолчать.

Настроение у меня было отличное. Наконец-то начинается операция, к которой мы готовились столько месяцев, наконец-то совершается задуманное и спланированное нами. Наконец-то разрядится бесконечное напряжение, осуществятся надежды, переполнявшие нас днем, исчезнут сомнения, мучившие по ночам.

В порту никто не обращает на нас внимания. Последние указания рыбакам и механикам, якорь поднимают, и наше судно начнет скользить между маяком и волнорезом к выходу из бухты. Мы в открытом море.

Час уже поздний, после полуночи. Можно бы поспать до утра, но прилечь негде, кроме как на открытой палубе, под докучливым дождем. Сырость пробирала до костей; кое-как скрючившись под промокшими одеялами, мы пытались вздремнуть.

Утром непогода усилилась. Мы свернули к северу, в сторону предполагаемого маршрута «Арджиро». Подойдя на расстояние примерно десяти миль от порта, из которого вышел корабль, мы снова свернули к югу. Это как бы бесцельное плавание среди крутых волн, когда при каждом крене судно зачерпывало воду, скоро дало себя знать всем, и даже старые морские волки из нашего экипажа то и дело бегали к борту и возвращались бледные, вытирая губы рукавом куртки. Время подходило к одиннадцати, между тем, по нашим расчетам, корабль должен был пройти здесь между девятью и десятью. Мы начали опасаться, что не разглядели его рано утром в густом тумане или, может быть, он изменил курс и отклонился к востоку. Прождали еще два часа на непрерывно качающемся судне. Решили связаться с берегом, узнать точное время отплытия корабля из порта. Вынули рацию из ящика, попытались собрать ее. Кораблик наш кидало из стороны в сторону. Части аппарата

вылетали из ящика, пришлось распластаться над ним и держать все в руках. Антенну тоже удалось растянуть с величайшим трудом. После нескольких неудачных попыток мы установили связь с берегом».

Во всем виноват кок...

Пока рыбацкое суденышко болталось по волнам, мне пришлось изменить условленный с Давидом порядок действий. Вернувшись в Барри, мы с Марио и д-ром Росси немедленно отправились в порт, чтобы уточнить время отплытия «Арджиро». И там, к нашему изумлению, узнали, что отплытие отложено на десять часов утра на завтра, ибо кок не успел закупить весь необходимый провиант. Через д-ра Росси я вызвал с корабля старшего механика, чтобы договориться с ним о новом порядке действий. Я приказал ему поступить следующим образом: позаботиться о том, чтобы корабль следовал со скоростью 5,5 узлов в час и к десяти вечера дошел до Бриндизи. Там остановить корабль на три-четыре часа. Если за это время наше рыбацкое судно не подойдет, направить «Арджиро» в Отронто и стоять там до тех пор, пока не удастся захватить корабль либо потопить его. Механик ушел, заверив нас, что, насколько это зависит от него, в успехе можно не сомневаться. Это меня несколько успокоило, я видел, что дело находится в надежных руках. После этого я помчался в наш офис, связался с Далией и продиктовал ей телеграмму Давиду, сообщая ему новые указания.

Приступаем к захвату

Всю ночь мы с Марио просидели у телефона. Утром, побрившись и позавтракав, мы отправились в порт, пронаблюдать за отплытием «Арджиро». Марио и д-р Росси стояли у причала подле корабля, я поджидал их за воротами порта. И на этот раз — свершилось. В десять часов «Арджиро» поднял якорь. Марио и доктор вернулись ко мне, неся копию накладной груза. В ней было указано, что порт назначения корабля — Бейрут, через Александрию.

«Арджиро» покинул порт и вышел в открытое море, а мы немедленно вернулись в офис. Я позвонил Далии и продиктовал очередную телеграмму, сообщая Давиду, что корабль отплыл в назначенное время. Наша связь с рыбацким судном работала прекрасно. В четыре пополудни я получил телеграмму от Давида, где он сообщал, что «Арджиро» находится в их поле зрения, они идут на расстоянии трех миль от него. Без четверти десять пришла следующая телеграмма: «Арджиро» остановился, готовимся к захвату.

НАКЛАДНАЯ:

Судно: «Арджиро»

Порт погрузки: Барри

Заказчик: Министерство обороны Сирии

Контрактор: М-р Фуад Мардам-бей

Порт разгрузки: Александрия (Египет)

Конечное место назначения груза: Бейрут

Спецификация груза: 400 ящиков с винтовками, 11 ящиков с запасными частями, в общей сложности 411 ящиков.

3 (три) ящика с винтовками разбились во время погрузки. 60 (шестьдесят) винтовок из вышеуказанных трех ящиков доставлены в разобранном виде.

Все содержимое ящиков б/у.

Операция «Гур» завершена

Мы с Марио сидели в офисе. Комната была полна дыма, пол усеян окурками. Напряжение достигло высшей точки. Невозможно описать смешанные чувства, обуревавшие нас в эти минуты: и сознание ответственности, и тревога, и радость от того, что операция успешно идет по намеченному плану. Я целиком и полностью полагался на Давида и Оведа, был уверен, что они сумеют захватить корабль. Оба они за предшествующие два месяца ожидания, надежд, подготовки, непрерывно меняющихся планов проявили терпение и доказали свою преданность делу.

Два часа мы провели в офисе, ожидая новостей, прикуривая сигарету от сигареты, прикидывая на все лады наши шансы на успех. Невыносимое напряжение разрядил телефонный звонок. Далия прочла нам только что полученную телеграмму:

«№ 210145

Адресат: Нир*

Отправитель: «Пират»**

Находимся на корабле. Экипаж захвачен без потерь. Материалы и рация при нас. Рыбачье судно отправлено обратно. Корабль с добычей взял курс на Израиль. Ура!!!»

Невозможно описать нашу радость. Мы обнимались со слезами на глазах. Не теряя ни минуты, Марио отправился в соседнее кафе и вернулся с двумя бутылками шампанского. Мы выпили за здоровье Давида, Оведа и матросов. Бутылки быстро опустели.

Первым делом я распорядился, чтобы «Пират» вернулся в Мула-де-Барри.

«Курс 145 градусов, полный вперед!»

Вот что рассказывает Овед Садэ о захвате корабля:

«На море опустился легкий туман, стирая все краски. Мы прибавили скорость, чтобы держать корабль в поле зрения. Еще час-другой, и приступим к делу. И вдруг мы видим у себя за спиной моторный катер, который подает нам сигналы. Посмотрели в бинокль — не то таможенники, не то береговая охрана. Еще прибавили скорость, продолжаем следить за катером. Расстояние между нами сокращается. Если нас поймут, весь план насмарку. Развиваем максимальную скорость, но наш мотор не мо-

* Нир — подпольная кличка автора. (Примеч. автора.)

** Так называли наши ребята свое суденышко в телеграммах. (Примеч. автора.)

жет долго ее выдерживать. Нас успокаивает лишь то, что катер приближается к нам очень медленно, а тем временем туман сгушается, и мы сумеем ускользнуть.

Эта странная погоня — мы за «Арджиро», а катер за нами — продолжалась примерно полчаса. С катера еще посигналили и, не получая ответа, стали стрелять в воздух. Но мы мчались вперед, не замедляя хода. Через полчаса сигналы прекратились. Видно, тем надоело безуспешно гоняться за нами, и они ушли. Теперь на приготовления оставалось очень мало времени. Катер наверняка вызовет подкрепление, надо быстро провести операцию и уходить подальше. Мы вытащили чемоданы с ракетой и с взрывчаткой, оделись в приготовленные заранее мундиры итальянских морских офицеров. Прицепили к поясу пистолеты, погляделись в зеркало — отлично! Подошли к кораблю, который, как и было условлено, стоял на месте. Давид и я, с пистолетами в руках, вскарабкались на борт «Арджиро». Вызываем капитана и представляемся в качестве офицеров флота, в чьи обязанности входит проверка судна и его груза. Наши официальные мундиры и пистолеты в руках придавали всему совершенно правдоподобный вид.

Давид приказал созвать весь экипаж на проверку, а я с тремя нашими матросами поднял на борт чемоданы. Мы собрали экипаж в одной из кают, а затем сообщили капитану, что груз на его корабле чрезвычайно ценный, очень важно, чтобы он дошел по назначению в целости и сохранности, а потому вышестоящие инстанции решили передать командование кораблем нам. Отныне он должен выполнять наши приказы. Наше сообщение изумило капитана, однако, услышав приказ «Курс 145 градусов, полный вперед», он пришел в себя, занял свое место на мостике и начал отдавать в переговорную трубку распоряжения механикам, как и следует опытному дисциплинированному моряку.

Корабль тронулся, рыбацкое судно отчалило от нашего борта. Первый этап успешно завершен. Корабль в наших руках и идет в нужном нам направлении. Мы распорядились, чтобы капитан объявил своим матросам о новом положении вещей, что он и сделал.

Мы начали устраиваться. Капитан освободил нам свою каюту. Мы собрали рацию, установили связь с базой и с Израилем и доложили о происходящем. Один из нас всегда находился на командном мостике, дабы предотвратить изменение курса и пресечь любые попытки неповиновения или бунта».

Марио и я сидели в нашем офисе в Барри и дожидались рассвета — ночью не стоило шататься по улицам. Когда же город проснулся, мы первым делом отправились в парикмахерскую, побриться и вымыть голову. Эта операция полностью нас преобразила.

После завтрака я сел в самолет и отправился в Рим, а Марио задержался на несколько дней в Барри. Он должен был убедиться, что мы не оставили за собой никаких следов, а также позаботиться о рыбацком судне и его матросах.

В эти дни сын Шауля Авигура погиб в битве при Седжере, и наша операция была названа в его честь операцией «Гур». Шауля сменил на посту Пинхас Сапир. Прибыв в Рим, я в первую очередь доложил Сапиру об успехе.

Последнее плавание «Арджиро»

Я послал также в Израиль следующие телеграммы:

«Адресат: Лаиш»*

21 августа в 1 час 45 минут ночи мы провели операцию по захвату итальянского судна с грузом арабского оружия, направлявшегося из порта на юге Италии в Александрию.

Судно взяло курс на Израиль, ожидает дальнейших приказаний.

* Подпольная кличка Леви Эшкола (1895—1969), израильского общественного и государственного деятеля. В 1941 г. вошел в руководство Хаганы, отвечал за покупку и производство оружия. После образования Государства Израиль — генеральный директор министерства обороны. В 1963 г., после ухода Д. Бен-Гуриона с поста главы правительства, премьер-министр Израиля.

Груз включает в себя 400 ящиков с 8000 винтовок и 11 ящиков с запчастями.

Отплытие судна должно храниться в тайне.

Капитан — Давид; радист — Овед Садэ; остальной экипаж — итальянцы».

«Столица, 152

21.8

Адресат: Лаиш

Отправитель: Амнон

Добыча: 50 тонн. Направляется к вам. Ждем указаний».

22 августа я получил через Сапира, находившегося в Женеве, срочную телеграмму:

«Адресат: Ор

Адресат: Амнон

Отправитель: Лаиш

Мы готовы выслать два судна навстречу Исмаэлиту. Корабли заберут груз, не вступая по пути ни в какие морские стычки, могущие подвергнуть операцию риску. Исмаэлит должен подойти к одному из Додеканезских островов, там произойдет передача груза. Подробности — через несколько часов.

Мы получили четыре телеграммы из четырех различных источников. Сообщите одно имя, которое и будет единственным адресом.

Сообщите:

- а) последнюю географическую позицию;
- б) скорость корабля;
- в) порядок связи с кораблем;
- г) общее описание корабля».

Получив эту телеграмму, я позвонил Сапиру в Женеву, и мы договорились, что я отвечу на их вопросы и что во избежание недоразумений Израиль должен теперь связываться непосредственно с «Пиратом». Я связался с Давидом, сообщил ему новый план передачи груза и выяснил необходимые детали для встречи наших кораблей. Затем я ответил Эшколу:

«Адресат: Лаиш

Отправитель: Амнон

«Пират» находится на широте Южной Греции. Скорость: семь узлов. Описание: длина 24 метра, цвет серый, две мачты. Нагружен выше планшира. Груз 50 тонн. Примите в расчет, что операция проведена, не оставив ни малейших следов».

Сообщив Давиду, что Израиль будет связываться с ним теперь напрямую, я телеграфировал на родину:

«22.8

Срочно

Адресат: Лаиш

Отправитель: Амнон

- а) устанавливаем связь между вами и кораблем,
- б) ждем дальнейших указаний,
- в) судно сильно перегружено,
- г) у Давида имеются документы, доказывающие, что арабы нарушили соглашение о прекращении огня*.

В тот же вечер мы сообщили Давиду, что связь с Израилем установлена. 23 августа один из работников «Рехеша» летел на родину, и я воспользовался оказией, чтобы передать с ним рапорт об операции «Гур».

Одновременно я телеграфировал на родину:

«23.8

Адресат: Лаиш

Отправитель: Амнон

Завтра пополудни прибывает домой Лёва. Он везет вам письмо с рапортом о проведенной операции. Позаботьтесь, чтобы кто-нибудь встретил его в аэропорту и взял письмо».

* По соглашению о прекращении огня, обе воюющие стороны не имели права ввозить оружие. (*Примеч. автора.*)

Давид, полновластно управлявший судном, телеграфировал свои предложения, каким образом завершить операцию:

«Адресат: Лаиш

Отправитель: «Пират»

Экипаж и капитан все еще ничего не знают. Капитан считает нас египтянами; мы сообщили ему, что решено изменить курс, вместо Александрии — на Бейрут. Капитан обязан передать оружие египтянам. Если мы направимся в другой порт, придется употребить насилие, и они могут что-нибудь заподозрить раньше времени. Поэтому мы предлагаем приблизиться к берегам Эрец-Израэль и там конфисковать груз, представляющий собой явное нарушение соглашения о прекращении огня. У нас есть документы, доказывающие назначение оружия. Здесь важно, чтобы не стало известно, что мы завладели судном еще до конфискации. Вторая возможность: мы самостоятельно входим в Хайфский порт. Капитана обманем, сказав, что идем в Бейрут; и только в Хайфе сообщим ему правду. Мы готовы дать показания наблюдателям ООН и признать факт конфискации. По нашему мнению, расследование в Италии не даст никаких результатов и не может нанести нам политический ущерб. Ввиду опасности варианта с греческими островами, мы предпочли бы один из вышеизложенных вариантов».

Что мы сделаем с оружием?

В Израиле разгорелся спор, как же лучше завершить операцию. Одни считали, что, ввиду существующего эмбарго на ввоз оружия на Ближний Восток, следует открыто захватить корабль и передать оружие в ООН. Другие возражали против этих легальных методов, напоминая, что, в то время как в отношении Израиля эмбарго соблюдалось со всей строгостью, арабы получали оружие всевозможными путями: открыто — приобретая его за границей, и тайно — из британских источников в самих арабских странах. Нельзя забывать, что, попав в арабские руки, это оружие будет использовано в войне против нас.

Шауль Авигур идет к Давиду Бен-Гуриону

В своем доме на берегу озера Киннерет Шауль Авигур услышал о планах передать захваченное оружие в ООН. Вот что рассказывает об этом сам Шауль:

«В конце июля 1948 года, после гибели моего сына Гура в битве при Седжере, я вернулся на родину. Однажды, когда я находился у себя дома в поселении на берегу Киннерета, до меня дошли слухи о том, что хотя наши люди и захватили корабль с оружием, но оружие это, возможно, не попадет в руки нашей армии. Сообщил мне об этом проекте, кажется, Йоси Харэль... Должен признаться, что, услышав о намерении некоторых наших руководителей передать оружие в ООН, я был возмущен до глубины души. Мы с Йоси немедленно сели в джип и отправились в Тель-Авив, в генеральный штаб. Увидев, что в генштабе мне уладить это дело не удастся, в ту же ночь я, захватив с собой Йоси, помчался в Иерусалим. Там я разыскал в Сохнуте Бен-Гуриона, погруженного в обсуждение сложных экономических вопросов со специалистами. Я рассказал ему, о чем речь, завершив свое сообщение следующими словами: «Вот что я предлагаю. Мы это дело начали, мы его и завершим — это оружие должно попасть в руки наших бойцов. Поручи это мне». Бен-Гурион принял решение мгновенно. Сидевший рядом с ним экономист выразил сомнение, но Бен-Гурион сказал лаконично: «Иди и делай».

Я вышел на улицу. Йоси, с волнением поджидавший меня у джипа, удивился, что я вернулся так быстро. Я сказал ему, что все улажено, и мы тут же отправились обратно в Тель-Авив. На следующее утро мы были уже в Хайфе, и здесь выяснилось, что два наших корвета, «Веджвуд» и «Хагана», под командованием Шмуэля Яная, уже отправились навстречу «Пирату». Я разместился в штабе морского флота (правда, это было несколько против общепринятых служебных норм) и взял командование в свои руки. Связался по радиации со Шмуэлем Янаем и отдал ему необходимые распоряжения».

Дело идет к концу

«Пирату» был послан следующий приказ:

«Адресат: «Пират»

23.8

*Отправитель: Лаиш, Бен-Иегуда **

Замедлить ход. Каждые четыре часа сообщать свои координаты. План действий будет сообщен позже».

В ответ полетели радиogramмы от «Пирата».

«Адресат: Арнон

Отправитель: «Пират»

23.8

Координаты.

Время: 09:00 по Гринвичу.

35 град. 01 мин. сев. широты,

23 град. 05 мин. вост. долготы,

курс 110,

скорость 6.

Волнение умеренное».

«Адресат: Арнон

Отправитель: «Пират»

23.8

Бурное море в северном направлении. Меняем курс к югу, идем в сторону Крита».

«Адресат: Арнон

Отправитель: «Пират»

23.8

Время: 19:00.

35 град. 00 мин. сев. широты,

24 град. 16 мин. вост. долготы,

курс 110,

скорость 6.

Волнение умеренное».

* Одна из подпольных кличек Шауля Авигура. (Примеч. автора.)

*«Адресат: Лаиш, Бен-Иегуда, оперативный отдел
24.8*

Отправитель: «Пират»

1. Учтите, что завтра египтяне начнут искать корабль.
2. Дайте указание, где и когда произвести переброску оружия».

Штаб ВМС доложил министерству обороны:

*«Адресат: Шимон
24.8*

Отправитель: офицер связи Главного штаба ВМС

Мы вошли в контакт с командиром эскадры, которая вышла в море сегодня утром в составе судов «Веджвуд» и «Хагана». Командир эскадры на связи с «Пиратом». С нами можно связаться в течение ближайших 12 часов по телефону 6187. Ваши сообщения будут немедленно переданы в оперативный отдел.
Лева (Арье Элиав)».

«Пират» продолжает:

*«Адресат: Арнон
24.8*

Отправитель: «Пират»

Совершаем круговое движение на месте».

*«Адресат: Лаиш, Бен-Иегуда
Отправитель: «Пират»*

1. Сообщаем вам, что на борту нет подъемного крана.
2. Мы считаем, что и нас следовало бы уведомить о ваших планах относительно переброски груза и возврата судна и о том, на каких основаниях принято решение. Мы до сих пор ждем ответа. По нашим сведениям, полковник Мардам-бей намерен направиться в Александрию, чтобы принять там «Арджиро». Мы передали эту информацию в центр».

«Адресат: Лаиш

24.8

Отправитель: Амнон

Мардам-бей, контрактор «Пирата», отправляется 25-го числа сего месяца в Александрию. По нашим данным 25-го из Александрии выйдет в море корвет, который и встретится с «Пиратом» в 150 милях от Александрии.

Осторожно! Мины!

О том, что происходило тем временем на борту «Пирата», рассказывает Овед Садэ:

«Нам пришлось поработать как следует, чтобы у них не возникло ни малейших подозрений. С первой и до последней минуты нашего плавания пришлось непрерывно что-то сочинять и морочить им головы. Чтобы замаскировать свой странный выговор, мы выдали себя за уроженцев Востока. Мы сказали им, что нас послал на задание сам Мардам-бей, наш «общий знакомый». Задание же состояло будто бы в том, чтобы провести корабль между минными полями, находящимися у берегов Египта. Таким же образом появился на сцене и наш радиопередатчик, по которому мы якобы получали дальнейшие указания от полковника Мардам-бея. Например, перед тем, как изменить курс, мы сообщали капитану, что таков очередной приказ полковника. Время от времени мы передавали привет от полковника, слова ободрения, а также и обещание премии за благополучную доставку груза в порт назначения... Надо признаться, что мы сами удивлялись своей смелой игре, а также той легкости, с которой наш капитан поддавался на эти уловки».

Тем временем продолжался обмен информацией между «Пиратом» и центром:

«Адресат: Арнон

23.8

Отправитель: «Пират»

Продолжаем идти по курсу».

«Адресат: Лаиш, оперативный отдел, командир эскадры (Ш. Янай)

Отправитель: «Пират»

Находимся у пустынных берегов, координаты: Север 3455, Восток 2452. Продвигаться дальше не можем. Подходы затруднительны. Малогрузовое судно, возможно, не подойдет к нам. Предлагаем произвести переброску на корабли ВМС. Срочно ждем ответа».

«Отправитель: Флагман

Наши координаты

Дата: 25.8

Время: 05:00.

Север 3400.

Восток 3041.

Курс 243.

Скорость 6.

Море спокойно».

«Пират» и эскадра ВМС поддерживали связь вплоть до самой встречи.

«Адресат: Арнон

Отправитель: «Пират»

Дата: 25.8

Время: 13:00.

Север 3444.

Восток 2500.

Курс 90.

Скорость 4,5.

Море спокойно».

«Отправитель: «Пират»

Дата: 25.8

Время: 23:15

Вернулись на прежнее место».

«Отправитель: Флагман

Дата: 26.8

Время: 03:00.

Север 3502.

Восток 2634.

Курс 205.

Скорость 10.

Море спокойно».

«Арджиро» заупряился

26 августа наша эскадра подошла к «Арджиро» и быстро произвела «захват» корабля. Экипаж не оказал никакого сопротивления и был отправлен под арест. Давид и Овед были помещены отдельно, якобы для «спецдопроса», и сразу же началась перегрузка оружия на наши корабли. В полночь все было закончено. «Арджиро» решили затопить на месте, чтобы от него не осталось и следа. Но это оказалось не так просто. Ко всеобщему удивлению, «Арджиро», взорванный по всем правилам науки, отказывался тонуть и лишь ближе к утру, протараненный одним из наших кораблей, согласился отправиться на дно морское. Наша эскадра легла на курс в Хайфу.

30 августа наши корабли стали на якорь в Хайфском порту. Оружие выгрузили и передали ждущим его с нетерпением оружейникам. Они привели его в порядок, и очень скоро наши бойцы получили возможность пустить его в ход на всех фронтах войны за освобождение.

Что делать с ни в чем не повинным экипажем?

Сапир сообщил мне в Брюссель об успешном завершении операции. Мы с Иегудой Венецией и Зеэвом Грудзински отпраздновали это событие скромным ужином.

Во избежание возможных политических осложнений необходимо было задержать экипаж «Арджиро» в Израиле. При этом следовало обеспечить им самые необременитель-

ные условия содержания под арестом. После недолгих поисков было подобрано подходящее место — Бейт-Орен, один из красивейших и наиболее уединенных уголков в горах Кармеля. К дому была приставлена круглосуточная охрана, которой было приказано обращаться с арестованными как можно деликатнее и обеспечить им максимум удобств. Сюда доставлялась прекрасная провизия, итальянцев не заставляли работать.

У капитана все время болело горло. Матросы рассказали, что он страдал этим еще в Италии. Его обследовал врач и установил, что капитан болен туберкулезом и что состояние его весьма серьезное. Необходимо немедленно положить его в больницу. Несмотря на связанные с этим сложности, в октябре удалось поместить его в итальянскую больницу в Хайфе. По просьбе матросов, одному из них позволили навещать капитана в больнице. В ноябре состояние больного немного улучшилось, но по-прежнему оставалось тяжелым. И, несмотря на тщательное лечение и заботливый уход, спасти его не удалось. В середине ноября этот человек, волей случая затянутый в вихрь чужой войны, скончался в больнице.

Тело было перевезено на Кармель, и там члены экипажа вместе с охранниками выкопали могилу и похоронили его, а на могиле поставили крест с его именем и датами рождения и смерти.

Работникам «Рехеша» было тяжело и неприятно держать матросов в столь длительном заключении, и особенно это тяготило Авраама Броши, ответственного за содержание экипажа. Всем очень хотелось отправить итальянцев на родину, в лоно семьи, однако этого никак нельзя было сделать до тех пор, пока не придет «добро» от наших людей в Италии, пока они не удостоверятся, что осложнения с властями им не грозят.

На сцене появляется
министерство иностранных дел Италии

21 февраля 1949 года пришло письмо от Йоси Харэля, и в нем следующее сообщение. Матросы «Арджиро» ухитрились переслать в министерство военно-морских сил Италии пись-

мо с описанием всей операции, жалуясь на то, что корабль их затопили, а самих их незаконно держат в израильском концлагере. Письмо передано в итальянское министерство иностранных дел; наверняка последуют осложнения для нас.

Начни мы сразу заниматься улаживанием этого дела, удалось бы избежать больших неприятностей.

Итак, 3 марта итальянский консул в Хайфе обратился с письмом в консульский отдел нашего министерства иностранных дел, требуя возвращения корабля и экипажа. Дело было передано израильской полиции. Полиция произвела розыск и 29 марта обнаружила местонахождение четверых моряков — в домике на Кармеле, неподалеку от кибуца Бейт-Орен. Их допросили, а затем передали, вместе с протоколом допроса, итальянскому консулу в Хайфе.

Вскоре после этого в консульском отделе нашего министерства иностранных дел был получен меморандум, где среди прочего говорилось следующее:

«1. Протокол полицейского допроса, приложенный к письму из министерства иностранных дел от 22 апреля, которое поступило в консульство Италии в Иерусалиме, не содержит в себе никаких ответов на серьезнейшие вопросы, задаваемые итальянским консульством начиная с 3 марта сего года, за исключением того, что касается лично четверых матросов, найденных 29 марта поблизости от кибуца Бейт-Орен. [...]

Допрос производил человек, плохо владеющий итальянским языком, результатом чего явилась полная неразбериха, причина ареста осталась совершенно неясна.

2. Каждый из четверых матросов изложил консулу Италии одну и ту же версию событий, без малейших расхождений, а посему мы можем предложить полиции следующие поправки:

а) В момент отплытия корабля «Арджиро» из порта Барри на борту находился экипаж в составе семи человек, чьи имена перечислены в нашем письме от 3 марта: Джузеппе Бонсаро; Джузеппе Кампорале; Стефано Карузо; Рафаэле Саломини; Винченцо Сибати; Овидио Дель Пино; Анджело Лючизи.

На следующее утро после отплытия, в точке между Бриндизи и Отронто, на борт корабля поднялись еще пять человек, из них трое уроженцев Италии и двое иностранцев; таким образом, в момент, когда судно было захвачено израильскими военными кораблями № 18 и 20, на борту находились ровно двенадцать человек.

б) Те пятеро, которые поднялись на борт судна позже, а также механики Дель Пино и Лючизи и были главными действующими лицами операции по захвату судна и его груза.

в) Нет никаких сомнений, что военные корабли носили вышеуказанные номера, 18 и 20.

г) Четверо переданных нам матросов содержались вместе с капитаном Бонсарио под арестом: со 2 по 4 сентября в Тель-Авиве, в здании военной полиции; с 4 по 20 сентября в военной тюрьме в Яффо, и с 20 по 24 сентября в небольшом доме в том же городе. Они с легкостью могут опознать все эти здания. Итальянский доброволец по имени Карло Скарика, который содержался вместе с моряками в тех же тюрьмах в Яффо и которого консул Италии допросил 4-го сего месяца, подтвердил, что обе тюрьмы являются военными, под военным управлением и охраной и принадлежат регулярной армии Израиля. [...]

4. В полицейском рапорте утверждается, что расследование сильно тормозится отсутствием достоверной информации. С этим утверждением трудно согласиться.

5. Как бы то ни было, итальянское консульство в Хайфе, дабы помочь полиции, провело собственное расследование, и мы рады предоставить в ее распоряжение следующие данные.

Два военных корабля, захватившие 26 августа судно «Арджиро» и носящие номера 18 и 20, на самом деле называются «Хагана» и «Веджвуд». Этот последний и доставил экипаж итальянского судна в Хайфский порт. Оба эти корабля находятся, и всегда находились, в составе регулярного военно-морского флота Израиля. Посему для получения достоверной информации о том, что произошло с «Арджиро», достаточно было допросить обоих командиров этих кораблей.

Два механика, Дель Пино и Лючизи, на протяжении нескольких месяцев проживали в гостинице «Плаза» на улице Алленби в Тель-Авиве. Всего несколько недель назад они все еще были там. Во время своего пребывания в Тель-Авиве оба почти каждый вечер проводили в ресторане «Левиафан», рядом с гостиницей, где помогали хозяину ресторана г-ну Леви. За услуги, оказанные им израильскому флоту в деле с «Арджиро», они живут на полном содержании, не нуждаясь в заработке, поскольку получают ежедневное пособие; их семьи в Италии также получают значительное ежемесячное пособие. Полагаем, что полиции не слишком обременительно будет допросить хозяина ресторана и официанта, которые находятся на месте неотлучно.

Как сообщил четверым морякам «Арджиро», находящимся в данный момент в итальянском консульстве в Хайфе, один из членов кибуца Бейт-Орен, обнаружение их полицией 29 марта в уединенном доме, где они содержались, и перевод в другое место произошли при весьма странных обстоятельствах и по предварительному соглашению с секретариатом кибуца.

В случае необходимости консульство Италии в Хайфе сможет через несколько дней прибавить еще ряд интересных подробностей».

Нелегкая судьба Мардам-бея

Пока мы ликвидировали последствия истории с «Пиратом», до нас стали доходить сведения о мерах, принимаемых в связи с этим делом сирийцами.

24 марта сирийская газета «Аль-Айам» опубликовала обвинительный акт по делу полковника Фуада Мардам-бея, обвиненного в том, что сирийский корабль с грузом оружия на борту, который он должен был доставить в Сирию, «вместо Бейрута прибыл в Тель-Авив».

Суд заседал в следующем составе: генерал-лейтенант Фавзи Сало, генерал-лейтенант Рафик Факрат и генерал-лейтенант Махмуд аль-Ханди. Генеральный прокурор — ге-

нерал Мустафа Хахмат аль-Адви, его помощник — майор Хусни Нарси.

В газете излагается речь генерального прокурора.

«Министерство обороны купило в Чехословакии 8000 винтовок и 6 миллионов патронов к ним. Военная миссия в составе: генерал-лейтенант Фаузи Сало, полковник Азиз абд-аль-Карим и майор Джамаль Файсал, выехала на место для получения оружия и доставки его в Сирию. Комиссия связалась с фирмой «Интер-Спид», которая погрузила оружие, застрахованное на 50 000 долларов пражской страховой компанией «Сальвия», на корабль «Лино». По прибытии «Лино» в порт Мальфетта в Италии итальянскому правительству стало известно, что члены экипажа, состоящие в (коммунистическом) профсоюзе моряков, намерены передать находящееся на борту оружие компартии (дело происходило во время выборов в Италии). Итальянское правительство вмешалось, арестовало экипаж, наложило арест на судно и распорядилось перевести его в порт Барри, где оно и было затоплено со всем своим грузом; на этой стадии обвиняемый должен был приступить к исполнению своих обязанностей. Министерство обороны командировало его в Италию, с тем чтобы расследовать дело на месте, постараться спасти груз и затребовать страховую премию с фирмы «Сальвия». Обвиняемый получил также 80 000 долларов на дополнительные закупки оружия. Обвиняемому удалось частично спасти груз, который, согласно экспертной оценке, потерпел при затоплении ущерб в размере соответственно 15% (винтовки) и 80% (патроны). Министерство обороны приказало обвиняемому погрузить оружие на большое, надежное судно, застраховать его и выйти на нем в море. Обвиняемый не привлек «Сальвию» к судебной ответственности, несмотря на то что фирма отказалась выплатить страховую премию. Обвиняемый приступил к поискам подходящего транспортного средства. Он познакомился с сирийским торговцем по имени Мамрух аль-Хафед, который посоветовал ему обратиться к итальянской фирме «Фальбрика Досимони». Фирма бралась доставить оружие из Генуи в Бейрут за 2 миллиона итальянских

янских лир. Аль-Хафед предложил ему также застраховать груз не в «Сальвии», а в другой страховой компании. Обвиняемый, однако, не сумел прийти с этими фирмами к соглашению и таким образом потерял драгоценное время. Забыв высокую степень секретности своей миссии, он приступил к поискам другого транспортного агента и другой страховой компании. С этой целью он связался с итальянским адвокатом по имени Ноно. Тот предложил воспользоваться услугами фирмы «Дамико», которая и согласилась перевезти груз за пять с половиной миллионов лир. В последний момент, однако, обвиняемый отказался от услуг «Дамико» и приступил к поискам другой фирмы. Узнав об этом, сионисты обратились к итальянскому правительству и внесли ходатайство о наложении ареста на оружие. Из этого ничего не вышло. Тогда они прибегли к новой уловке и подослали к обвиняемому югославскую сионистку и коммунистку, журналистку по профессии, женщину редкой красоты по имени Бальмас, с тем чтобы она помешала обвиняемому выполнить задание. Познакомившись с обвиняемым, она приступила к осуществлению своей цели, обольщая его с помощью лукавых взглядов, сладких речей и коварных улыбок...

Обвиняемый, который обязан был заподозрить, каковы истинные цели г-жи Бальмас, и немедленно прекратить всякие с ней отношения (ибо ему известны были шпионские намерения сионистов в их борьбе против арабского народа), сблизился с ней и поддался ее преступному очарованию. Он часто бывал у нее дома, где устраивались, на средства обвиняемого, разгульные вечеринки с участием других особ типа Бальмас. Обвиняемый безоглядно сорил деньгами, так что это начало уже привлекать внимание итальянской полиции... В своем преступном увлечении он поселился в доме этой женщины, куда и стала поступать его корреспонденция, как личная, так и служебная. Понятно, что сионистская шпионка знакомилась с этими письмами. Двое его коллег, проживавших в Риме — Саади аль-Фара и Назир аль-Абед, — настоятельно советовали ему разорвать отношения с его сионистской возлюбленной, но он их не послушался, а, наоборот, под ее влиянием удалился от

дел и продолжал вести разгульную жизнь. Тем временем Мамрух аль-Хафед отправился в Дамаск с целью получения дальнейших инструкций по преодолению трудностей, возникших в процессе доставки оружия в Сирию, и, вернувшись оттуда, привез с собой официальное послание от сирийского правительства. Там говорилось, что обвиняемый должен советоваться с аль-Хафедом, как решать эти, в сущности надуманные, проблемы. Аль-Хафед вручил письмо обвиняемому и разъяснил ему инструкции, полученные им в министерстве обороны.

Обвиняемый сообщил аль-Хафеду, что он находится в контакте с неким Роло, который берется переправить груз за 5 500 000 лир. Однако адвокат Ноно, принимавший участие в разговоре, сообщил, что судно, предназначенное для выполнения операции, арестовано за долги. Аль-Хафед немедленно отправился в Милан и снова обратился в фирму «Фальбрика Досимони», которая и согласилась перевезти груз из Барри в Геную на грузовиках, а из Генуи в Бейрут — на корабле «Хедив Исмаил» водоизмещением 5000 тонн. Аль-Хафед предложил обвиняемому вступить с фирмой в переговоры.

16 августа 1948 года «Фальбрика Досимони» известила аль-Хафеду, что, как сообщил им полковник Фуад Мардам-бей, итальянское правительство не дает разрешения на перевозку оружия по итальянской территории и поэтому необходимо доставить груз из Барри в Мессину, а не в Геную. Не желая портить отношения с аль-Хафедом, фирма согласилась на этот вариант, распорядилась направить «Хедив Исмаил» из Барри в Мессину и приготовила там также резервное судно, корабль «Каримани». 19 августа 1948 года аль-Хафед получил телеграмму, в которой фирма уведомляла его, что обвиняемый требует доставить груз из Барри прямо в Бейрут; при этом фирма сообщала, что она уже израсходовала 162 886 лир на подготовку транспорта для перевозки груза из Барри в Мессину. Хотя благодаря вмешательству адвоката Ноно итальянское правительство уже дало разрешение на перевозку оружия из Барри в Мессину по суше, как и было желательно с самого начала, обвиняемый, не обращая внимания ни на распоряжения министерства обороны,

ни на требования аль-Хафед, ни на советы адвоката Ноно, завязал отношения с неким транспортным агентом по имени Манара, хозяином небольшого судна «Арджиро» водоизмещением 110 тонн, и подписал с ним контракт на перевозку оружия.

В то время как судовладелец Манара застраховал свой корабль, стоимость которого не превышает 8 миллионов лир, обвиняемый не удосужился застраховать груз стоимостью до 200 миллионов лир, хотя ему и было ассигновано 80 000 долларов для этих целей. На кораблях этого рода ничего не стоит внести любые изменения в судовые документы — такие, как судовой журнал, описание характера груза, накладная и т.п. Поскольку корабль так и не прибыл к месту назначения, логично предположить, что имел место сговор между обвиняемым и судовладельцем или между обвиняемым и членами экипажа.

Вернемся теперь к самому обвиняемому. Нарушив все полученные им инструкции, он договорился с г-ном Манарой о доставке оружия из Барри в Александрию — так он утверждает, — тогда как в накладной (и более нигде) указано, что груз будет доставлен из Барри в Бейрут. Этот договор был заключен между ними конфиденциально и секретно. *Получателем в накладной было указано министерство обороны Сирии, в прямом противоречии с инструкциями, полученными обвиняемым, который обязан был проставить в соответствующей графе «Пакистан», чтобы обеспечить надежную доставку оружия к месту назначения.*

Кроме того, обвиняемый не уведомил аль-Хафед о предпринятых им шагах, хотя и знал, что Манара — лицо ненадежное, связанное с коммунистическими элементами, поставщиками судна «Лино», позже затопленного, и хотя египетский представитель в Риме предупреждал его, что сионисты охотятся за этим грузом оружия. Несмотря на все это, обвиняемый отправил оружие на корабле Манары и телеграфировал в министерство обороны, что «Арджиро» вскоре прибывает в Александрию. Видя, что этого не происходит, обвиняемый вернулся в Рим, чтобы узнать, где же находится его

судно. Все это время он не переставал развлекаться с Бальмас, живя с нею в гостинице «Диана» в Милане. Телеграммой министра обороны он был вызван в Александрию и, встретившись там с министром, отправился в Дамаск, где его принял президент республики. Он доложил президенту, что корабль находится у берегов Греции, и, на вопрос о страховке, солгал, что груз застрахован. В ответ на просьбу предъявить страховой полис обвиняемый заявил, что он у него в чемодане, который остался в Риме. Вернувшись туда, обвиняемый встретился с аль-Хафедом и адвокатом Ноно, который и разъяснил ему, что страховка, оформленная на судно «Лино» (к этому времени затопленное), не распространяется ни на какое другое судно и что за страхование «Арджиро» надо было платить отдельно. Кроме того, обвиняемый не заплатил и за погрузо-разгрузочные работы, после окончания которых аль-Хафед вынужден был уплатить миллион лир в счет погашения долгов обвиняемого. Поведение обвиняемого доказывает, что ему была безразлична дальнейшая судьба вверенного ему оружия, от которого он, по-видимому, стремился избавиться любыми средствами, поскольку уже запродавал его евреям. Тот факт, что он не застраховал оружие, доказывает, что он был совершенно не заинтересован в благополучной его доставке в Бейрут, полагая, что новый покупатель должен заботиться о доставке его к новому месту назначения.

Компетентные органы, считая, что обвиняемому все же можно доверять, намеревались отправить его вместе с аль-Хафедом и г-ном Фаркута в Грецию для выяснения местонахождения корабля. Однако привязанность обвиняемого к городу Риму и его соблазнам взяла верх, и, не согласовав этого шага с властями, он купил билет в Италию. Это возбудило подозрения руководства, и он был арестован. Но и за тюремной решеткой обвиняемый не забыл своей возлюбленной Бальмас и в письме к адвокату Ноно просил передать ей, что он о ней помнит и вернется к ней, как только его освободят. Она же его позабыла. У нее уже было другое задание.

В конце концов аль-Хафед и Фаркута отправились в Грецию разыскивать «Арджиро». Греческие портовые власти сообщили им, что здесь об этом корабле ничего не известно, и тогда они предположили, что «Арджиро» попал либо в руки сионистов (80% вероятности), либо коммунистов (20%). Через некоторое время выяснилось, что корабль вместе со своим грузом благополучно прибыл в Тель-Авив. Это стало известно через итальянского консула в Иерусалиме, который сообщил адвокату Ноно, что в Израиле находится группа итальянских моряков. Кроме того, через 12 дней после отплытия «Арджиро» в Италии объявился один из членов его экипажа. Выяснилось, что он остался на берегу, а вместо него на борт поднялся, видимо, тот человек, который и перекупил оружие.

Расследование показало, что обвиняемый, вместе со своими друзьями Даиком, Саламом и Одати, является компаньоном фирмы «Братья Мардам» и их пай составляет 45 миллионов сирийских фунтов. Выяснилось также, что на его счету в Арабском банке в Каире лежат 508 египетских фунтов. Кроме того, в итальянских банках у него имеются счета в разных валютах — итальянских лирах, долларах США, швейцарских франках и фунтах стерлингах, а также депозиты в золоте.

На следствии он показал, что все эти средства приобретены в результате коммерческих сделок, однако на самом деле это деньги, полученные им от сионистов за проданное им оружие.

Прокурор просил суд сделать все необходимые выводы из представленного им материала и признать обвиняемого виновным в измене своему народу и всем арабским народам, ибо он передал оружие в руки врага в самые тяжелые дни нашей войны. Прокурор потребовал приговорить обвиняемого к смертной казни.

Свидетели — Башир Рамадан, Саади аль-Фара, Назир аль-Абд, Мамрух аль-Хафед и адвокат Ноно подтвердили информацию, представленную обвинением. Защитники — Эмиль Лахуд и Джамиль аль-Джаби — очень энергично защищали Мардам-бея. Они обнаружили некоторые противоречия в доводах обвинения. Так, они доказали, что г-жа Бальмас отнюдь не еврейка,

а католичка и что один из родичей президента Ливана посещал ее во время своего пребывания в Италии. Они также просили суд судить их подзащитного на основании подлинных фактов, а не домыслов».

На этом кончается статья из сирийской газеты «Аль-Айам».

Размышляя о прошлых днях

С тех пор прошло немало лет. Все эти события теперь уже история. Но и я, и мои друзья часто спрашиваем себя: имело ли то, что мы делали, смысл? Ведь мы подвергали опасности не только людей, но и само дружественное отношение Италии к нашим интересам. Такие дела, как операция «Лино», а особенно операция «Гур», затопление «Арджиро», арест его капитана и экипажа, — могли кончиться очень печальными поражениями на дипломатическом фронте, и мы лишились бы опоры в Италии, которая в тот трудный месяц март 1948 года была одной из самых дружественных к Израилю стран.

Ответить на этот вопрос далеко не так просто.

Колесо истории не повернуть вспять; поэтому я попробую восстановить ход событий на фоне того, что происходило в то время в Государстве Израиль.

Прежде всего, определяющий момент: с того дня, как началась операция по доставке оружия (8000 винтовок и 6 миллионов патронов) на «Лино» в Сирию, и до середины августа, когда оружие прибыло в Израиль на борту «Арджиро», прошло пять месяцев. За это время положение в стране радикально изменилось. Восемь тысяч винтовок и шесть миллионов патронов — в марте 1948 года им просто цены не было! Вспомним, что, когда Эхуд Авриэль организовал доставку оружия на корабле «Нора» в апреле 1948 года и привез с собой 4500 винтовок, это считалось огромным достижением.

А отобрать 8000 винтовок у сирийцев в марте 1948 года — это была, безусловно, операция первостепенной важности.

Чтобы получить представление о масштабах этого дела, надо вспомнить, что все арабские страны вместе обещали

своей «Армии вызволения» 10 000 ружей и по 500 патронов на ружье*. То оружие, которое они действительно поставили, было устарелого образца, а боеприпасы — нестандартные, разнокалиберные, изготовленные разными фирмами в разных странах. Восемь тысяч новеньких, современных винтовок, снабженных стандартными боеприпасами, могли бы послужить мощным подкреплением арабским войскам на северном фронте в этот критический для нас момент Войны за независимость. А месяц спустя, когда началась битва за Иерусалим, нам пришлось даже, хотя и с тяжелым сердцем, изымать оружие у своих же — у поселенцев.

Подумав обо всем этом, читателю легче будет оценить все значение проводимых нами в те дни операций, о которых рассказывается на этих страницах.

* В этом проекте — поставке 10 000 винтовок арабской «Армии вызволения», гарантированной арабскими странами, — было также нечто пикантное: Иордания, обещавшая тысячу винтовок, поставила только пятьсот, как и Ливан. Ирак обещал 2000, поставил 1260 Египет, который тоже гарантировал 2000, поставил только 800 Саудовская Аравия превзошла всех: она обещала 2000 ружей, а поставила 1600, притом таких, из которых нельзя было стрелять. Это еще раз говорит о том, как важно нам было тогда получить 8000 современных, исправных винтовок, снабженных к тому же в избытке патронами. (*Примеч. автора.*)

САМОЛЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Два больших самолета,
предназначенных для Египта

В начале августа 1948 года Дани Агрон, занимавшийся тогда нашей «Воздушной службой», которая перевозила добровольцев МАХАЛа через Италию в Израиль, сообщил мне следующее. Ему стало известно, что в мастерских аэродрома Ничелли-дель-Лидо в Венеции по заказу из Египта ремонтируются два больших самолета: четырехмоторный «Савойя-Марчетти-95» и трехмоторный «Фиат-Джи-212». Одновременно и по другим каналам стали поступать сообщения о том, что египтяне активно занимаются приобретением самолетов.

Я запросил нашу информационную службу относительно сроков завершения работ. Бенц (Бен-Цион Стоплер), один из самых отважных наших работников, отправился в Венецию, чтобы лично проверить все на месте. На следующий день я узнал, что первый самолет будет готов к 17—18 августа. Я сообщил об этом Шаулю в Израиль и Сапиру в Женеву и запросил их согласия на уничтожение самолетов с помощью взрывчатки. Получив положительный ответ, я немедленно полетел в Венецию. Спускаясь по трапу своего самолета, я сразу же увидел то, что меня интересовало, — самолеты, заказанные египтянами, стояли возле мастерских у всех на виду. Маркировка на крыльях и на корпусе не оставляла никакого сомнения в том, что самолеты принадлежат египетским военно-воздушным силам.

Катер, отвозивший пассажиров из Лидо в город, ожидался минут через двадцать, и я, прогуливаясь по небольшому аэродрому, пытался оценить возможности доступа к египетским самолетам.

Приехав в Венецию и поселившись в гостинице, я снова отправился в Лидо, чтобы разведать подступы к самому аэродрому. Я обошел весь аэродром и его окрестности и вернулся домой. Здесь я тщательно проанализировал добытую информацию и наметил планы соответствующих операций. На следующий день, улетаая в Рим с того же аэродрома, я еще раз проверил свои соображения.

Когда я прибыл в наш офис в Риме, план операции уже полностью сложился у меня в голове, и я немедленно приступил к его воплощению. Группа была составлена мною следующим образом: командир — Гидончик; главный подрывник — Бенц (Бен-Цион Стоплер); «девушка для сопровождения» — Шош (Шошана Бентвич), сотрудница нашего отдела связи; поддержка и обеспечение безопасности операции — Альфредо, наш итальянский сотрудник. Я вызвал к себе Гидончика и изложил ему программу действий. Встал вопрос: как добиться такого взрыва, который заведомо разрушил бы самолеты полностью? Поскольку у нас было мало опыта в подобных диверсиях, я решил обратиться за советом к Элу Шоймеру, инженеру-авиаконструктору (в будущем — руководителю авиапромышленности в Израиле), члену МАХАЛа, находившемуся в то время в Риме. В консультации принял также участие Давид Фромер. Рассмотрев все варианты, мы решили, что лучше всего заложить взрывчатку на крыльях, поближе к корпусу самолета и бензобаку.

Взрыв с помощью «карандашей»

При таком размещении заряда сразу же после взрыва весь самолет будет охвачен пламенем. После того как мы определили место расположения заряда, количество взрывчатки и время, необходимое подрывникам, чтобы отойти на безопасное расстояние, Давид отправился в мастерскую в Неми. Там они с Сало прикрепили к толовым шашкам полученные из Израиля детонаторы-таймеры, прозванные нами из-за их характерной формы «карандашами». Приготовили фольгу, чтобы завернуть в нее взрывчатку с целью маскировки. Работали в лихорадочном темпе. Наши люди в Риме

чувствовали, что готовится какая-то операция, но я принял меры к тому, чтобы никто, кроме непосредственных участников, не знал, что именно готовится и в каком месте. Все участники обязались хранить эти сведения в глубокой тайне. Это обстоятельство — что только часть наших сотрудников была в курсе дела — привело к некоторой напряженности в группе; появились недовольные и обиженные. Но полная секретность была необходима, иначе под угрозой оказались бы успех операции и безопасность как ее исполнителей, так и всей нашей группы.

Все приготовления были завершены вовремя. Операция была назначена на 15-е число, и я доложил об этом Шаулю в Израиль и Сапиру в Женеву.

Как было условлено у нас с Гидончиком, исполнители поодиночке отправились в Венецию, где и должны были встретиться. Затем они вернутся в Венецию и, каждый своим путем, отправятся в Рим.

Операция выполнена точно по плану

Вот что рассказывает Гидончик о выполнении операции:

«Мне было поручено возглавить группу подрывников с целью уничтожить два египетских самолета, которые стояли в венецианском аэропорту и готовились к взлету. Предварительная разведка, которую произвели Бенц и Амнос, установила, что это вполне возможно.

Было решено взорвать самолеты конусообразными толовыми шашками, прикрепленными в том месте, где верхняя часть крыла подходит к бензобаку. Взрывчатка, заранее приготовленная в Неми, была упакована в чемодан и передана нам вместе с таймерами и детонаторами, упакованными отдельно.

Утром 15 августа я вылетел в Венецию. На аэродроме Лидо я сразу распознал нужные самолеты — как по описанию, полученному мной ранее, так и по опознавательным знакам египетского воздушного флота. Вокруг аэродрома была ограда высотой около 2,5 метров, но охранялась она слабо. Обойдя аэродром снаружи, я наме-

тил наш сборный пункт, место, где можно перебраться через ограду, и подходы к самолетам.

Бенц, Шош и Альфредо приехали в Венецию по железной дороге, каждый отдельно. Альфредо привез с собой взрывчатку и детонаторы. В Венеции он должен был остановиться у своих знакомых и ждать наших указаний. Шош поселилась в гостинице. Бенц и я назначили место встречи — кафе на площади Сан-Марко. Закончив другие дела, я отправился в Лидо и до двух часов пополудни занимался обследованием местности. Затем мы встретились с Бенцем на площади Сан-Марко, позвонили Шош в гостиницу и отправились к Альфредо. Дом его друзей мы нашли далеко не сразу. Альфредо сообщил нам, что оставил чемодан и детонаторы в камере хранения на вокзале. У нас оставалось уже не так много времени. Мы снова позвонили Шош и вызвали ее в то же кафе. Здесь я изложил им следующий план действий. Шош, Бенц и я, изображая туристов, с чемоданом, в котором сложена смена одежды, отправляемся к сборному пункту. Альфредо, неся чемодан с материалами, следует за нами на расстоянии, не выпуская нас из поля зрения. Когда мы доходим до сборного пункта, Альфредо присоединяется к нам, передает материалы и бросает пустой чемодан в воду. Он и Шош ждут нашего возвращения, а мы закладываем взрывчатку и запускаем таймер.

Договорившись обо всем, мы отправились каждый своей дорогой. Альфредо поехал на вокзал за чемоданом, а мы дождались условленного часа и отправились в Лидо. Все переезды по каналам на катерах отнимали немало времени. Мы встретились в Лидо в условленном месте и немедленно отправились на сборный пункт. Еще раньше я заметил там небольшое строение, где Бенц и я смогли переодеться. По нашему знаку подошел Альфредо и передал материалы. Мы подошли к ограде. Альфредо и Шош тем временем утопили пустой чемодан. Затем они подошли ближе, а Бенц и я, помогая друг другу, перелезли через ограду. Под прикрытием брошенных служебных зданий, скрываясь в тени живой изгороди, мы подошли к самолетам, вокруг которых не

было никакой охраны. Мы взобрались на четырехмоторник, установили на нем заряд, затем проделали то же самое и с трехмоторным самолетом. В 03:00 мы задействовали «карандаши», установив таймеры на трехчасовой интервал с таким расчетом, чтобы устройство сработало где-то в шесть утра. И тем же путем, что и пришли, вернулись к ограде. Альфредо и Шош с той стороны просигналили нам: путь свободен. Мы перелезли через ограду, переоделись и поодиночке отправились к причалу, куда подходили катера, отвозившие пассажиров из Лидо в город. Шош вернулась в гостиницу, ей поручено было дожидаться утра и вылететь обратно в Рим, в аэропорту пронаблюдав собственными глазами результаты нашей операции».

«Карандаши»... не сработали

Альфредо сел на поезд и поехал в Рим через Милан, а Бенц и я поехали прямо в Рим. Вечером в газетах появилось сообщение, из которого следовало, что взрыва не произошло. Главный техник мастерских аэропорта нашел взрывчатку, обходя на рассвете свой участок. Утром предстоял визит важного лица, египетского принца Сулеймана, племянника короля Фарука. Принц прилетал, чтобы лично убедиться, в каком состоянии находятся самолеты. В аэропорт были вызваны саперы-артиллеристы, которые размонтировали заряд, увезли взрывчатку на берег моря и там ее взорвали.

Из газеты «Коррьере Ломбардо» от 16—17.8.1948:

«Загадочная диверсия в Лидо, Венеция. Взрывчатка на двух ремонтируемых самолетах. Катастрофа, предотвращенная в последний момент. Еврейские террористы?»

Венеция, 16 августа. Загадочный террористический акт не состоялся вчера рано утром в аэропорту Ничелли в Лидо, Венеция. Предотвратил его главный техник мастерских, ранее принадлежавших фирме «Алла Литтория». Во время обхода своего участка в порядке подготовки к приему египетского принца Наифа Сулеймана,

племянника короля Фарука, ожидавшегося в то же утро, главный техник обнаружил 5 зарядов, установленных на двух больших самолетах, почти готовых к эксплуатации. Три заряда были обнаружены на левом крыле четырехмоторного самолета «Савойя-Марчетти», два — на трехмоторном «Фиате-Джи-212». Оба самолета находятся на завершающей стадии подготовки к полетам на новых международных линиях итало-египетской компании «Саит Иджипт». Администрация аэропорта сообщила властям о происходящем, на место происшествия прибыл офицер-артиллерист с несколькими саперами. Соблюдая все необходимые меры предосторожности, они демонтировали взрывные устройства и разрядили их. Каждое устройство содержало в себе по три килограмма мощного взрывчатого вещества, а также детонатор, который и должен был вызвать взрыв.

Охрана аэропорта не заметила ночью ничего подозрительного. Трехмоторный «Фиат» вылетел в тот же вечер в Турин. Оба самолета предназначались для ночных рейсов Рим — Каир; вчера утром на борту должна была находиться египетская администрация фирмы во главе с ее президентом, принцем Наифом Сулейманом.

Предполагается, что ответственность за террористический акт лежит на подпольной еврейской организации».

Из газеты «Коррьере динформационе» от 16—17.8.1948:

«Предотвращен террористический акт. Взрывные устройства обнаружены на египетских самолетах.»

Венеция, 16.8.1948. На аэродроме Сан-Николо в Лидо стоят два итальянских самолета: один четырехмоторный, другой трехмоторный, которые одна египетская фирма намерена использовать для перевозки пассажиров на линии Рим — Каир.

Сегодня утром там ожидался визит принца Сулеймана, племянника короля Фарука. Незадолго до этого главный техник мастерских аэропорта произвел осмотр самолетов и обнаружил там пять хорошо замаскированных трехкилограммовых взрывных устройств. Саперы-артиллеристы, срочно вызванные на аэродром, демон-

тировали взрывные устройства, разрядили их, отвезли на берег моря и там уничтожили, открыв по ним огонь из стрелкового оружия. Ответственность за террористический акт следует, по-видимому, возложить на организацию ЭЦЕЛЬ».

Так писали об этом происшествии итальянские газеты...

Хотя сама операция была выполнена безупречно, в точном соответствии с планом и с полным соблюдением секретности, однако в техническом отношении это был, разумеется, полный провал, требовавший немедленной и тщательной проверки детонационных устройств. Возникло подозрение, что они пришли в негодность из-за превышения срока давности, а потому и не сработали. Я поручил Давиду Фромеру проверить это предположение, а сам вечером того же дня отправился в Барри, где меня ждал «Пират» (см. главу 6, Операция «Гур»).

Глава 8

ПРИКАЗ ЕСТЬ ПРИКАЗ

От Дани Агнона, следившего за тем, что происходит в итальянских авиационных кругах, мы узнали, что египтяне ведут переговоры с итальянской фирмой «Тассо» во Флоренции о приобретении пяти аэропланов «дакота». Гидончик, Бенц и я осмотрели флорентийский аэродром. Я наметил пути доступа к самолетам и маршруты отхода исполнителей на исходные позиции. Визуальный осмотр позволял заключить, что самолеты находятся в исправном состоянии и готовы подняться в воздух. Я вернулся в Рим и запросил указаний от Шауля. Он дал согласие на проведение диверсии, но только при одном условии: не взрывать самолеты, пока они стоят в аэропорту под итальянскими опознавательными знаками, а только когда и если эти знаки будут заменены на египетские.

Мы пристально следили за ходом египетско-итальянских переговоров, а также не теряли из виду и сами самолеты. Взрывные устройства на этот раз должны были действовать по другому принципу. Тринитротолуолу (толу) придали форму ленты, а эта лента была обмотана вокруг банок с коктейлем Молотова. Банки предполагалось установить на самолете. Устройство было снабжено двумя бикфордовыми шнурами с задержкой в 100 секунд, два подрывника должны были поджечь их один за другим, после чего немедленно сесть в машину и уехать в Рим. Гидончик и Бенц произвели дополнительную разведку во Флоренции.

Вскоре Дани Агنون сообщил мне, что египетско-итальянская сделка завершилась успешно и завтра самолеты вылетают в Египет. Я немедленно вызвал Гидончика и сообщил ему свое решение: сегодня же ночью взорвать все пять

самолетов. Я назначил его командиром. Под его началом должны были действовать Бенц, подрывник и Барух, водитель, которого я снабдил машиной из наших секретных фондов. Подрывные средства, приготовленные заранее, были тщательно проверены и спрятаны в машине, и исполнители направились из Рима во Флоренцию.

Не веление сердца,
но опознавательные знаки...

Вот что рассказывает об этой операции Гидончик:

«Место проведения операции было нам известно из данных предварительной разведки, которую произвели Бенц и я. Мы приехали туда после полуночи. Остановившись в роще неподалеку от места расположения самолетов и оставив Баруха в машине, мы с Бенцем направились к самолетам. Между ними расхаживал охранник с фонарем. Мы подползли к крайнему самолету, чтобы проверить, заменены ли на нем опознавательные знаки. Прежде чем приступить к делу, мы собирались связать охранника.

Когда мы подползли поближе, то убедились, что итальянские опознавательные знаки по-прежнему на месте. Их не заменили на столь желанные нам египетские. Хотя мы прекрасно понимали, что завтра утром эти самолеты улетят в Египет и там будут использованы в войне против нас, однако мы обязаны были следовать приказу, а не велению сердца, и нам пришлось уйти ни с чем».

На следующий день эти самолеты поднялись в воздух и улетели в Египет — а мы, находясь от них в двух шагах и имея полную возможность их уничтожить, вынуждены были воздержаться от этого. Слишком много у нас было в Италии планов на будущее, и мы не имели права рисковать, привлекая к себе чрезмерное внимание властей.

Глава 9

ГИДОНЧИК

Наши источники информации сообщали о повышенной активности арабской агентуры в генуэзском порту. Она стала регулярно перебрасывать оружие из Генуи в Египет. В Геную была направлена группа, чтобы организовать там нашу базу. Для работы координатора следовало освободить один из домов, в которых были размещены беженцы. Я договорился с координатором, что группа оборудует в подвале этого дома тайник для хранения взрывчатки и детонаторов. Закончив работу, группа вернулась обратно в Рим.

«Розалин» ускользает из наших рук

В конце августа поступило срочное сообщение из Генуи о том, что на корабль «Розалин» грузят оружие, предназначенное для Египта. Я немедленно отправил Гидончика и Гидона в Геную, проверить это сообщение и установить, нельзя ли совершить диверсию.

В тот же день Гидончик позвонил мне из Генуи и сообщил, что они произвели рекогносцировку в порту и осмотрели причал, с которого производится погрузка. Корабль стоит под красным сигнальным флагом, то есть там происходит погрузка легко воспламеняющихся и взрывчатых веществ. Причал находится под усиленной полицейской охраной. Ясно было, что на «Розалин» грузят оружие и что судно собирается отплыть в Александрию. Вечером они произвели еще одну рекогносцировку и увидели, что «Розалин» поднимает якорь и выходит в открытое море. Так, буквально на наших глазах, у нас из-под носа уплыла возможность провести хорошую операцию.

По полученным нами сведениям, часть оружия не была погружена на «Розалин» и должна была отправиться в Египет на другом корабле, «Изабелла», который прибывал в Геную через несколько дней. Я дал Гидончику и Гидону указание оставаться в Генуе, продолжать наблюдение и выработать план диверсии на «Изабелле». В Неми Давид Фромер и Йоселе Дрор приготовили мины «Алука» и прочее снаряжение. Йоселе отправился в Геную, отвез туда материалы и проинструктировал Гидончика, как с ними обращаться. Материалы были сложены в тайнике, и Йоселе вернулся в Рим.

Коварная «Изабелла»

Следующую неделю Гидончик и Гидон провели на территории порта, тщательно отработывая план операции. Предполагалось проникнуть под покровом ночи на тот причал, к которому должна была пристать «Изабелла». Согласие руководящих органов на проведение операции было получено.

«Изабелла» прибыла в порт и стала у причала, с которого производилась погрузка обычных грузов. Гидончик и Гидон, наблюдая через своего местного агента за происходящим, сообщили мне, что арабы решили не использовать «Изабеллу», а дожидаться возвращения из Бейрута «Розалин» и отправить остальное оружие на ней. Я пришел к выводу, что дальнейшее пребывание нашей группы в Генуе нецелесообразно, и приказал Гидончику законсервировать взрывчатку и детонаторы в тайнике и вернуться в Рим.

Авария

В тот вечер я находился на вилле, которую мы снимали в Риме. Там жили члены нашей римской группы, которым по роду работы неудобно было бы селиться в гостиницах и регистрироваться там.

Зазвонил телефон. Далия сняла трубку и позвала меня: «Тебя из Генуи». Я взял трубку, предполагая, что это Гидончик, но это был не он. Мне звонил координатор, который дрожащим голосом сказал, что четверть часа назад в подвале

дома, которым он заведует, произошел взрыв и Гидончику покалечило руку. Гидона ранило легко. Гидончику оказывает первую помощь врач-еврей, который требует немедленно доставить пострадавшего в больницу. В Генуе это сделать невозможно, сразу обнаружится причина несчастного случая. В любую минуту может явиться полиция — взрыв был слышен по всей округе. Мне представлялась только одна возможность — немедленно перевезти Гидончика в Милан, хотя придется проехать 150 километров. Я попросил координатора предоставить нам подходящую машину и послать врача в Милан вместе с пострадавшим. В Милане они должны позвонить Гене, которая работала в Брихе, а та позаботится о том, чтобы поместить Гидончика в больницу. Положив трубку, я заказал срочный разговор с Миланом. Меня тут же соединили. Я разъяснил Гене положение дел и попросил ее немедленно обеспечить больницу, чтобы все было готово к тому моменту, когда привезут Гидончика. Она обещала позвонить мне в течение часа и доложить, что у нее получилось.

Операция «Пенициллин»

Геня позвонила, как обещала. Она сообщила мне, что через Викторию Кантони она связалась с ее братом, д-ром Марчелло Кантони, и он обеспечил нам место в больнице. Гидончику были также приготовлены документы беженца из Румынии. Д-р Кантони настоятельно просит, чтобы мы, через римское отделение Джойнта, достали для Гидончика пенициллин — в то время пенициллин был лекарством безумно дорогим и малодоступным. Я просил передать д-ру Кантони, что, если у Джойнта действительно есть пенициллин, он будет ему доставлен первым утренним самолетом. Поговорив с Геней, я сразу же позвонил д-ру Менделю, израильскому врачу, представителю «Моссада ле-Алия Бет» в Риме, и сказал ему, что он мне срочно нужен и что я немедленно заеду за ним в гостиницу. Я рассказал д-ру Менделю, в чем дело, и попросил его достать пенициллин, лично отвезти его в Милан и там проследить за ходом лечения Гидончика. Несколько часов мы провели, переходя от одного врача Джойнта к другому, пока не получили нужное коли-

чество пенициллина. Рано утром д-р Мендель улетел в Милан, везя с собой драгоценное лекарство.

Уладив кое-какие срочные дела, я тоже вылетел в Милан. Вечером я приехал в больницу «Вилла-Агела». Бледный и встревоженный, я вошел в палату раненого. К моему изумлению, Гидончик встретил меня обычной своей улыбкой, и не успел я найти слова, чтобы выразить ему свое сочувствие, как он заверил меня, что все в порядке и он чувствует себя хорошо.

Гидончик заботится о... тайнике

О поведении Гидончика, подлинного героя нашей подпольной войны, никогда не теряющего присутствия духа, рассказал мне Гидон, который вместе с ним пострадал от взрыва. Авария произошла, когда они разбирали взрывное устройство, чтобы законсервировать его в тайнике. Неожиданно сработал один из подрывных механизмов, взрывом Гидончику покалечило руку, а Гидону порезало лицо осколками. Несмотря на страшную, кровавую рану, Гидончик не потерял самообладания. Он послал Гидона к координатору, заведующему домом и тайником, чтобы тот вызвал врача-еврея или какого-нибудь другого, которому можно доверять. Координатор немедленно отправился за врачом, но до его прихода Гидончик еще успел помочь Гидону навести порядок в тайнике, запереть его и ликвидировать следы взрыва. Во время долгого переезда из Генуи в Милан Гидончик из последних сил старался ни звуком не выдать, как ему тяжело.

Рассказ врача

«Поздно ночью меня разбудил телефон. Звонила Геня. Дрожащим голосом она сообщила мне об аварии в тайнике. Она сказала, что молодого человека уже везут из Генуи в Милан и что меня просят оказать всю посильную помощь. Дело было непростое. Я сразу же позвонил профессору Медиди, затем в больницу, где сказал, что речь идет о молодом человеке, пострадавшем в автомобильной

катастрофе, и я прошу немедленно приготовить все для операции. В 5 часов утра приехало такси из Генуи с Гидончиком и его друзьями. Раненый был очень бледен от шока и потери крови. По дороге в больницу нам пришлось несколько раз останавливаться, ибо мы боялись, что он сейчас умрет. Сопровождавший Гидончика врач поддерживал его с помощью уколов. Кроме того, его напоили коньяком. По прибытии в больницу больному немедленно сделали переливание крови, и в 11 утра профессор А-и оперировал Гидончика, отняв ему размозженную кисть руки. Полицию, естественно, решили не уведомлять, а сама операция прошла успешно. Тем временем приехал д-р Мендель и привез пенициллин. Когда Гидончик проснулся после наркоза, трудно было узнать человека, привезенного утром в больницу. Хотя он понимал, что кисть правой руки он потерял навсегда, Гидончик решил ни в коем случае не поддаваться несчастью и сразу же, не прибегая к помощи медсестры, стал сам умываться левой рукой, причесываться и т. д.».

Я хорошо помню, с каким изумлением смотрели врачи и медсестры на раненого, проявлявшего такую силу воли в своем стремлении преодолеть травму и освоиться с новым положением. Спустя две недели Гидончик был уже с нами в Риме, энергичный, бодрый, как всегда, улыбающийся и полный решимости научиться писать левой рукой. Но этот несчастный случай лишил нас одного из лучших наших оперативников, который никогда не отказывался ни от какого, даже самого неприятного, задания.

Через некоторое время Гидончика отправили в Америку, где ему был сделан протез. Вернувшись в Израиль, он, при поддержке министерства обороны, поступил в Технион* и успешно закончил его по специальности инженер-механик.

* Технион (Хайфский политехнический институт) — начал действовать в качестве высшего инженерного учебного заведения в 1924 г. В настоящее время — крупнейший в Израиле центр по подготовке инженеров, архитекторов и ученых в области естественных наук.

Глава 10

ВЗРЫВ В ВЕНГОНО

В августе 1948 года в Израиле наступило затишье. Арабы, однако, постоянно нарушали перемирие, захватывая все новые участки территории, чтобы закрепить там свой суверенитет. Нужно было готовиться к новым боям.

В Европе арабские агенты лихорадочно закупают оружие всех видов. Особенно активно они занимались самолетами.

В римское отделение Хаганы все время поступали сведения о том, что арабы ведут переговоры с различными фирмами на предмет закупки самолетов в Италии. Наши люди всеми силами пытались предотвратить как сами сделки, так и передачу закупленных самолетов в руки врага.

В конце июля мы узнали, что египтяне подписали контракт с итальянской авиакомпанией «Макки» на поставку 20 боевых самолетов марки «Макки-205». Это нас очень встревожило, и мы немедленно стали собирать все данные, необходимые для того, чтобы сорвать эту операцию. Такое количество боевых самолетов резко изменило бы соотношение сил на фронтах в пользу арабов. Любой ценой мы должны были не дать египтянам получить это подкрепление. Но хотя мы пустили в ход все наши связи, прошло полтора месяца, прежде чем нам удалось выяснить все необходимые детали.

В начале сентября Цви Амати (подпольная кличка «Джонни»), заведующий нашей информационной службой в Италии, уведомил меня, что на аэродроме Венгоно, расположенном в Северной Италии, находятся пять самолетов «Макки-205», которые скоро будут готовы подняться в воздух. Это была первая поставка по договору между египтянами и фирмой «Макки» о закупке двадцати самолетов.

Я отправил Гидона в Милан, чтобы он на месте проверил полученные данные. Через два дня он вернулся, не узнав ничего нового ни об аэродроме, ни о самолетах.

14-го числа меня вызвал к себе в Милан Давид Фромер, чтобы завершить подготовку кольцевых мин и детонаторов к ним. Он сообщил мне, что, по его данным, пять самолетов в Венгоно скоро будут готовы к полетам и нам надо немедленно начинать действовать, чтобы не дать им улететь в Египет.

Я решил лично проверить состояние дел и отправился в Милан, чтобы на месте оценить возможности диверсии. Там я встретился с сотрудниками нашего информационного отдела, и мы — Давид Фромер, Биньямино, Джулиано (наши итальянские помощники) и я — немедленно отправились на аэродром. Машина, которую вел Барух, наш штатный водитель, двинулась по шоссе Милан — Варезе. Примерно через час мы свернули на проселочную дорогу, ведущую в деревню Венгоно, не выходя из машины, осмотрели деревню и проверили пути подхода к месту операции. Затем мы подъехали к аэродрому. Барух и Биньямино остались при машине, а я, Давид и Джулиано зашагали к аэродрому. Там Джулиано (у него и у Давида были английские паспорта) представил нас начальнику как английских туристов, которым хотелось бы совершить обзорный полет. В Венгоно за несколько сот лир каждый мог прокатиться на небольшом самолете, и наша просьба никого не удивила.

Английские туристы и уроженцы города Триеста

Нам повезло: в тот момент на аэродроме не было пилота, который должен был нас обслужить, и мы могли пройтись по летному полю и посмотреть, как и что там делается. Нам удалось также высмотреть пути подхода к ангару, в котором стояли египетские самолеты. Гуляя так по аэродрому, наш Джулиано вдруг понял, что начальник — уроженец Триеста, как и сам Джулиано. Между земляками завязалась дружеская беседа. Мы угостили начальника американскими сигаретами, у него развязался язык, и он стал разговаривать с нами совершенно свободно. Когда, однако, мы подошли поближе к нашему ангару, начальник категорически отказался впустить нас туда, поскольку, по его словам, там стоят принадлежащие арабам самолеты и посторонним вход

туда строго воспрещен. Мы как туристы и фотографы-любители хотели оставить себе на память фотографию начальника на фоне ангара; но он заявил, что на летном поле фотографировать не разрешается.

А где же наша машина?

Впрочем, мы и так уже рассмотрели все, что нам было нужно, в том числе и те самые самолеты в ангаре, хотя и издали. Мы дружески попрощались с начальником аэродрома и направились к машине. К нашему большому удивлению, ее на месте не было. Примерно через час она вернулась. Оказалось, что водитель, несмотря на мои совершенно точные указания, решил самостоятельно разведать местность. На обратном пути я приступил к планированию как самой операции, так и подготовительных работ.

Я решил ограничиться минимальным числом участников. Кроме них, об операции никто не должен был знать. Давид Фромер — заведующий технической частью, а также и мой хороший друг — настаивал на том, чтобы на этот раз принять непосредственное участие в исполнении. Считая, что данная операция для нас очень важна, и полностью полагаясь в этом смысле на Давида, я согласился и назначил его командиром группы. Согласовав с ним все планы, я включил в группу также Бенца, Биньямино и водителя Баруха. Давид немедленно занялся материалами и оборудованием, а я тем временем запросил согласие нашего центра. С этой целью я позвонил в Женеву и получил оттуда указание направиться в Милан, там в аэропорту встретиться с Пино Гинзбургом (его самолет летел через Милан в Израиль) и дать ему необходимые разъяснения. Изложив Пино свои соображения и выразив полную уверенность в успехе, я услышал от него, что в Женеве дали согласие на операцию. Я немедленно вернулся в город и сказал Давиду, что центр согласен, но при том же условии, что и раньше: если на самолеты уже нанесены египетские опознавательные знаки.

Операцию я назначил на вечер следующего дня.

Здесь уместно поместить свой рассказ в соответствующие исторические рамки, чтобы читатель не подумал, что я

занимаюсь сочинением приключенческих романов. Важно помнить, что положение наших вооруженных сил было тогда — перед первым перемирием и во время него — очень нелегкое. Не хватало ни снаряжения, ни оружия, ни боеприпасов. В военно-воздушных силах, которые только-только оформились как самостоятельный вид войск, положение было еще хуже.

Позвольте мне прервать свой рассказ и предложить вниманию читателя две таблицы, которые хорошо отображают положение дел:

КОЛИЧЕСТВО САМОЛЕТОВ НА ИЗРАИЛЬСКИХ ФРОНТАХ В МАЕ 1948 ГОДА

Назначение самолета	Страна			
	Ирак	Сирия	Египет	Израиль
Истребитель-бомбардировщик	5	15	40	—
Бомбардировщик	5	—	10	2
Транспортный самолет	5	3	20	2
Легкий транспортный самолет («стирман», который мы называли «примус», и другие)	—	—	—	27

КОЛИЧЕСТВО САМОЛЕТОВ НА ИЗРАИЛЬСКИХ ФРОНТАХ В ИЮЛЕ 1948 ГОДА

Назначение самолета	Страна			
	Ирак	Сирия	Египет	Израиль
Истребитель-бомбардировщик	5	10	35	15
Бомбардировщик	5	—	8	3
Транспортный самолет	5	3	20	9
Легкий транспортный самолет	—	—	—	30

Наше «преимущество» в количестве легких транспортных самолетов никакого значения не имело. Верно, что «примусы» служили и бомбардировщиками, но нетрудно сообразить, каково было качество этих бомбардировок... По истребителям-бомбардировщикам у Египта было в мае 1948 года решающее преимущество. И даже в июле, когда положение дел значительно улучшилось, арабские военно-воз-

душные силы превосходили наши более чем в три раза — 50 против 15.

Неудивительно поэтому, что, когда 15 мая 1948 года четыре египетских «спитфайера» атаковали аэродром в Тель-Авиве и прилегающую к нему электростанцию, они нанесли немалый ущерб — ответить нам было нечем, и они могли делать что хотели. В результате «рапид» был разрушен полностью, а самолеты «R.W.D.13» и «сиби» сильно повреждены. Другие самолеты пострадали меньше. Египетские истребители на этом не успокоились и атаковали с воздуха города и поселки в разных районах страны.

Только в начале июня, когда мы приобрели в Чехословакии первую партию истребителей «мессершмитт», Израиль смог по-настоящему начать отражать воздушные атаки противника, а 3 июня Модии Алон сбил две египетские «дакоты», которые заходили на бомбарировку Тель-Авива.

Приготовления в Неми и в Милане

Теперь вернемся к подготовке операции как таковой. Вот что рассказывает Давид Фромер:

«Я позвонил в Рим Якову Бен-Циону по прозвищу Моряк, прося его забрать из тайника в Неми подходящие «карандаши» и передать их Бенцу, который тем временем готовился ехать в Милан. Я опасался, что с «карандашами» будут трудности, ибо Сало, заведующему тайником в Неми, было велено выдавать материалы только по записке, подписанной моей кличкой Герман. Но я никак не мог передать Моряку такую записку, поэтому он явился к Сало с моим устным приказом. К счастью, Сало проявил гибкость — позвонил в Милан и потребовал от меня подтвердить приказ о выдаче материалов, что я и сделал. Получив материалы, Моряк передал их Бенцу. Тем же утром Йона Шифрис и я отправились на север, на базу «Рехеша», чтобы подобрать подходящую взрывчатку. Я выбрал несколько зарядов тола, предназначенных, по-видимому, для заполнения снарядов сорокамиллиметровых пушек. Кроме того, я взял несколь-

ко запалов и несколько коробок обычных капсюлей. Все отвезли гараж «Рехеша» в Милане, а затем в нашу лабораторию на Виа Уньоне. И здесь немедленно началась работа по измельчению врывчатки. Сложили ее в мешки и собрали все составные части мин, кроме «карандашей», которые прибыли накануне операции. Закончив приготовления, Биньямино, Барух и я отправились на местность, чтобы изучить ее в ночных условиях; оказалось, что территория не освещена и охраняют ангар всего несколько сторожей. Обойдя участок дважды, мы вернулись в Милан.

Назавтра прибыл Бенц с «карандашами». Мы закончили сборку пяти мин, затем перевезли свои вещи на квартиру к Амнону. Тщательно убрали и вычистили лабораторию.

В 19.00 мы все встретились в югославском ресторане для получения последних указаний. Поужинали и выпили по стаканчику для поддержания духа.

НА МЕСТЕ ДЕЙСТВИЯ

Мы вышли в 20.00. Материалы были при нас в «фиате». Благополучно добрались до проселочной дороги, ведущей в Венгоно. Свернули с шоссе на север, проехали несколько сот метров. Бенц и я вышли из машины, оставив в ней свои паспорта. Машина заехала на соседнее поле и там была спрятана. Мы с Бенцем дошли до стогов скошенного клевера, под их прикрытием начали двигаться к цели. Остановились, понаблюдали за ангаром, который, к нашему изумлению, был ярко освещен. И снова двинулись, теперь по кукурузному полю, кончавшемуся примерно в ста метрах от ангара. Дальше поползли по-пластунски, время от времени останавливаясь для обзора местности. Вскоре мы заметили человека, шедшего по тропинке вокруг ангара. Минут десять мы сохраняли полную неподвижность, пока человек не удалился, ничего не заметив. Мы осторожно продолжили движение. Время приближалось к одиннадцати. Добравшись до окна ангара, я заглянул внутрь и убедился, что там никого нет. Я махнул Бенцу, он подполз ко мне. Оставив его на страже, я занялся

стеклом. Сначала я попробовал применить способ чикагских взломщиков и вынуть стекло с помощью алмаза и вакуумных присосок, но ничего у меня не вышло. Тогда я бросил алмаз, просто выковырнул стекло ножом и осторожно отложил в сторону. Размеры его были 30 x 50 см. Бенц пролез в эту небольшую дыру первый. Я передал ему мины и тоже пролез в отверстие, хотя и не без труда. Внутри мы увидели четыре самолета с египетскими опознавательными знаками; рядом стояли три небольших прогулочных самолета. В северной части ангара сложены были бочки с бензином и ацетоном.

Бенц взял две мины, я две остальные. Пятую я положил возле первого самолета. Во всех самолетах заряды были заложены в кабине пилота, под пультом управления.

Мы задействовали «карандаши», которые должны были обеспечить взрыв через час с четвертью. В одиннадцать тридцать мы пустились в обратный путь. Добрались до машины и немедленно отправились в Милан. К утру мы приехали на квартиру Амнона, где сменили одежду и приготовились ехать утренним поездом в Рим. Барух, не задерживаясь, отправился в Рим на машине».

Я с нетерпением ждал результатов операции. Сработали ли все устройства, уничтожены ли самолеты? Наконец один из наших сообщил мне, что все сработало. Я тут же вылетел в Рим.

Таким образом, в кратчайшее время после проведения операции все ее участники, не оставив никаких следов, оказались в сотнях километров от места действия.

На следующее утро газеты с шумом сообщали о происшедшем.

Так, газета «Коррьере делла сера» от 19.9.1949 писала:

«Террористический акт на аэродроме Венгоно. Сгорел дотла ангар. Взрывчатка в моторах боевых самолетов. Четыре самолета уничтожены. Дело рук еврейской террористической организации?»

Серьезный террористический акт, который чудом не привел к человеческим жертвам, но нанес серьезный

материальный ущерб, был совершен утром на аэродроме Венгоно подле города Варезе. Аэродром Венгоно, прежде служивший иногда резервным аэропортом нашего города, был передан фирме «Макки», использующей его для испытательных полетов. Управление воздушного транспорта держит там лишь метеостанцию и небольшую бригаду рабочих. Ночная охрана аэродрома обеспечивается компанией «Макки»; ангар, расположенный в северной части летного поля, охранялся двумя сторожами, которые обходили его поочередно.

Вчера, в 4.45 утра, когда один из охранников обходил ангар, а второй находился внутри его, раздался грандиозный взрыв, от которого по всей округе задрожала земля и посыпались оконные стекла в домах. Ангар был охвачен пожаром, усиливавшимся по мере того, как загорались бочки с бензином и ацетоном.

Едва придя в себя, работники метеостанции и охранник, находившийся снаружи, бросились спасать человека, оставшегося внутри ангара, и увидели, что он, живой и здоровый, выходит из дверей, — к счастью, с ним ничего не случилось.

Были вызваны две пожарные машины, но пожар все ширился, угрожая остальным самолетам, стоявшим в ангаре. Прошло не менее часа, прежде чем пожарным удалось локализовать пожар. Особенно трудно и опасно было спасти уцелевшие самолеты.

Дело обстоит серьезнее, чем может показаться. Выяснилось, что во все самолеты были заложены заряды взрывчатки. Ущерб, нанесенный преступным актом, огромен. В ангаре размером 26 на 12 метров стояли 7 боевых самолетов марки «Макки-205» и три двухместных гражданских самолета марки «Макки-Бацокки-308». Два боевых самолета, принадлежащие нашим военно-воздушным силам, находились в ремонте; еще два, только что построенные, относились к партии из двадцати машин, проданных компанией Египту.

Один из боевых самолетов и все три гражданских сгорели полностью, остальные сильно пострадали. Ущерб оценивается в 120 миллионов лир.

Осмотр трех неповрежденных самолетов дал, как уже говорилось, сенсационные результаты. Во все боевые машины были заложены взрывные устройства в виде клеенчатых сумок на молнии, содержавших каждая по килограмму взрывчатки. Мины были снабжены детонаторами замедленного действия. К счастью, сработало только одно устройство. Невзорвавшиеся мины были демонтированы саперами.

Полиция расследует преступление. Арестовано около десятка человек, в основном работники компании, в том числе оба охранника. Им, по-видимому, будет предъявлено обвинение в небрежности. Разбитое окно ангара показывает, каким путем загадочные террористы проникли внутрь.

Хотя виновные не обнаружены, подозрение падает на одну из еврейских террористических организаций, которые поставили своей целью предотвращение доставки боевых самолетов в арабские страны. Нельзя сказать, что случай этот не имел прецедентов. Всем нам памятна трагическая гибель четырехмоторного самолета марки «СМ-95», взорвавшегося в воздухе по пути в Египет несколько месяцев назад.

Все признаки указывают на то, что это дело рук той же группировки, которая пыталась подорвать 16 августа в Венеции два самолета итальянского производства, четырехмоторный и трехмоторный, предназначавшиеся для египетской транспортной компании «Саит Иджипт». В этот день на аэродроме ожидался визит египетского принца Сулеймана, племянника короля Фарука. Во время утреннего обхода своего участка главный техник обнаружил на самолетах 5 взрывных устройств. В отличие от нынешнего случая, в тот раз катастрофу удалось предотвратить.

В свете вышеприведенных фактов можно почти с полной уверенностью предположить, что все эти террористические акты были совершены евреями».

Таков был газетный репортаж.

Получив сообщение об успехе операции, я немедленно телеграфировал Шаулю Авигуру в Израиль.

Одновременно туда полетела телеграмма от работников «Рехеша» в Италии, опасавшихся, что эта операция поставит под угрозу их работу:

*«Кому: Лаишу, Бен-Иегуде
Отправитель: Гад*

Алон* и Авни** сообщают, что Амнон испугнул итальянских птичек, когда запустил в воздух птиц, собравшихся в Гошен***. По их словам, это может нам повредить. Срочно запросите отчет и сообщите нам».

Из газетных репортажей следовало, что террористы не оставили ни малейших следов. Итальянская полиция, не располагая никакими данными, помогающими расследованию, действовала в различных направлениях, весьма далеких от истины. Об этом свидетельствует пресса.

«Коррьере Ломбардо» от 22—23 сентября 1948 года пишет:

«Следствие по делу о взрыве в ангаре. На данный момент арестовано 13 человек, подозреваемых в преступлении. Участвовали ли в деле итальянцы? Расследование идет удовлетворительными темпами.

Варезе, 21 сентября. Всю прошлую ночь продолжались допросы двенадцати подозреваемых в соучастии в террористическом акте на аэродроме Венгоно. Министерство внутренних дел распорядилось провести специальное расследование с целью установить, участвовали ли в деле, помимо секретной еврейской организации, которая, судя по всему, несет ответственность за преступление, также и итальянские граждане.

Число арестованных возросло до тринадцати. Все они подозреваются в соучастии, однако пока не уста-

* Подпольная кличка Иегуды Арази. (Примеч. автора.)

** Подпольная кличка Исраэля Дикштейна, одного из руководителей «Рехеша» в Италии. (Примеч. автора.)

*** Египет (в Библии так называется район Египта, где поселился Иаков со всеми своими сыновьями, родоначальниками 12 колен Израилевых).

новлено, кто ими руководил. Специальная комиссия под руководством министра обороны, занимающаяся расследованием, сообщает, что следователи уже располагают необходимой информацией и ответственные за преступление будут вскоре обнаружены».

А вот что пишет та же газета на следующий день:

«Теракт в Венгоно. Под арестом остаются лишь три человека, остальные освобождены. Расследование приближается к концу, начат анализ полученной информации. Полиция идет по следам террористов.»

Вареже, 22 сентября. Вчера также продолжалось интенсивное расследование взрыва на аэродроме Венгоно, с целью обнаружить виновных и установить мотивы акта. Утром, после длительных допросов, все подозреваемые, кроме троих, были освобождены. Имена троих задержанных и причины их задержания не сообщаются.

Судебные власти поручили специалистам исследовать взрывные устройства, использованные террористами.

Нам сообщают, что два артиллерийских офицера и инженер по авиационной технике, которым поручено исследование взрывных устройств, накопили уже значительное количество информации, включая фотографии и схемы. Материал передан государственному прокурору д-ру Бианки. В полицейских лабораториях города Вареже также ведется изучение материалов.

Как стало известно из достоверных источников, расследование достигло серьезных результатов».

А спустя два дня газета сообщала:

«Взрывы в воздухе и на земле. Двойная диверсия в Венгоно.»

Запланирована была двойная диверсия. Самолеты должны были взорваться с помощью детонаторов замедленного действия. Затем должны были загореться бочки с горючим, доставленные туда террористами, и поджечь весь ангар. По неясной причине, сперва загорелось именно горючее, оно и спровоцировало взрыв одного из самолетов.

Исследование трех сохранившихся подрывных устройств специальной комиссией инженеров-артиллеристов показало, что мины сконструированы первоклассными профессионалами.

Помимо нескольких работников аэродрома, полицейская спецгруппа арестовала вчера в Милане итальянскую гражданку, известную авантюристку, жену бывшего офицера греческого флота, чье местонахождение в настоящее время неизвестно.

Есть все основания предполагать, что все следы ведут к вышеупомянутому офицеру, на котором и лежит ответственность за террористический акт в Венгоно.

Руководимая им организация, состоявшая прежде исключительно из евреев, в настоящее время расширилась и включает в себя также террористов различного происхождения».

Вот таким образом, щедро пуская в ход воображение, сообщала итальянская пресса о нашей операции. А на родине наш успех был воспринят с большим удовлетворением, и особенно радовались наши летчики.

Всю деятельность и все достижения нашей группы следует рассматривать, принимая во внимание те особые условия, в которых проходила война за освобождение Израиля в 1948 году. Группа сумела выполнить работу по уничтожению вражеского имущества, не потеряв при этом ни одного человека и не причинив своему молодому государству серьезных политических осложнений в отношениях с другими странами.

Глава 11

РАЗБРОД В ГРУППЕ

Гидончику оторвало кисть руки во время случайного взрыва в тайнике, когда он разбирал детонатор. Его послали в США делать протез, так мы потеряли одного из лучших наших работников.

Йоселе Дрор, страдая от переутомления, попросил отпустить его домой, зная, что там он сможет принять активное участие в Войне за независимость. Я дал свое согласие, и в августе он уехал на родину.

Давид Фромер и Моше Липсон тоже рвутся домой. Они планируют организовать вместе с Йоселе морскую патрульную эскадру, которая будет препятствовать доставке оружия из Европы в арабские страны.

Шауль Авигур получил в Женеве страшную весть о гибели своего сына Гура в битве при Седжере (12.7.1948). Вот что он пишет об этом в телеграмме, посланной жене Саре и дочери Рут:

«Позавчера пришла горькая весть. До сего часа не в силах был взять перо в руки и написать вам несколько слов. Судьба нанесла нам жестокий, непоправимый удар. Я не смог даже проводить Гура в последний путь, не смог быть с вами в эти траурные дни. Смерть навсегда поселилась в нашем доме, но я до сих пор не могу поверить, что Гура нет. Долг не позволяет мне немедленно вернуться к вам. Вся моя жизнь, все мои силы посвящены одной цели: уберечь от такой судьбы других детенышей* нашего народа. Это единственное, что удерживает

* «Гур» на иврите — детеныш.

меня здесь. Если выйдет распоряжение сверху, я вернусь, в надежде не расставаться с вами долго-долго».

Вскоре Шауль сообщил мне, что возвращается на родину и будет продолжать руководить нашей деятельностью оттуда. Отчитываться о проведенных операциях я буду Пинхасу Сапиру, его заместителю.

В конце октября Шауль вызвал меня на родину, чтобы обсудить будущее нашей группы.

Перед отъездом я освободил от их обязанностей Давида Фромера и Моше Липсона и обеспечил им возвращение домой. Командовать группой в свое отсутствие я поручил Иегуде Венеции, которого вызвал для этого из Бельгии в Италию. Главный мой наказ ему был — постоянно поддерживать со мной связь и сообщать обо всем происходящем в группе.

И вот вскоре Иегуда сообщает мне, что встречался с Артуром Бен-Натаном, главой секции разведотдела при министерстве иностранных дел, который пытался убедить его передать нашу группу в его ведомство. Иегуда, разумеется, ответил, что тот обращается не по адресу, и предложил ему связаться со мной.

Встречался он также с приехавшим в Италию Биньямином Гибли, главой АМАН^{*}, и тот тоже пытался переманить нашу группу к себе в разведку.

Йоселе Дрор, который вместе с Давидом Фромером и Моше Липсоном занят был организацией патрульной эскадры, всячески убеждал Иегуду, что естественное место нашего отряда — в военно-морских силах. Бен-Натан и Шалхевет Фрайер, представитель израильского разведотдела в Риме, решили, что группа находится в состоянии разброда, как корабль без рулевого, и пытались воспользоваться ситуацией, чтобы заполучить ее себе «по дешевке». Мы придадим группе, говорили они Иегуде, замечательного командира, редкую личность, который отлично сможет реор-

* АМАН (*аббр.* ивритских слов, означающих «Отдел информации главного штаба») — военная разведка, подчинена начальнику генерального штаба Армии обороны Израиля (Цахала). Создана в конце 1940-х гг.

ганизовать, укрепить и вести ее. Они пели необычайные хвалы этому человеку и уговаривали Иегуду с ним встретиться. И Иегуда согласился. Встреча состоялась в кафе на Виа Венето, и вот что Иегуда написал мне о ней:

«В назначенный час является человек, высокого роста, привлекательной внешности, говорит по-английский с оксфордским произношением, к официанту обращается на безупречном итальянском. Короче, производит впечатление. Садится, отпивает капучино и представляется по-английски: «Меня зовут Маген, у этого имени долгая история. Я родился в Венгрии, в еврейской семье Гроссов. С отличием закончил гимназию. Поскольку я любил петь и обладал красивым тенором, было решено послать меня в Милан, в театр «Ла Скала». И я действительно пел в нескольких операх. Когда началась война, я поехал искать счастья в Южной Африке и через некоторое время вступил в ряды южноафриканской армии. Поскольку я хорошо знаю языки, меня взяли в разведку и сделали офицером. С приближением войск Роммеля к Ближнему Востоку меня послали в Палестину. Будучи евреем, я без труда установил контакт с Еврейским агентством. Мне предложили обратиться к Реувену Шилоаху, который дал мне в помощники Шалхевета Фрайера и Артура Бен-Натана. Я начал передавать информацию. В частности, именно я сообщил точные подробности о радаре в Хайфе, что дало возможность ПАЛМАХу провести там диверсию. Позднее Еврейское агентство послало меня с секретной миссией в Италию, на розыски пропавшего без вести израильского десантника Энцо Серени*. К сожалению,

* Серени Энцо Хаим (1905—1944) — политический и общественный деятель Эрец-Исраэль, публицист, командир группы парашютистов, посланных Хаганой в Европу для организации еврейского антинацистского сопротивления. Настоял на собственном участии в одной из операций. 15 мая 1944 г. сразу же после приземления с парашютом в Северной Италии был схвачен немцами. Погиб в лагере уничтожения в Дахау. Упомянувшаяся выше Ада Серени — жена Энцо. Принимала участие во многих его миссиях.

мне не удалось найти никаких следов, — по-видимому, он был убит немцами.

В настоящее время я нахожусь здесь, в Риме, с заданием организовать диверсионную группу для диверсий против арабского имущества.

Я женат на богатой женщине, итальянской графине. Что касается моей фамилии, дело обстоит так. В Южной Африке я сменил фамилию, вместо «Гросс» стал «Кросс» (крест). А когда начал работать с Реувеном Шилоахом, сменил «Кросс» на «Маген» (шит)».

Бойко изложив все это на шегольском английском, он пристально взглянул мне в глаза и выпалил: «Shoot! Я дал вам полную информацию о себе, теперь ваша очередь!»

Сказать по правде, я был совершенно ошеломлен. Начал было говорить ему, что меня зовут Цион Менахем Банин, но он, хитро улыбаясь, прервал меня: «Послушайте, мой дорогой, кто вы такой и каковы задачи вашей группы, я уже знаю от вашего руководства. Давайте оставим эти игры и будем говорить по делу.

Первое: к следующей нашей встрече попрошу вас подготовить мне список всех членов группы, как настоящие имена и фамилии, так и кодовые. Я берусь получить для каждого разрешение на ношение оружия.

Второе: список всех адресов, где базируется группа, и исходных пунктов операций.

Третье: арсенал. Полный инвентарь взрывчатых веществ, детонаторов и пр., а также местонахождение тайников».

В заключение он заверил меня, что я получу письменное разрешение от Фрайера или от Бен-Натана на передачу ему затребованных сведений. Он также сообщил мне, что связным между нами будет теперь некто из разведотдела.

Я никак на это не реагировал, однако понял, что имею дело с легкомысленным хвастуном, понятия не имеющим о правилах подпольной работы.

Особенно меня тревожит информация, полученная этим человеком от руководства. По-моему, это просто катастрофа. Чувствую, быть беде!»

На эту телеграмму я ответил немедленно и однозначно. С этого момента связь с римской секцией разведотдела будет только и исключительно односторонней: они сообщают нам собранные ими сведения об арабских приобретениях в Европе, наши же люди воздерживаются от каких бы то ни было контактов с ними.

К счастью, адреса членов группы не были известны ни разведотделу, ни посольству.

Глава 12

ХОТЕЛИ ПОДОРВАТЬ ТРИ ТОРПЕДНЫХ КАТЕРА

Перед отъездом на родину для обсуждения дальнейшей судьбы группы я поручил Иегуде очередную операцию — подорвать три торпедных катера, построенные на верфи в прибрежном городе Варацци по египетскому заказу. Катера, первые из большой партии, заказанной египтянами, должны были отправиться по назначению в конце декабря или в начале января.

Согласие Шауля Авигура было получено. Больших трудностей операция не представляла, верфь в Варацци была не военная, а гражданская, военной охраны не было, доступ простой. Занимавшийся сделкой судовой агент сотрудничал с нами, доставляя все необходимые сведения.

Группа была готова к действию, нужные материалы были заготовлены в мастерской в Неми. Решили дожидаться только, чтобы египтяне заплатили за катера.

Иегуда доложил мне, что, по сообщению агента, катера выйдут в море в начале января. Все шло по плану.

Слухи о подготовке операции дошли до Йоселе Дрора, возглавлявшего организованную им 13-ю эскадру. Он предупредил об этом Йосефа Харэля и сумел внушить ему, что надо сделать все, чтобы операцию поручили его людям.

Я в это время находился на родине в кратком отпуске. Я только что женился, проводил медовый месяц на Кармеле возле Хайфы. Йосеф Харэль, человек необычайной энергии, воспользовался моим отсутствием и убедил Шауля поручить подрыв катеров людям 13-й эскадры.

Йоси Дрор поехал в Италию, встретился с Иегудой и сообщил ему, что, по приказу из Израиля, операцию проведут его люди. Иегуда в ответ заявил категорически, что обязан получить подтверждение приказа от меня. А у меня был разгар медового месяца, и я дал «добро» на участие людей

Дрора в операции. Между тем операция была совсем простая и вовсе не требовала подкрепления из Израиля.

Как разворачивались события после этого, рассказывает Иегуда:

«Маген, который чувствовал себя в посольстве как дома и все время что-то вынюхивал, почувал, что готовится некое мероприятие. Я, понятное дело, всячески старался его избегать. Между нами существовал негласный уговор, что никаких контактов мы друг с другом не поддерживаем. Я не ишу его, а он не ищет меня.

Однажды утром у меня в гостинице звонит телефон. Говорит Йоселе. Немедленно договариваемся о встрече, и тут я совершаю ошибку, которая впоследствии дорого нам обошлась, — заказываю ему, удобства ради, номер в той же гостинице «Альберго Торино». Для экономии средств Йоселе и Бенц Франк, один из его людей, поселяются в одном номере. Еще трое членов эскадры живут на вилле в Неми. Патрульная эскадра только начинала свой путь, для придания им уверенности в себе и для поднятия духа им необходим был успех. Вот Йоселе и решил использовать запланированную нами операцию в учебно-воспитательных целях, обогатить своих людей опытом настоящей работы.

Я относился к Йоселе с большим уважением. Поэтому изложил ему все детали нашего плана и объяснил, что верфь не является военным объектом, проникнуть туда легко. Просто прийти ночью, двое останутся на страже, один заложит взрывчатку в торпедные катера. Короче, простейшая операция.

К сожалению, простота этого плана не отвечала замыслам Йоселе. Прежде всего, он выразил сомнение в надежности нашей взрывчатки. Мы поехали в Неми, я показал ему материалы и объяснил, что аммонал только что вынут из свежей фабричной упаковки, а детонаторы получены со складов союзных армий в Италии. Но он настаивал на своем — надо проверить, отвечают ли материалы стандартам.

Мы взяли два взрывных устройства — одно совсем маленькое (сто граммов тола, детонатор с черным фитилем

длиной в 50 сантиметров), упакованное в футляр от бритвенных принадлежностей, и второе — аммонал, упакованный вместе с детонатором в кондом, — и поехали проверять их на нашу базу в Милане. В Милане нас ждал с машиной итальянец по имени Чьяккино, немало помогавший нам и раньше. По его совету мы поехали вечером за город, в открытое поле, далеко от человеческого жилья, чтобы испробовать тол. Там я заложил заряд в кустах и едва успел отбежать в сторону — через пятьдесят секунд раздался оглушительный взрыв, доказывавший, что тол в полном порядке. На следующее утро Чьяккино отвез нас в сторону Варацце в поисках подходящего места для проверки аммонала, который служит в качестве запала для детонатора. По дороге Чьяккино показал газету с кричащим заголовком, который оповещал о загадочном взрыве в поселке неподалеку от Милана. Полицейское расследование не дало результатов.

Затем мы двинулись дальше, пока не нашли небольшую поляну в лесу. Я закопал кондом с аммоналом подле протекавшего в лесу ручья и поджег фитиль. Раздался легкий треск, и аммонал загорелся. Кверху взметнулось жаркое пламя, занялись соседние кусты и деревья. Мы пытались загасить пожар водой из ручья, но нам это не удалось. И мы решили убраться оттуда подобру-поздорову, во всяком случае, Йоселе полностью убедился, что материалы наши — лучше и желать нельзя.

В тот же день мы вернулись в Рим, встретились с Артуром и настоятельно потребовали, чтобы он под любым предлогом удалил из Италии Магена. Затем поехали в гостиницу, где Йоселе объявил нам окончательный план операции.

Команда поедет в двух машинах. В первой — Йоселе, при нем девушка для маскировки, три мины в этой же машине. Вторая машина выедет примерно через час, и в ней я, командир операции, и еще трое парней — двое из эскадры и Моше Хадад из нашей группы.

Первая машина выедет с нашей базы в Генуе в шесть часов вечера, прибудет к месту около семи, и Йоселе спрячет мины в водопроводном туннеле неподалеку от верфи. А мы во второй машине приедем туда через час-

полтора, заберем мины, спустимся на берег, войдем на верфь, заложим и задействуем мины и немедленно уйдем. «Карандаши», вставленные в мины, были установлены на двухчасовой интервал.

Если мы не найдем мины в туннеле, нам следует ехать в другое условленное место, а если их не будет и там, возвращаться домой по горной дороге.

Я пытался возражать против этого плана, но все мои доводы были отвергнуты — раз Йоселе что-нибудь решит, поколебать его невозможно.

К концу наших споров я понял, что планируется не диверсия, а учебное мероприятие.

В соответствии с планом первая машина вышла в назначенное время с базы в Генуе. Через полтора часа выехал на второй машине я с остальными ребятами. Мы подъехали к туннелю, но мин там не было. Немедленно поехали во вторую условленную точку, но и там ничего не нашли. Ясно было, что с Йоселе что-то случилось. Я велел водителю быстро ехать обратно. По дороге мы выбросили в реку два пистолета и прочее снаряжение — на случай, если нас задержат. В ближайшем городке я велел водителю остановиться, высадить нас у железнодорожной станции и ехать дальше в Милан. А я, Моше Хадд и двое парней из эскадры сели на поезд и поехали в Рим через Милан. В Милане я сошел с поезда, остальные отправились в Рим и оттуда в Неми.

Не заходя в гостиницу, я позвонил из телефона-автомата Аврааму Кидрону, заменившему Шалхевета Фрайера, который и сообщил мне, что Йоселе с товарищами задержаны итальянской полицией и находятся в тюрьме в Савоне.

На следующее утро я отправился в Рим и отдал распоряжение очистить все наши офисы, изъять и спрятать в тайниках любые предметы, могущие выдать нашу связь с неудавшейся диверсией. Людей Йоселе немедленно переправили морем в Израиль, а я совершил еще одну непозволительную ошибку — вернулся обратно в свою гостиницу «Альберго Торино».

Три дня спустя я возвращался вечером к себе в гостиницу, когда ко мне подошел человек в штатском и спро-

сил, я ли г-н Банин (моя фамилия по паспорту). Я, разумеется, спокойно ответил по-английски, что это я; он предложил пройти с ним к ожидающей внизу машине. С полным самообладанием я заявил, что меня это не касается, я британский подданный и он не имеет права меня арестовывать. Детектив ничуть не смутился, выхватил пистолет, что меня и убедило в серьезности его намерений. Я попросил лишь разрешения подняться в номер, захватить кое-какие вещи и зайти в туалет. Мне необходимо было отделаться от маленькой записной книжечки, которая выдавала мою связь со всем этим делом.

Мы поднялись в номер, я навел там порядок и зашел в туалет. Однако детектив не позволил мне закрыть дверь и пристально наблюдал за всеми моими действиями. Делать было нечего, пришлось идти с ним, не успев даже предупредить товарищей о моем аресте.

Меня привели в дом предварительного заключения, в большой зал, переполненный людьми, ожидавшими своей очереди на допрос. Следует помнить, что в ту пору римская полиция устраивала облавы на коммунистов, анархистов и на всякую разношерстную публику, обретавшуюся в Италии в послевоенные годы.

Примерно через час меня ввели в длинную узкую комнату, с длинным столом. На столе лампа, свет ее бьет мне прямо в лицо. На другом конце стола сидит толстый лысый человек в штатском, слева от него — полицейский с пишущей машинкой. К счастью, за время ожидания я сумел сочинить легенду, которая скрывала мою связь с Йоселе, жившим в той же гостинице, что и я. Легенда звучала следующим образом.

Я принадлежу к семье богатых аденских евреев, переселившихся в Палестину (в моем британском паспорте, выданном в Иерусалиме, говорилось, что я йеменский подданный, уроженец Адена). Мы занимаемся коврами и текстилем. Когда началась Война за независимость, мои родные, не желая, чтобы я принимал в ней участие, сумели с помощью взятки переправить меня из Израиля в Италию. Здесь я наладил связи с двумя миланскими фирмами, специализирующимися в производстве текстильного оборудования (на их фабриках я

неоднократно бывал, в моем чемодане лежала папка с проектом такой фабрики для Израиля, со всеми выкладками и расчетами, короче, не подкопаешься).

Я знал, что единственная моя связь с Йоселе и Бенцем, которую следователи могут установить, — это наше проживание в одной гостинице. И когда меня спросили, знаю ли я Бенца Франка и Йосефа Дрора, я без колебаний ответил, что недели две тому назад встретил в коридоре гостиницы моего соседа из Рамат-Гана Бенца Франка, расспрашивал его обо всем, что происходит в Израиле.

Толстый следователь сверлил меня взглядом, но я изображал полную невинность. Внезапно он вынул детонатор с фитилем и бросил на стол. Что это? — спросил он меня. Я взял детонатор в руки и начал простодушно его дергать и рассматривать. Следователь выхватил его у меня и сказал, что это может взорваться. Я изобразил испуг и сказал, что вижу этот предмет впервые. Под конец меня тщательно обыскали, отобрали у меня очки, ремень от брюк, шнурки от ботинок, паспорт и кошелек со ста тысячами итальянских лир, велели подписать квитанцию и отвели в камеру.

На следующий день меня снова взяли на допрос. Толстый следователь задавал примерно те же вопросы, я давал те же ответы. Из его вопросов я понял, что они произвели обыск в моем номере в гостинице и нашли папку с проектом текстильной фабрики. Теперь им оставалось лишь связаться с фирмами в Милане и убедиться в правдивости моих слов. На это им понадобились еще сутки — лишние сутки моего пребывания в тюрьме. На третий день следователь явился в мою камеру и сказал, что решено меня освободить, при условии, что я сообщу о своем новом местопребывании, если покину гостиницу.

Тюремный чиновник выдал мне обратно все мои вещи. Перед уходом я небрежным жестом вынул из кошелька двадцать тысяч лир и передал ему — в пользу жен арестантов.

Выйдя из здания, я понял, что за мной следят. Я сел на первый попавшийся автобус и доехал до конечной остановки. Взял такси и поехал в другой конец города.

Там пересел на другое такси и на нем добрался до нашего посольства на Виа Рено.

В посольстве я разыскал главного бухгалтера Михаэля, единственного человека, которому доверял. Услышав мою историю, он дал знать Элизэру Шошани, главе группы «Рехеш». Мы быстро посоветовались и решили, что я должен покинуть Италию в тот же вечер.

Я вызвал в посольство Моше Хадада, мы вместе съездили в гостиницу за моими вещами, а оттуда — прямо на вокзал Термини. Я купил билет до Парижа, дал Моше последние указания и занял свое место в спальном вагоне.

На границе таможенник увидел в моем паспорте, на последней странице, печать с красным крестом, поставленную полицией. Эта печать означала, что меня следует снять с поезда и выяснить дело в полиции. Таможенник попытался дозвониться до римской полиции, но ему это не удалось. Поезд вот-вот отходил. И тогда он решил меня отпустить. Я во весь дух помчался в свой вагон, и минуту спустя поезд покатил в Париж. Здесь меня ожидал наш радист Сэм, который отвез меня в гостиницу «Метрополь» на улице Виктора Гюго.

В Париже я пробыл несколько дней, пока Амнон не дал мне знать, что я могу вернуться домой».

То, как полиция схватила Йоселе, девушку и подрывные материалы, заставило нас заподозрить, что не рутинное полицейское наблюдение дало итальянским властям сведения о приготовлениях к диверсии. Трудно поверить, что полиция случайно остановила диверсантов по пути на дело. К тому же сразу после ареста Йоселе полиция начала задерживать множество людей, так или иначе причастных к нашим операциям. После длительных допросов всех их отпустили — кроме Йоселе Дрора, которого полиция объявила главарем банды. Его судили и приговорили к трем годам тюремного заключения. Этот приговор ошеломил нас. Наши люди в Италии пустили в ход все свои связи, пытались его освободить, но им это не удавалось.

Глава 13

ВТОРАЯ РАЗВЕДСЕКЦИЯ

Шауль Меиров-Авигур (он взял себе фамилию Авигур сразу после гибели своего сына Гура) был связан со многими организациями, как секретными, так и явными. Он участвовал в деятельности «Рехеша», в работе «Моссада ле-Алия Бет», руководил деятельностью групп, работавших за границей. Практически ни одно крупное мероприятие, так или иначе связанное с безопасностью, не происходило без его участия.

В качестве замминистра безопасности он придерживался четкой позиции по отношению к тому соперничеству, которое разгорелось между главами разведотдела, ШАБАКа* и АМАНа. 7 июня 1948 года состоялось совещание у Бен-Гуриона, где было решено произвести реорганизацию всех служб безопасности. В этом совещании участвовали также Реувен Шилоах и Исер Харэль**. Было решено, что органы разведки до конца Войны за независимость перейдут в ведомство министерства безопасности, а позже, возможно, министерства иностранных дел.

* ШАБАК, иначе Шин-Бет (*аббр.* ивритских слов «Шерут битохон клали») — Общая служба безопасности. Создана в конце 1940-х гг. Относится к системе спецслужб Израиля, выполняет функции контрразведки и охраны внутренней безопасности. Подчинена министру внутренних дел.

** Харэль Исер (наст. фамилия Гальперин; 1912—2003) — глава различных секретных служб Израиля в 1948—1963 гг. В конце 1944 г. направлен на работу в Службу информации (разведку) Хаганы. В 1948 г. назначен руководителем ШАБАКа. С сентября 1952 г. по март 1963 г. глава «Моссада» (см. примеч. на с. 231). В эти же годы одновременно возглавлял объединенный комитет руководителей израильских секретных служб.

С этого момента не прекращалось жестокое соперничество разведслужб за главенство в области сбора информации и управления агентами за границей.

В конце декабря 1948 года начались лихорадочные совещания, и на заключительном совещании, в котором участвовали начальник генштаба Яков Дори, глава АГАМа (оперативный отдел) Игаэль Ядин, Шауль Авигур и Реувен Шилоах, было решено образовать разведсекцию-2, в рамках разведотдела при министерстве иностранных дел. Подбирать кадры и получать финансирование будет не министерство, а непосредственно начальник разведсекции по согласованию с Реувеном Шилоахом, советником министра по особым поручениям, и Борисом Гуриэлем, главой разведотдела.

5 января 1949 года меня вызвали в генеральный штаб, где мне сообщили, что я назначен начальником разведсекции с присвоением мне временно звания майора. И что я буду теперь подчиняться не министерству безопасности, а министерству иностранных дел.

Я спросил Шауля, как это понимать. Ответ его был краток и ясен: «Во всех делах, связанных с бюджетом и диверсионными операциями, ты подчиняешься мне точно так же, как подчинялся с тех пор, как я назначил тебя на эту работу в мае сорок восьмого года».

Первым делом я позаботился о том, чтобы подыскать себе помещение как можно дальше от разведотдела министерства иностранных дел. К возвращению Иегуды из Парижа я уже устроился в своем офисе на улице Перец в южной части Тель-Авива.

После краткого периода реорганизации я договорился с Иегудой, что он, на сей раз с израильским паспортом, отправится в Италию, где будет командовать нашей группой, подчиняясь непосредственно мне.

Вместе с Иегудой я поехал на несколько дней в Рим, чтобы помочь ему установить четкие взаимоотношения с различными организациями и службами. Группа в этот момент насчитывала семь человек: Иегуда Венеция, Барух Ландау, Моше Хадад, Иегуда Бублиль, Гидон и Марио Кенда.

По прошествии нескольких дней я вернулся домой с неприятным чувством, что люди разведотдела в Риме не

очень-то довольны новым положением вещей и могут затруднить работу нашей группы.

Артур Бен-Натан полностью доверял Магену, невзирая на то, что другие видели в нем весьма подозрительную личность. Так, например, Йошуа Тадмор, один из работников разведслужбы в Риме, пишет в своей книге «Между Римом и Лондоном»:

«Люди, взявшие на себя нелегкую обязанность взрывать предназначенные для Египта торпедные катера, потерпели неудачу не по своей вине. Это была не просто неудача, а намеренный, предательский подрыв их планов. И мы знали, кто предатель, но вынуждены были молча проглотить эту горькую пилюлю».

Хаим Гаон, ответственный за сбор и оценку военной информации из-за границы, настаивал, что Артур должен разоблачить Магена, хотя он убежден, что это самый ловкий и опытный агент в отделе, способный отправиться на задание в любую вражескую страну и творить там чудеса.

Пользуясь своим положением в разведотделе и полной поддержкой Артура, Маген начал предлагать свои планы операций.

1. Три торпедных катера

После провала операции на верфи в Варацце Маген принялся уверять, что может вывести из строя три торпедных катера сам, в одиночку, насыпав сахар в баки с горючим. Как только моторы будут запущены, они сломаются.

Согласно новому порядку, это предложение поступило на утверждение ко мне. Мнение мое об этом проекте было отрицательным, о чем я и сообщил Реувену Шилоаху. У нас ведь не будет никакой возможности узнать, совершена ли операция. И даже если она будет совершена, ущерб противнику она нанесет минимальный — в крайнем случае на катерах заменят моторы и усилят охрану.

Реувен Шилоах не согласился с моим мнением и приложил все усилия, чтобы меня переубедить. Меня вызвал министр иностранных дел Моше Шарет, объяснил, что операция Магена эффективна и безопасна, и весьма деликатно

намекнул, что будет гораздо лучше, если я дам свое согласие. Я понял намек и утвердил проект Магена.

Впоследствии Маген, разумеется, уверял, что диверсия состоялась. Между тем Иегуда сообщил мне 12 июля 1950 года, что, по сведениям агентуры, один из этих трех торпедных катеров затонул, когда во время учений на нем взорвалась торпеда. Второй сильно пострадал во время маневров, налетев на большой скорости на мель. Из всего этого следует, что никакого сахара в их баки с горючим Маген не насыпал.

2. Не теряя времени, Маген немедленно предлагает следующий проект. По его сведениям, египтяне приобрели со складов союзных армий большое количество 20-миллиметровых снарядов для пушек «орликон». Эти снаряды переданы на завод итальянской фирмы, занимающейся ремонтом боеприпасов. Завод находится на севере Италии на небольшом острове озера Де-Гарда. Маген предлагает, используя его связи с владельцами завода, ввести в некоторые снаряды бризантную взрывчатку. При стрельбе таким снарядом пушку разорвет.

Проект поступает ко мне на утверждение. На совещании у Реувена Шилоаха, с участием Бориса Гуриэля и Артура Бен-Натана, я настаиваю на необходимости лично проверить все данные на месте, как делал и прежде.

Выезжаю в Рим и впервые встречаюсь с Магеном в его роскошном кабинете. Во встрече участвует также Иегуда Венеция. Маген показывает нам образцы снарядов и объясняет, какие связи позволили ему внедрить на завод своего человека, который сможет набить взрывчатку в некоторое количество ремонтируемых снарядов. Спрашивает меня, смогу ли я обеспечить его бризантной взрывчаткой. Я, разумеется, отвечаю положительно. Он интересуется моим мнением о проекте. Я отвечаю, что идея интересная и что теперь надо съездить на завод и взглянуть на производственный процесс, убедиться, что операция выполнима. Маген говорит, что ему понадобится день-другой, чтобы организовать поездку.

От Магена мы с Иегудой идем посоветоваться с Израэлем Дикенштейном, руководителем «Рехеша» в Италии.

Рассказываем ему о замысле Магена, расспрашиваем о заводе, о боеприпасах, приобретенных египтянами, и интересуемся его мнением. Ответ его однозначен: пустая трата времени и сил, снаряды эти прогнили изнутри и починке не поддаются. Тот, кто их купил, сам уже успешно произвел антиегипетскую диверсию.

И все-таки я решил рискнуть и съездить на фабрику с Магеном и Иегудой. Через два дня он сообщил нам, что все подготовлено для нашего визита.

На следующий день мы прибыли в небольшой порт на берегу озера Де-Гарда, охраняемый полицией. Здесь нас должны были встретить люди Магена, обеспечить нам беспрепятственный допуск в порт, откуда нас доставят на катере на остров, где находится завод. Увы, люди эти не явились, и нам пришлось вернуться в Рим ни с чем.

Согласия на этот проект я, разумеется, не дал.

Для той эпохи характерно было отсутствие четкого разделения функций и полномочий между разведотделом при министерстве иностранных дел, военной разведкой и Общей службой безопасности. Все они стремились к первенству в руководстве групп, работающих за границей. Соперничество между различными разведслужбами было в полном разгаре, когда Реувен Шилоах попытался установить между ними мир. По его инициативе 8 февраля 1949 года Бен-Гурион вызвал к себе начальника генштаба Якова Дори, Реувена Шилоаха, Хаима Херцога и Исера Харэля, чтобы разграничить функции и полномочия представителей различных служб, высылаемых для работы за границей. Было решено, что эмиссары за границей будут находиться в двойном подчинении, — с одной стороны, они будут подчиняться центру службы безопасности в Израиле, а оперативное руководство будет осуществлять заграничный филиал разведотдела при министерстве иностранных дел.

Такое определение казалось мне слишком расплывчатым. Я обратился к Шаулю Авигуру и попросил точно определить мои полномочия в качестве начальника разведсекции-2. В результате разъяснительных бесед со всеми причастными к делу организациями в мае 1949 года было составлено «предварительное соглашение», которое хотя и

не вполне рассеяло туман, но все же дало мне возможность выполнять свои обязанности.

В сентябре 1949 года Бен-Гурион назначил Шауля Авигура заместителем министра безопасности. В письме к Авигуру, выдержки из которого были опубликованы в газете «Едиот Ахаронот» под заглавием «Система безопасности нуждается в высокоморальных людях», Бен-Гурион говорит о многочисленных заслугах Шауля перед государством.

13 декабря 1949 года Бен-Гурион поручил Реувену Шилоаху организовать и возглавить учреждение, получившее название «Моссад»*, которое собирало под одной крышей различные разведслужбы государства и подчинялось непосредственно главе правительства. Помимо руководства «Моссадом», Шилоах по-прежнему состоял советником по особым поручениям при министре иностранных дел.

Йоселе Дрор выходит из тюрьмы

Не веря, что товарищам удастся вызволить его из заключения, Йоселе начал готовиться к побегу. Вот что он писал из тюрьмы Агари Серени:

«Я много думал о том, что услышал от тебя во время твоего визита. Хотя сам по себе визит был для меня приятным сюрпризом, выводы, к которым я прихожу, весьма неприятны. То, что раньше стояло под знаком вопроса, превратилось в печальную уверенность. Я тешил себя иллюзией, что делается все возможное, но после твоего

* «Моссад» — внешняя разведка, несет основную ответственность за операции за рубежом. Официальной датой рождения считается 1 апреля 1951 г. На самом деле организация (под другим названием) начала работать в 1937 г., и тогда ее возглавлял Шауль Авигур. Создателями же непосредственно «Моссада» считаются Исер Безри и Исер Харэль. В настоящее время эта организация занимается сбором разведывательной информации за рубежом, осуществляет акции политического характера и ведет борьбу против терроризма. Одной из самых эффективных операций «Моссада» считается похищение фашистского палача Адольфа Эйхмана, скрывавшегося в Аргентине (1960).

визита настоящее положение вещей открылось мне во всей своей неприглядности. Дело мое ползет черепашьим шагом из-за небрежности и неразберихи, царящей среди наших товарищей. Поймите, это не жалобы, я знаю, что таковы условия и таковы наши люди. Я лишь снова настаиваю на своем элементарном праве: предоставьте мне свободу действий. Мое трехмесячное сидение в тюрьме лишено всякого смысла, и у меня нет ни малейшего намерения продолжать в том же духе».

Ясно было, что он попытается сбежать, как он сбежал из тюрьмы на Кипре после того, как затопил британский корабль «Оушен войджер». Наши люди в Италии опасались, что своим побегом он подведет остальных участников неудавшейся операции, только недавно выпущенных на свободу. А что, если побег сорвется? Неизвестно, сколько ему тогда придется просидеть в тюрьме.

Йоси Харэль, только что вернувшийся из Италии, требовал от Авигура, чтобы тот разрешил ему войти в контакт с Йоселе и помочь ему бежать. Авигур, сильно беспокоившийся о судьбе Йоселе, пустил в ход все свои связи, пытаясь ускорить его освобождение. В начале сентября 1949 года он вызвал меня и спросил, что я думаю о требовании Харэля разрешить побег.

Судя по сведениям от моих людей в Италии, я догадывался, что освобождение Йоселе зависит в первую очередь от удовлетворительного объяснения истории с «Пиратом». В итальянском министерстве иностранных дел этот вопрос по-прежнему стоял на повестке дня, хотя мы уплатили владельцу «Арджиро» полную стоимость корабля, и даже сверх того. Дело в том, что в министерстве об этом не знали.

Я предложил поехать в Италию и взять у г-на Манары, владельца «Арджиро», расписку в получении от нашего посольства полной компенсации за потопленный корабль, что, по моему мнению, положит конец этой истории, и Йоселе будет освобожден. Харэль на всякий случай должен поехать со мной — если Йоселе все-таки не освободят, надо готовить побег.

Шауль согласился с моим предложением. Я выехал в Италию, имея при себе письмо от министерства иностран-

ных дел к нашему послу Шломо Гиноссару с объяснением цели моей поездки. Сразу по приезде моем в Рим Гиноссар вызвал к себе работников «Рехеша». Всесторонне обсудив мое предложение, они дали «добро». И я начал действовать.

Прежде всего, я позвонил Марио, и мы вместе поехали в Барри, к г-ну Манаре, который весьма удивился, увидев нас в своей конторе без всякого предупреждения. Мы сразу приступили к делу, объяснили, что нам нужна расписка, которую наше посольство предъявит в министерстве иностранных дел, чтобы вся эта история наконец завершилась. Манара выразил полную готовность выдать нам нужный документ — он тоже не желал никакого дальнейшего развития событий. Я сообщил об этом по телефону Гиноссару, и в тот же день Манаре была послана телеграмма, приглашающая его в Рим, на встречу с первым секретарем посольства Арье Ороном.

Вечером мы все втроем выехали в Рим, и на следующее утро состоялась встреча в посольстве. Арье Орон зачитал приготовленную заранее расписку, и Манара беспрекословно ее подписал. Все были довольны, что дело так быстро и легко уладилось, и, пожав друг другу руки, мы расстались с Манарой. На этом, собственно, мое участие в деле закончилось, дальнейшая работа пошла по дипломатическим каналам.

Перед возвращением на родину я съездил в Варацце, чтобы повидать Йоселе в тюрьме, ободрить его и рассказать ему, что делается для его освобождения. По итальянским правилам для получения пропуска в тюрьму на свидание с заключенным следует зарегистрироваться в местном отделении полиции, чего я, разумеется, хотел избежать. Я пришел к тюрьме, расположенной в центре города, рано утром и решил попытаться пройти без пропуска. Протянул сторожу бумажку в тысячу лир — подействовало моментально, и он меня впустил.

Йоселе был очень удивлен моим визитом. В нашем распоряжении было полчаса. Я быстро рассказал о состоянии дел и прибавил, что на случай неудачи Шауль прислал со мной в Италию Харэля и план побега пока не отменяется. Это, кажется, немного подняло ему настроение.

Затем я вернулся в Рим и оттуда домой.

Спустя короткое время усилия работников посольства, в особенности Дана Авни, увенчались успехом и Йоселе был освобожден. Он даже не ожидал, что это произойдет так быстро.

Итальянец Марио Кенда был активнейшим участником всей нашей деятельности. Он с огромной энергией и самоотверженностью способствовал работе «Моссаса ле-Алия Бет», лично же мне он стал просто неоценимым помощником. Я обратился к Авигуру с предложением, в знак признательности нашего государства, подарить ему корабль «Нора», привезший в Израиль партию оружия.

История «Норы» такова. В Милане жил в то время человек по имени Эфраим Илин, крупный торговец и производитель текстиля. Приобретение корабля таким человеком никому не казалось подозрительным. Он приобрел для нас деревянное судно водоизмещением в 600 тонн и договорился с экипажем, что корабль отправится в Югославию, в порт Шибник, где примет на борт партию оружия, закупленного Эхудом Авриэли в Чехии. Первого апреля 1949 года «Нора», имея на борту 4500 винтовок, 500 автоматов и 5 миллионов патронов, благополучно прибыла в Тель-Авивский порт.

К моей радости, Авигур согласился с моим предложением, и судно было безвозмездно передано Марио Кенде.

Что же касается Магена, вот что мы узнаем из книги Йошуа Тадмора «Между Римом и Лондоном»:

«На третий день по приезде в Рим в моем номере зазвонил телефон. Незнакомый голос, бойко говоривший по-итальянски, предложил мне встретиться вне гостиницы. «Кто вы?» — спросил я. «В нашей профессии не знакомятся по телефону», — последовал ответ. Я бросил трубку. Когда же, собираясь выйти, я спустился в вестибюль, мне заступил дорогу незнакомый человек: «К вашим услугам, синьор. Я намерен помочь вам подобрать гардероб, приличествующий вашему положению, вместо тряпок, которые вы носите. На улице Барберини есть отличный портной. Я вас туда отведу». — «Кто вы та-

кой?» — спросил я, и он ответил с хитрой усмешкой: «Человек от Артура». Я понял, что он знает, кто я, а то, как лихо он произнес имя Артура, указывало, что этот агент разведки весьма самоуверен. Так я узнал о существовании Теда Кросса по прозвищу Маген, виднейшей личности в мире тогдашней, едва зарождавшейся, израильской разведки. Тед, красивый холеный мужчина, обладавший редкостным талантом по части завязывания международных связей, был на самом деле предатель, скользкий двойной агент, тайно препятствовавший деятельности израильской разведслужбы. С величайшим тщанием мы подыскивали по всем уголкам Италии нужных людей, завязывали контакты, по крохам собирали информацию, он же единым мановением руки разваливал наши планы, передавая сведения о них врагу».

В 1950 году я завершил свою деятельность на должности руководителя разведсекции-2. К этому времени было решено расформировать разведотдел при министерстве иностранных дел, причем это происходило в два этапа:

1-й этап. Функции разведотдела переходят к «Моссаду», глава его Реувен Шилоах подчиняется непосредственно главе правительства.

2-й этап. В феврале 1951 года в ведение «Моссада» переходят также филиалы отдела за пределами страны.

Реорганизация происходила на фоне жестоких внутриведомственных конфликтов. Большая часть работников разведотдела за границей, во главе с Артуром Бен-Натаном, коллективно подала в отставку, в результате наша разведслужба потеряла немало отличных работников. Артур Бен-Натан уехал учиться в Швейцарию.

Дальнейшая судьба Магена сложилась так. Артур, хорошо знавший легкомыслие Магена, его пристрастие к деньгам, женщинам и сладкой жизни, категорически распорядился перед своим увольнением с поста главы разведотдела в Европе, чтобы всякие контакты с ним были прекращены. Приказ был правильный, однако выполнен он не был. Вернее сказать, Маген просто не давал его выполнить: он подъезжал на своей роскошной машине к подъезду посольства, заговаривал с работниками отдела, с секретаршами, при-

глашал к себе в гости. Или пробирался в здание посольства, поднимался на верхний этаж, смешивался с толпой сотрудников и пытался назначать свидания в городе, главным образом секретаршам. Он был ловкий кавалер, завсегдатай ночных клубов, человек из большого мира, перед ним было трудно устоять. Так что приказ Артура не вступать с ним в контакты выполнялся плохо.

По прошествии нескольких лет стала известна его предательская роль двойного агента. Исер Харэль, сменивший в сентябре 1952 года Реувена Шилоаха на посту главы «Моссада», опытный разведчик, был не из тех, кого легко провести. В 1953 году он вызвал Магена в Израиль, где его судили как двойного агента, работавшего в контакте с вражеской агентурой, и приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения.

Отбыв двенадцать лет срока, Маген вышел на свободу и решил поселиться в Израиле. Он создал здесь семью и при финансовой помощи своего друга Эйтана Шапиро открыл рыбный ресторан в Кесарии.

В 1973 году Маген скончался после тяжелой болезни.

Реуен Шилоах, освобожденный с поста главы разведотдела при министерстве иностранных дел, пошел по дипломатической линии и был назначен нашим послом в Вашингтоне.

Проработав около двух лет на посту начальника разведсекции-2, я, с согласия Шауля Авигура, решил уволиться и перейти на трехлетнюю службу в действующую армию. Я подал главе разведотдела при министерстве иностранных дел заявление об уходе, которое и было принято Борисом Гуриэлем.

В течение трех месяцев я проходил специальную военную переподготовку в дивизии Гивати, тренировался во владении оружием, изучал систему командования. По окончании курса переподготовки, в апреле 1951 года, я был назначен начальником военной школы 9-й дивизии в лагере Амос возле Афулы.

С этим назначением мое временное звание майора было утверждено как постоянное.

В конце сентября меня вызвал к себе начальник генштаба Игаэль Ядин. Присутствовал также его заместитель Мотке Маклеф. Оба стали убеждать меня перейти в разведывательный отдел в качестве главы секции планирования и исполнения операций. Я попытался объяснить им, что во время работы на посту начальника разведсекции-2 у меня возникли резкие разногласия с генерал-лейтенантом Биньямином Гибли, главой разведотдела, и это не позволит нам теперь работать вместе. Мотке Маклеф возразил, что требование использовать мой предыдущий опыт и перевести меня в разведотдел исходит именно от Биньямина Гибли. Я потребовал назначить мне встречу с Биньямином, чтобы четко определить мои полномочия на новой должности. Кроме того, начальник генштаба обещал, что я смогу пройти курс комбригов, как было у меня условлено с генерал-лейтенантом Нахумом Шадми.

Маклеф, не теряя времени, позвонил Биньямину Гибли, и мы встретились в тот же день. Биньямин сумел ликви-

ровать все существовавшие между нами недоразумения и обещал мне полную поддержку, такую же, какую в свое время обеспечивал мне Шауль Авигур. Он согласился также, что я пройду курс комбригов и буду назначен на пост начальника разведсекции только после того, как основательно ознакомлюсь с работой руководимого им отдела.

Я представил Биньямину Гибли план работы секции и получил его одобрение. Затем я быстро закончил все дела в организованной мною школе разведывательной агентуры в лагере при базе 890 неподалеку от Рамле, передал руководство ею новому начальнику школы Гидону Маханайми и его заместителю Элише Рои, и мы вместе составили следующую программу обучения:

- стрелковые учения;
- ознакомление с взрывчатыми веществами и приготовление их;
- топография — включая длительные переходы в тяжелых условиях;
- работа с рацией;
- тайнопись;
- фотография.

18 ноября я получил от Биньямина письмо, из которого стало очевидно, что он не собирается держать свое слово и предоставлять мне необходимую свободу действий, как было договорено при моем вступлении в должность. Я не мог принять ни его извинений по поводу того, что непредвиденные обстоятельства помешали ему встретиться со мной и обговорить вопросы, не решенные при первой встрече, ни его решения, вопреки моей воле, послать Изи Рахава в Южную Африку. Мое намерение послать туда Иегуду Венецию кажется ему несколько странным, против же моей поездки за границу у него возражений нет, но лучше отложить ее до его возвращения в Израиль...

Прошло всего сорок восемь дней с момента моего вступления в должность начальника секции, но у меня уже появилось ощущение, что мне здесь не место.

Вернувшись в Израиль, Биньямин вызвал меня к себе. От обсуждения спорных вопросов он уклонился, а вместо этого представил мне майора Меира (Макса) Беннета, от-

правляющегося в Египет для сбора военной информации. Гибли просил меня дать ему возможность в индивидуальном порядке пройти ускоренный курс обучения. Я, разумеется, согласился.

При нашей первой встрече в школе я постарался выяснить, кто он, этот человек, который берет на себя столь опасную миссию. И очень быстро увидел, что Макс обладает большим опытом разведывательной работы и прекрасно понимает значение своей миссии.

Меир Беннет родился в Венгрии в 1917 году. Родители его, ортодоксальные евреи, жили в Кельне и в Венгрии находились временно. В 1935 году вся семья нелегально иммигрировала в Палестину. Меир начал работать на верфи в Яффо и уже тогда занимался делами нелегальной иммиграции.

До того как отправиться с заданием в Египет, Макс приобрел немалый опыт секретной работы.

В 1942—1945 годах он находился в Иране, готовил к алие еврейскую молодежь в городе Абадане. В 1946—1948 годах учился в Англии радиоделу. С 1948 по 1949 год работал в Италии, подготавливал радиооснастку кораблей «Рехеша». В 1949 году снова выехал в Иран, где основал подпольную радиостанцию. Из Ирана он перебрался в Ирак, занимался переправкой евреев в Израиль.

В 1950 году он вернулся на родину, где встретил Джейн, новую иммигрантку из Южной Африки, и они поженились. Как рассказывает Джейн, перед тем как принять каирскую миссию, Макс сказал ей: «Решай — ты со мной или против меня». Она ответила: «Я с тобой».

Макс свободно владел шестью языками. Он рассказал мне, с какой легендой он собирается отправиться в Египет. Он возобновит свое германское гражданство и явится в Каир в качестве представителя немецкой фирмы «Бьорн фон Лаутенберг», производящей протезы для ног. Эта идея мне очень понравилась, и я поручил Гидону Маханайми сделать все возможное, чтобы вооружить Макса всеми доступными нам знаниями и умениями.

По окончании курса я доложил Биньямину, что его выбор правильный и что от Макса можно многого ожидать. И Макс отправился в Германию. По просьбе Биньямина я захватил за ним, чтобы отвезти в аэропорт. В его доме на севе-

ре Тель-Авива я впервые познакомился с его женой Джейн и маленькой дочкой Мишель. Макс распрощался с близкими, и мы поехали в аэропорт Лод. Меня поразило, как спокойно он расстался со своей семьей, отправляясь на столь опасное задание.

По дороге Макс поделился со мной своими намерениями сделать все, для того чтобы его жена и дочь смогли присоединиться к нему. И действительно, через некоторое время Макс встретил жену и дочь в Германии, они сняли дом и некоторое время изображали благополучную немецкую семью.

Теперь легенда его безупречна. Он возвращается с семьей в Каир и налаживает здесь производство протезов нижних конечностей для инвалидов. Египетская армия — главный его клиент. На этом основании Макс имеет возможность посещать любые армейские базы и лагеря, военные заводы, беседует с офицерами высокого ранга о наилучшей конструкции протезов для раненых солдат. Он делается также постоянным гостем на приемах и вечеринках армейского командования, вращается в избранном египетском обществе. Образ жизни его таков: днем он объезжает армейские базы, по вечерам танцует на балах, а ночью передает по радио в Израиль собранную им информацию.

В силу своей должности я должен был регулярно получать сведения о деятельности Макса. Очень скоро я почувствовал, что Биньямин передает мне далеко не все. На мой вопрос он ответил коротко и ясно: Египтом занимается он лично, вместе с двумя ассистентами, Аври Эльадом и Авраамом Даром.

Услышав такое объяснение, я решил спокойно дождаться курса для комбригов, а по окончании его в АМАН больше не возвращаться.

Макс Беннет, один из первых выпускников организованной мною военной школы, был разведчиком высокого класса. Между ним и диверсионной сетью, действовавшей в те дни в Египте, не было никаких контактов.

Руководил этой сетью из центра в Париже Авраам Дар. В какой-то момент он вызвал сотрудников сети через Париж на родину, и здесь они прошли курс обучения в воен-

ной школе. Им предстояло выполнение продолжительных заданий в тяжелых условиях.

В 1953 году диверсанты вернулись в Египет. Перед ними стояла задача: посеять раздор между Египтом, Америкой и Англией, дабы способствовать отмене англо-египетского соглашения о выводе британских войск из Египта. С этой целью они произвели целый ряд диверсий. В начале июля 1954 года были заложены зажигательные мины в квартале Аль-Рамаль в Александрии. 14 июля такие же мины были заложены в американских библиотеках в Каире и Александрии. 23 июля — в кинотеатрах в Каире и Александрии. Была также сделана попытка взорвать багажный склад на Каирском железнодорожном вокзале. Все эти операции производились без ведома премьер-министра и министра иностранных дел Моше Шарета.

К несчастью, во время очередной операции воспламенилась мина в кармане одного из участников, и их арестовали.

Биньямин Гибли, который руководил и Максом Беннетом, и диверсантами в Египте, должен был бы позаботиться, чтобы это были абсолютно изолированные друг от друга операции, чтобы между Беннетом и диверсантами не было никаких контактов. Между тем двое членов диверсионной группы, Аври Эльад и Марсель Ниньо, знали о Максе и о его работе. Марсель рассказала его жене Джейн и дочке Мишель, что, не выдержав чудовищных пыток, она выдала Макса египтянам.

Невзирая на рассказ Марсель, Исер Харэль упорно настаивал, что выдал их всех — и членов группы, и Макса — Иври Эльад, отрицательная личность, человек с большим воображением, известный лгун и предатель.

Макс подвергся допросу, сопровождавшемуся жестокими пытками, и покончил с собой в тюрьме. Перед смертью он написал своим близким:

«Дорогие мои, выхода нет. Я принял это решение, все тщательно взвесив и обдумав. Терпеть больше невыносимо, и морально, и физически.

Я думаю о вас. Лучше перенести одно тяжкое горе, которое смягчится со временем, нежели жить в беско-

нечных мучениях. Джейн, ты должна снова выйти замуж. Мишель нужен отец. И я надеюсь, что ты будешь жить так, как мы с тобой договорились. Я многое хотел сделать ради лучшего будущего для всех, но теперь единственный мой вклад в будущее — это Мишель.

Мне хочется, чтобы в день моего рождения вы посадили дерево в мою память. Обнимаю вас. Да пошлет вам Господь покой и радость. Простите меня».

В конце февраля 1959 года тело Макса было перевезено в Израиль. Он похоронен на горе Герцля. Светлая ему память.

Иври Эльада судили в Израиле по обвинению в контактах с вражеской агентурой и в выдаче группы диверсантов египетским властям. Суд приговорил его к двенадцати годам заключения.

По выходе из тюрьмы он оставил Израиль и переселился в Лос-Анджелес, где умер от рака в июле 1973 года.

Биньямин Гибли до сего дня упорно хранит молчание по поводу всей этой печальной истории.

Подошел срок, я начал заниматься на курсах комбригов; мою должность занял Мотке Бен-Цур. По окончании курса я получил от Биньямина, ожидавшего, что я вернусь на прежний пост начальника разведсекции-2, поздравительное письмо, к которому прилагался диплом.

Но, к его изумлению, 17 июня 1952 года я получил назначение на пост начальника разведотдела при штабе 10-й дивизии.

На этом посту я и прослужил до 3 июня 1953 года, когда истек срок моего трехлетнего договора о службе в действующей армии. После демобилизации я получил письмо от начальника отдела кадров генерал-лейтенанта Цви Цура с высокой оценкой моей работы.

Еще до демобилизации, в октябре 1952 года, меня вызвал Шауль Авигур, желая узнать, как протекает моя служба в армии. Я рассказал ему, что в июне 1953 года срок моей службы кончается и что в гражданской жизни я хотел бы заниматься чем-нибудь в промышленности, чем-нибудь творческим и результативным. Шауль, по своему обычаю, тут же вынул блокнот и написал мне от руки рекоменда-

тельное письмо. За годы совместной работы я хорошо узнал, что такое «записка» от Шауля; клочок бумаги, зажатый у меня в руках, обладал огромной ценностью.

Все то, чему я научился от Шауля Авигура, что я перенял от него за годы работы под его началом, прекрасно отражено в постановлении сената Иерусалимского университета, который в 1976 году, за два года до его смерти, присвоил Шаулю Авигуру почетную степень доктора философии.

Глава 15

«МАХТЕШИМ» И «ТАДИР»

По окончании армейской службы я проработал три года в качестве административного директора только что построенной фабрики гербицидов и инсектицидов «Махтешим» в Беэр-Шеве. В мою задачу входило налаживание производства и сбыта продукции.

Затем руководство концерна «Кур» назначило меня генеральным директором завода «Тадир», построенного на средства иностранных инвесторов. Завод производил полупроводники для армейских приборов связи. Так зарождалась в Израиле в пятидесятых годах промышленность высоких технологий.

Предприятие встретилось с финансовыми затруднениями и стояло на грани ликвидации. Однако министерство безопасности, понимая всю его важность для армии, оказывало давление на «Кур», настаивая, чтобы концерн приобрел завод и продолжил производство. Тогдашнему директору «Кура» Гилелю Дану удалось убедить руководство концерна приобрести «Тадир» и таким образом заложить основу дальнейшего развития электронной промышленности.

В 1956 году я вступил в свою новую должность и начал энергично расширять производство, включая в ассортимент новые электронные приборы.

В 1962 году генеральный директор министерства обороны Моше Кашти, понимая, что потребности израильской армии в электронном оборудовании будут непрерывно возрастать, пришел к выводу, что необходимо всячески поощрять развитие электронной промышленности как в рамках министерства безопасности, так и в частном секторе, что позволит сократить зависимость Израиля от заграничных поставок.

Обсуждая эту проблему с Моше Кашти, мы выработали проект объединения завода «Ран», производившего электрические батареи и принадлежавшего министерству обороны, и «Тадир» в единое предприятие, которое будет обеспечивать потребности армии в приборах связи. В концерне «Кур» в это время сменились руководители, и нам, Кашти и мне, потребовалось немало усилий, чтобы убедить их пойти на объединение двух заводов и на сотрудничество с министерством обороны. Так был образован «Тадиран», со временем превратившийся в ведущую электронную компанию Израиля.

Энергия, предусмотрительность и упорство в достижении цели Моше Кашти, а также неустанная поддержка со стороны министра обороны Шимона Переса, в огромной мере способствовали бурному развитию электронной промышленности и применению ее продукции в вооружении всех родов войск.

В качестве примера удачного сотрудничества частного сектора с министерством обороны укажу на ту поддержку, которую оказал Моше Кашти Стефу Вертхаймеру, основавшему предприятие «Лахавей Искар», которое со временем стало интернациональной компанией и поставляет лопасти и турбины ведущим производителям двигателей для реактивных самолетов.

В знак признания высоких заслуг покойного Моше Кашти в организации и развитии «Тадирана» было решено назвать его именем отделение средств связи концерна. В 1992 году, в присутствии его вдовы, состоялась церемония открытия мемориальной доски, помещенной на фасаде предприятия в Хулоне. На церемонии я сказал несколько слов о личности и о деятельности Моше Кашти:

«Господин генеральный директор министерства безопасности, члены директората, руководители и работники «Тадирана», дорогие члены семьи Кашти, друзья и товарищи Моше Кашти, светлая ему память.

Мы собрались сегодня, чтобы почтить память инициатора и основателя «Тадирана» и первого председателя его директората. Моше Кашти был великим строителем и отважным руководителем. Это был человек

исключительной честности и прямоты, верный друг и внимательный коллега, отличавшийся неутомимым трудолюбием, оптимизмом, безграничной преданностью нашим силам безопасности и в особенности оборонной промышленности, любимому его детищу.

Он верил, что Государство Израиль может и должно стать одним из мировых лидеров в области электроники. С редким пониманием дела и в предвидении будущего он раньше многих осознал, что оборонные силы Израиля должны сами производить необходимые армии средства связи, что и привело в результате к объединению предприятий «Ран» и «Тадир» и возникновению «Тадирана». Сегодня мы являемся свидетелями того, как осуществилась его мечта. Тридцать лет назад на обоих предприятиях вместе работало 150 человек, сегодня на объединенном предприятии — 7 тысяч работников.

Хочу выразить свою признательность председателю директората Ицхаку Хофи и генеральному директору компании Гури Мельцеру, которые откликнулись на обращение общества по увековечению имени Моше Кашти и предоставили нам возможность назвать в его честь отделение средств связи, а также учредили ежегодную премию его имени за разработку проектов».

В июле 1994 года авиапромышленность, по моей инициативе, отметила двадцатую годовщину со дня смерти Моше Кашти. Среди гостей, представлявших руководство оборонной промышленности Израиля, присутствовал также президент государства Эзер Вейцман.

Глава 16

МИССИЯ В УГАНДЕ И РАБОТА В ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В мае 1964 года, по согласованию с начальником генштаба Ицхаком Рабином, Моше Кашти направил меня с особым заданием в Уганду. Уганда в тот момент, освободившись от британского владычества, только что обрела независимость. Между нашими странами шла подготовка оборонного соглашения.

Во время пребывания в Уганде мне удалось завязать тесные связи с министрами обороны, финансов и внутренних дел, а также с начальником генштаба и другими влиятельными лицами, способными дать мне совет и поддержку в выполнении моей миссии.

Еще находясь в Уганде, я решил, что по возвращении посвящу год учебе в бизнес-школе при Тель-Авивском университете.

Однако вернулся я — 9 июня 1967 года — в страну, где обстоятельства сильно изменились в результате победоносной Шестидневной войны. Новая действительность не позволила мне осуществить мои учебные планы, я вернулся к работе в оборонной промышленности концерна «Кур».

Посещая в 1984 году машиностроительную выставку в Чикаго, я познакомился с продукцией американско-израильской фирмы «Элкам», которая разработала первую в мире программу для параллельной обработки данных. Программа эта произвела на меня отличное впечатление, и я решил, невзирая на риск, стать ее первым покупателем. Благодаря этому удалось приобрести ее относительно недорого, и фирма обязалась помочь нам наладить ее запуск на заводе «Симат» в Кирьят-Шмоне. Будущее показало, что решение это было правильным, как подтверждает письмо, полученное мной от директора «Элкама».

Руководство общества «Поколение ПАЛМАХа» поручило мне организовать программу празднования пятидесятилетней годовщины со дня возникновения ПАЛМАХа. В программу входили следующие мероприятия:

1. Праздничные костры (идея Хаима Хефера).

Вечером 14 мая в пятидесяти населенных пунктах страны (в городах, в кибуцах и поселках, от Мисгав-Ама на севере и до Эйлата на юге) были зажжены пятьдесят костров в знак признания заслуг ПАЛМАХа.

2. Прием у президента Хаима Герцога. Программа вечера включала в себя речь президента, речи других видных лиц, выступление хора, чтение стихов и дружеские встречи соратников.

3. Съезд ветеранов ПАЛМАХа.

4. Прием в кнессете.

После специального заседания председатель кнессета устраивает торжественный прием для палмахников.

Со времени событий, описанных в этой книге, прошли годы, живых участников и свидетелей этих событий становится все меньше. И все больше ощущается потребность закрепить и сохранить память о них, передать наследие ПАЛМАХА грядущим поколениям.

Незадолго до своей смерти командир ПАЛМАХА Игаль Алон разослал ветеранам ПАЛМАХА письмо, в котором настойчиво подчеркивал необходимость создать Дом ПАЛМАХА, дабы сохранить всю значимость этой организации в истории становления Государства Израиль.

Пожелание его осуществилось лишь в 1992 году. Общество «Поколение ПАЛМАХА» взяло на себя эту непростую задачу и поручило мне разработать проект и привести его в исполнение.

Проект Дома включал в себя музей, архив, информационный центр, библиотеку и мемориал, посвященный 1146 павшим бойцам, а также зал с портретами палмахников, активистов нелегальной иммиграции, заселения земли и участников жестоких боев в эпоху Войны за независимость. Так выпала на мою долю привилегия воплотить в жизнь завещание Игаля Алона, нашего любимого командира.

Много было трудностей и препятствий на нашем пути, и работа затянулась на восемь лет. За это время в стране сменилось четыре правительства и три министра финансов: Байга Шохат, служивший министром в двух из них, Дан Меридор и Меир Шитрит. Все они поддерживали наше начинание.

В качестве руководителя проекта я вкладывал в дело всю свою энергию, весь опыт, использовал все связи, главным образом для того, чтобы собрать необходимые средства, шестьдесят миллионов шекелей. И вот в 1999 году министерство финансов завершило ассигнование обещанных сумм министерству обороны.

Все эти годы я работал безвозмездно, не ожидая себе за это никакой награды, и это дало мне внутреннее право обратиться к тринадцати строительным подрядчикам, которые за время строительства Дома стали настоящими соучастниками дела, с просьбой внести в него свой личный вклад. Они откликнулись на мой призыв, что и позволило достроить музей, не обременяя его никакими долгами.

2 января 2001 года строительство было закончено, все финансовые обязательства выполнены, и Дом ПАЛМАХа был передан в ведение министерства обороны. Управляет им с тех пор Отдел музеев, чья деятельность заслуживает всяческих похвал.

До сего дня в музее побывали более двухсот тысяч посетителей. Мечта Игаля Алона и всей семьи ПАЛМАХа воплотилась в действительность. Сохранено наследие поколения основателей государства, поколения, для которого важнее всего были товарищество, самоотверженность и любовь к своей стране.

На церемонии открытия Дома начальник генштаба генерал Шауль Мофаз произнес речь:

«Помимо военной защиты еврейского ишува на земле Израиля, ПАЛМАХ был также замечательной школой, которая прививала еврейской молодежи высокие моральные ценности. Целые поколения командиров и солдат воспитывались, и воспитываются сегодня, в духе этих ценностей: «чистота оружия», творческое мышление, бескомпромиссность в борьбе, принципиальность, любовь к родине и готовность защищать ее от любых опасностей. Дух ПАЛМАХа живет в Армии обороны Израиля, продолжательницы его дела, которая осуществляет задачи по защите своей страны и служит важнейшей школой воспитания молодежи, готовящей преданных родине граждан.

С возникновением ЦАХАЛа в него вошли многие члены ПАЛМАХа, лучшие его командиры и бойцы. Впоследствии из их рядов вышли шесть начальников генштаба, премьер-министр, министры обороны. Все это отражает тот огромный вклад, который внес ПАЛМАХ в дело становления государства...»

Глава 19

ЛЕС ПАВШИХ ПАЛМАХНИКОВ

Память о ПАЛМАХе и его воинах сохранена во множестве мест по всей стране. Улицы в городах и поселках, кибуцы и различные организации названы именами его военачальников и отрядов. Места боев с участием отрядов ПАЛМАХа, могилы его бойцов, погибших в сражениях, отмечены памятниками.

Ведущим хранителем и продолжателем традиций поколения ПАЛМАХа является Дом ПАЛМАХа. И здесь особенно бережно хранится память павших бойцов. Все сведения о каждом и каждой из них собраны в особой папке. При входе в музей расположен зал, на стенах которого начертаны их имена.

В качестве руководителя проекта создания Дома ПАЛМАХа я чувствовал, что для увековечения памяти наших товарищей, отдавших жизнь ради возрождения Израиля, необходимо сделать больше. И у меня возникла идея — посадить в их честь мемориальный лес. Я обратился к Моше Ривлину, председателю «Керен Кайемет», который в свое время немало помог нам в строительстве Дома ПАЛМАХа.

Моше Ривлин принял идею с энтузиазмом и предложил сделать этот лес частью парка имени Ицхака Рабина в горах в окрестностях Иерусалима.

В марте 1998 года было выбрано подходящее место в парке, и работники «Керен Кайемет» энергично принялись за работу.

В сентябре 1999 года состоялась торжественная церемония открытия леса. Посреди деревьев стоит памятник: пять обелисков из белого мрамора, на которых высечены имена 1146 павших воинов ПАЛМАХа и обозначены битвы, в которых они погибли.

Церемонию открыл Иехиэль Лекет, председатель «Керен Кайемент», сменивший Моше Ривлина на этом посту и активно помогавший нам в осуществлении проекта. Затем женщины ПАЛМАХа сняли покрывала с мемориальных обелисков, и парк был открыт.

Эта церемония знаменовала для нас, членов общества «Поколение ПАЛМАХа», еще один вклад в выполнение данной нами клятвы — никогда не забывать наших павших товарищей.

Множество маленьких камешков, положенных приходящими сюда израильтянами на памятниках в Лесу павших палмахников, свидетельствует о том, что наследие ПАЛМАХа, его традиции, память о его битвах и трудах живы в народе Израиля.

Содержание

<i>Шимон Перес</i> . Предисловие к изданию 2001 года	5
<i>Ицхак Рабин</i> . Предисловие к изданию 1988 года	6
От автора	11
Введение	13
Глава 1. С Земли Израиля в Европу 1947 года	22
Глава 2. Хагана проводит боевую подготовку в Венгрии и Чехии	45
Глава 3. Боевая подготовка в Италии	71
Глава 4. История «Лино» и его затопления	94
Глава 5. Группа диверсий против вражеского имущества	125
Глава 6. Операция «Гур»	151
Глава 7. Самолетная операция	188
Глава 8. Приказ есть приказ	195
Глава 9. Гидончик	197
Глава 10. Взрыв в Венгоно	202
Глава 11. Разброд в группе	214
Глава 12. Хотели подорвать три торпедных катера	219
Глава 13. Вторая разведсекция	226
Глава 14. Служба в Армии обороны Израиля	237
Глава 15. «Махтешим» и «Тадир»	244
Глава 16. Миссия в Уганде и работа в оборонной промышленности	247
Глава 17. ПАЛМАХу 50 лет — май 1991	248
Глава 18. Создание Дома ПАЛМАХа	249
Глава 19. Лес павших палмахников	251

Йона А.

И75 Не оставляя следов: Воспоминания ветерана израильских спецслужб / Амнон Йона; Пер. с иврита Ю. Винер. — М.: Текст, 2005. — 253, [3] с.

ISBN 5-7516-0530-6

Генерал Амнон Йона, ветеран израильских спецслужб, пишет о шести десятилетиях своей работы. Он командовал подпольным отрядом еврейского сопротивления в годы британского мандата над Палестиной, был адъютантом первого президента Израиля, организовывал многочисленные диверсии против арабских вооруженных сил, выполнял секретную миссию в Уганде, руководил крупной компанией по разработке и производству военного электронного оборудования. Это книга о людях, наделенных отвагой и неустойчивой энергией, внесших неоценимый вклад в создание и оборону Государства Израиль. Воспоминания Амнона Йоны выдержали тринадцать изданий на родине автора. В России книга выходит впервые.

УДК 355/359
ББК 68.49(5Изр)

Амнон Йона

НЕ ОСТАВЛЯЯ СЛЕДОВ
Воспоминания ветерана
израильских спецслужб

Редактор В. И. Генкин

Художник Т. О. Семенова

Лицензия ИД № 03308 от 20.11.2000

Подписано в печать 05.07.05. Формат 84 x 108/32.

Усл. печ. л. 13,44 + 0,84 (вкл.). Уч.-изд. л. 15,48. Тираж 2000 экз.

Изд. № 601. Заказ № 7760.

Издательство «Текст»

127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1

Тел./факс: (095) 150-04-82

E-mail: textpubl@yandex.ru

<http://www.mtu-net.ru/textpubl>

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, 93

OCR Давид Титиевский, август 2021 г., Хайфа

**КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ТЕКСТ»**

Оптовая и розничная торговля:
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, 7/1
Тел./факс: (095) 156-42-02

Торговый представитель в СПб.
ООО «Алан». Тел.: (812) 312-52-63

**В Москве книги «Текста»
можно купить в магазинах:**

Дом книги «Молодая гвардия»
Большая Полянка, 28

Московский дом книги
Новый Арбат, 8

Торговый дом «Библио-Глобус»
Мясницкая, 6

Торговый дом книги «Москва»
Тверская, 8

«Пушкинист»
Страстной бульвар, 4, подъезд 10

ООО «Фаланстер»
Большой Козихинский пер., 10

Книжный магазин «Русское зарубежье»
Нижняя Радищевская ул., 4

Продажа книг через интернет:
www.azarov.ru

Перед вами уникальная в своем роде книга — воспоминания ветерана израильских секретных служб генерала Амнона Йоны, организатора тайной переправки евреев в Палестину и многочисленных диверсий против арабских вооруженных сил. Автор пишет об успешных и неудачных — такие тоже были — операциях, о своих товарищах по борьбе, наделенных отвагой и неуемной энергией.

Аммон Йона родился в 1923 году в польском городе Плонске. В возрасте двух лет был привезен родителями в Палестину, с семнадцати — член еврейской подпольной военной организации, где его командиром был будущий премьер-министр Израиля Ицхак Рабин.

текст

7.00

ISBN 5-7516-0530-6

9 785751 605308